

Игорь Шпотенко

«НА ПЕРЕКРЁСТКАХ СУДЬБЫ»

ИЛИ

«ИСПОВЕДЬ ПРЕДАТЕЛЯ»

Военно-исторический роман

18+

Игорь Шпотенко

**На перекрестках судьбы,
или Исповедь предателя**

«Автор»

2018

Шпотенко И. А.

На перекрестках судьбы, или Исповедь предателя /
И. А. Шпотенко — «Автор», 2018

Военно-исторический роман в котором автор пытается решить вечный вопрос: "Не путаем ли мы предательство с простым и естественным желанием каждого человека жить?". Как простые люди, попавшие по чьей то вине в экстремальные условия, пытаются защитить свою жизнь всеми возможными средствами. Как наше государство оценивает это естественное стремление, как и чем народ за это платит.

© Шпотенко И. А., 2018

© Автор, 2018

Игорь Шпотенко

На перекрестках судьбы, или Исповедь предателя

«На перекрестках судьбы»

или

«Исповедь предателя»

2018 год.

Пролог.

Сентябрь 1980 года выдался очень жарким. Только – только отгремела наша олимпиада, спел свою песню Лев Лещенко и улетел в вечность плачущий Миша, совсем недавно похоронили Володю Высоцкого, уже почти год шла война в Афганистане, но о ней мы знали только то, что говорило сарафанное радио о привезенных цинковых гробах и небольших заметках в некоторых центральных газетах о помощи, которую оказывает наш народ своему, еще одному младшему братику -Афганистану.

Егор Щербачков получил свою повестку с военкомата и после первой же медицинской комиссии был направлен на полное обследование в городской больничный городок города Брянка Ворошиловградской области.

Денек выдался на славу, на небе ни единого облачка, градусник в тени показывал цифру 31.Егор шел не спеша, пешком с своего микро– района, где совсем недавно его родители получили новую трешку на шестом этаже девятиэтажного дома чешского образца и переехали с поселка Криворожье, где продолжали трудиться на самой старой шахте района 1-1 бис. Дорога проходила через еще один шахтерский поселок Завадск в конце которого и находился больничный городок. Мальчишки, после школы , гоняли в мяч на школьном стадионе , поднимая пыль , кто то возвращался с первой смены домой , бойко шла торговля совсем еще не старой бабки , жареными семечками на углу школы , с которой ругалась уборщица в синем халате и с пустым ведром в правой руке, левой она доказывала продавщице семечек , что весь мусор от ее товара будет в школе и чтобы она уходила торговать в другое место...Егор в другое время не пожалел бы несколько минут и дождался бы конца этого диспута , но ему необходимо было в 14 часов быть в приемной главного врача города Марка Фердинандовича Куперман, только по этому спешил. Пройдя поселок Егор вышел на степную тропинку, которая шла между огородов граждан поселка и с интересом рассматривал, что выросло. В основном это конечно был картофель, но было много и лука, чеснока, встречался еще и горох, помидоры и конечно гарбузы или правильно тыквы. Но Донбасс принадлежал к Украине и говорили там одинаково, что на русском, что на украинском вернее на суржике.

Ворота в ЦГБ (центральная гор больница) были открыты и на посту никого не было, поэтому Егор свободно прошел к отдельно стоящему зданию управления ЦГБ и вошел в приемную. Секретарь, не молодая, но по всей видимости в молодости ух какая, лишь на долю секунды оторвала свой взгляд от пишущий машинки и удостоила им Егора, тихо спросила: «что надо?» Егор по жизни был любитель стильного юмора и поэтому в том же небрежном тоне ответил, что пришел забрать колбасу. Секретарь бросила стучать на машинке, отодвинулась от стола, показав при этом треугольник выреза с которого просматривалась шикарная женская грудь и ничего не поняв в юморе Егора сказала, что тот, наверное, что-то напутал, ему видно надо в столовскую конторку. Но поймав улыбку на лице парня, сообразила, что попалась и уже вежливо спросила: –«Вы к Главному?». Егор извинился и сказал, что по направлению с воен-

комата. Секретарь велела подождать и как-то ловко шмыгнула в двойные двери глав врача. Через несколько минут она вышла с бумагой в руках, это было направление на госпитализацию в приемное отделение, а куда и в какую палату определяют уже по месту. Егор буркнул слова благодарности и вышел.

Около здания управления находился гараж ЦГБ, в котором в этот день проходил техосмотр. Все машины были чисто вымыты, где надо подкрашены, особенно в строю выделялись два автомобиля главного это новая НИВА –зимний вариант езды глав врача и волга фургон – летний вариант. Марк Фердинандович себя не только любил, но и уважал. А в кабинете у него в это время сидели проверяющие и только поэтому Егор не попал на прием. Честно парень и не обиделся он спокойно шел в приемный покой.

Помещение приемного покоя находилось в четырехэтажном старом корпусе хрущевской постройки на первом этаже. В небольшом кабинете сидел молодежавый мужчина в белом халате и такой же шапочке, пил чай и слушал какой-то очень забавный рассказ мед сестры, которая сидела на кушетке напротив него и забавно мотала ногами в процессе. Егор поздоровался и протянул лист врачу. Доктор прочитал писульку, которая была написана на отдельном листочке бумаги и подклеена к листу приема и обратился к Егору: «На что жалуетесь?» «Да ни на что» – ответил парень» я был больше года в тайге по комсомольской путевке с военкомата, там меня списали по тому, что начали шататься зубы, вот и все. А теперь готовлюсь в армию...» Доктор внимательно посмотрел в глаза парню и не заметив подвоха подписал бумагу, предварительно узнав где есть свободная койка. Егора определили в палату 4ре в хирургическое отделение. Палата была для выздоравливающих на 3м этаже хрущевской постройки. Егор спросил, как зовут доктора, на что он ответил – Горбачев Анатолий Григорьевич и разрешил позвонить домой, сообщить, что положили и что бы принесли необходимое в больницу. Облегченно вздохнув Егор пошел искать свою палату и отдать мед сестре поручение на постановку сегодня на питание. Палату он нашел практически сразу, это было обычное помещение, в которой стояло четыре солдатские металлические койки, но по два матраца. Койки стояли вдоль стен у окна небольшой стол и четыре тумбочки между кроватями. Большое, давно не мытое с уличной стороны, окно не завешивалось ничем поэтому на вечер вешали простынь или газеты. Койка Егора стояла с права первой у умывальника, в котором воды давно уже не было. Как ни странно, но простыни были белыми и не влажными, подушка мягкая, а одеяло не старое. Никаких развлечений в смысле радио точки в палатах не было и что бы узнать новости ходячие выходили в коридор , где в небольшом фойе стояло старенькое радио и четыре стула , а так же был открыт балкон , на котором хоть строго и воспрещалось , но мужики , а вечером и мед персонал покуривали. ...Егор сразу же завел знакомство с молоденькой сестричкой Олечкой ,которая сегодня дежурила в сутки и попросил ее набрать номер своего домашнего телефона , что бы попросить младшего брата привезти ему кое каких радио деталей для детекторного приемника вместе со всем необходимым в быту .Прозвучала команда готовиться к обеду так как раздатчица уже принесла ведра с первым и вторым .Егор почувствовал чувство голода так как перед военкоматом он ничего не ел, так было сказано ,потом все движения и вот и не знал записан он на этот обед или нет. Егор сел в фойе на стул. Больные потянулись в комнату для приема пищи. Оля, новая знакомая Егора, выглянула в фойе, увидела сидящего парня и ничего не говоря пошла в комнату к раздатчице. Раздатчицу звали Гульнара, уже не молодая татарка, живущая здесь же на территории ЦГБ с конюхом и садовником по совместительству, не известного возраста мужиком – которого все и даже глав врач звали просто ДЯДЯ Гриша. Оля подошла к парню и сказала с улыбкой «не будешь кушать не поправишься, иди твой стол то же номер 4ре там на тебя уже все накрыто». Егор поблагодарил и пошел есть.

Стол обычный на четыре человека, зеленого цвета, был накрыт больничным обедом – горячий борщ с кусочком мяса пах так сильно свежестью и зеленью, что засосало под ложечкой, на второе была рисовая каша и две небольшие тефтели, кисель стоял во главе стола все

четыре стакана бледно розового цвета, хлеб лежал в одной тарелке. За столом сидело трое мужчин, еще не деда, но и молодыми их назвать было тяжело и с аппетитом уплетали первое. Егор вежливо поздоровался и присев на стул пожелал всем приятного аппетита «Еж, ибо остынет» отозвался один из сидящих с перевязанной, как после ранения, левой рукой. Егор с удовольствием набросился на еду. Столовая еда парню нравилась своим неповторимым в домашних условиях вкусом. Тот мужик, что сидел напротив Егора, подвинул к нему головку свежего чеснока и заулыбался. Парень отломил от нее несколько зубков и натер шкурку хлеба с солью – получилась вообще бомба от вкуса. Ели молча только слышны стуки ложек о тарелки. Попили не сладкий кисель и поблагодарив поваров встали. Мужики пошли на балкон – покурить потихому, а Егор пошел в палату и лег на постель, которую уже застелила санитарка, небольшая ростом женщина среднего возраста в сером халате и в резиновых тапочках на босу ногу. Парень наелся и решил, что можно вздремнуть, так как все процедуры будут только утром, как ему поведала Оля. В палату зашли курильщики и расселись по своим кроватям, которые со скрипом отозвались на это. «Ну, что будем знакомится с новеньким?» – спросил мужик с перевязанной рукой. «Можно и так» – отозвался второй, тот о котором Егор подумал, что тянет ногу видать ранен был. И только третий мужик – среднего роста крепыш, видно, что с военной выправкой, промолчал... Егор поднялся с кровати, сел на табурет, и спокойно сказал свое имя, откуда и зачем его, здорового парня, сюда определили. Тот, который тянул ногу, назвал Григорием Ивановичем и вспомнил, что знал деда Егора по маминой линии Корсакова Ивана Филипповича или старого Корсака, тоже хромого с фронта. Вторым, тот, что с перевязанной рукой отозвался, как дед Толя без отчества и тоже обозначил знакомство только уже и со вторым дедом Егора Николаем Петровичем, которого в Криворожье знали многие, как костоправа. Последний мужчина тот, что с видом военного, молчал и дед Толя сказал, что зовут его Николаем Николаевичем и лечится он каждые полгода, что-то со спиной, но тут же вставил язвительную шуточку, что мол живет сам без бабы, а сюда подъедаться ложится, но после сурового взгляда Николаевича сразу смолк и начал укладываться, тяжело сопя и кряхтя, и зачем-то ругая свою бабку по имени Настя. На правой руке у Николаевича, чуть выше ладони красовалась старая тату, две буквы и плюс К+Н. Егор улегся и как-то непонятно задремал. Проснулся он от того, что в палату вошел его младший двенадцатилетний брат Андрей, который принес средства личной гигиены и радиодетали. Поговорив минуту с братом Егор не стал его держать и отправил домой, а сам стал монтировать приемник.

Радио делу Егора научил сосед по подъезду в Криворожье, Николай Хотин, который был ярким радиолюбителем и с помощью обычной звуковой лампы 6ПЗМ и схемы выходил в эфир и крутил музыку на коротких волнах. В те годы это считалось высоким классом наряду с умением не брэнчать, а играть на гитаре и петь. Дед Толя, с язвительной миной тут же заявил, что радио играет только под напряжением или с батареей, а так работать оно не может. Парень собрал самый простой – детекторный приемник для этого был необходим один диод Д206, динамик от телефонной трубки и медная проволока для антенны и заземления. Проволоку выпрашивали у мастеров взрывников на шахте. Заземлением служила система отопления – лучше не придумаешь земли, а антенну – накручивали проволоку на палочку или просто палец, затем ее растягивали и подвешивали. Через 10 минут из наушника был слышен тихий голос диктора Маяка, брала только одна волна «. Эх надо было с тобой, дураком заспорить на пол литру» сказал после испытания прибора Григорий Иванович своему другу Толику, «хоть бы толк то был какой.» К приемнику по очереди все прислоняли свои уши и слушали, как будто были не 80е, а 30тые годы и радио только появилось... Это была первая победа, в своем становлении как члена палаты, Егора.

Однако вечер только начинался. До ужина еще оставалось время, весь мед персонал, не задействованный в ночной смене, давно разошелся по своим домам, санитарки о чем-то спорили в фойе около балкона, мешая мужикам спокойно перекурить, мед сестры собрались

у себя в сестриной и так же живо обсуждали чьи-то прошло ночные похождения, довольно громко смеясь.

После 18-ти часов началось посещение больных своими родичами. Бедным, как будто три дня не кормленным, приносили домашнюю еду сумками. Егор, никогда до этого не лежавший в больнице, не понимал зачем это надо, ведь он наелся от души и даже на ужин теперь можно было не ходить, а тут такие передачи. Первая пришла жена деда Толи его Настя. Сначала показалась небольшая головка в дверном проеме палаты, а потом и все тело женщины, одетой в серый больничный халат поверх сиреневого сарафана с голыми плечами и большой желтой брошкой в виде бабочки на груди. И сразу же стало шумно. Настя тараторила не умолкая, как будто старалась за минуту пересказать все новости Криворожья. Егор ее сразу же узнал – она торговала семечками на повороте к шахте. Семечки у нее всегда были отменные, хорошо прожаренные и всегда быстро расходились. Это ее они с пацанами когда-то в детстве дурили – возьмут двухкопеечную монетку натрут ее ртутью она и заблестит, как гривенник, перевернут его другой стороной там, где герб и дают ей за большой стакан, она не рассмотрит сразу и сыпет семечки в карман, ну а потом ищи свищи. Баба Настя тоже узнала Егора и выкладывая продукты в тумбочку спросила: «А ты то, милок, как тут с дедами оказался? что тебя травмировало на шахте?» Тут отозвался дед Толя: «Ты что, дура старая, мелешь своим языком, видишь парень здоровый, готовится в Красную Армию идти служить.» Настя вытерла руки о тряпочку, принесенную с собой и обращаясь уже не к своему деду, а к Григорию Ивановичу спросила: «Что, Гриша, нога сильно то болит? Сколько уж ты с ним будешь проклятым мучиться? Может и вправду то операцию зробишь? «Егор только сейчас понял, что разговор идет о осколке в ноге мужчины. «Нет Анютка, боюсь, что и помру с этим фашистом в ноге» – только и сказал озабоченный растиранием своей раненой ноги, Григорий Иванович. С разговора стариков Егор понял, что они знают один одного с детства, поэтому так и зовут один одного по имени. «Тут я принесла как вчера, так вы уж по-тихому, бо сегодня он горит больше, чем вчерашний» – тихо сказала Настя собираясь уходить. «Все я побегла, а то там еще коза не доена и вообще некогда мне с вами, дедами тут, я пока Тольки дома нет може и крашего мужика найду» – тараторила, улыбаясь уходящая женщина. «Иди иди только чтоб завтра в это время как штык была» – так же весело выпроводил жену дед Толя. «Моя Анютка просто золото, вот всю жизнь с ней живу и не надоела ни разу» спокойно сказал дед Толя, хитро прищурившись и моргнув Григорию Ивановичу. «Зараз и моя жинка прыйдэ» – сказал он.

Николай Николаевич перевернулся на спину, кровать заскрипела под весом и попытался подняться. Не получилось с первого раза, и он знаком попросил Егора ему помочь. Парень вскочил и взял лежащего мужчину за руку потянул без усилия к себе. Поднявшись на ноги и немного постояв Николай Николаевич взял полотенце и мыло и пошел в туалет. «Тяжко ему бедному, сам живет, никто его не проведывает, от того и молчун. Я с ним второй раз лежу вместе, а так ни о чем и не поговорил ни разу» – поведал дед Толя.

В палату тихо постучались. «Во, моя интеллигенция прыйшла, казав ей не стучи ни у кабинэти в тебе» – проговорил Григорий Иванович и пошел открывать дверь» «Нет, пока не откроешь сама не войдет, она у него библиотекарь на шахте» – поведал дед Толя. Егор привык к суржику, там, где он жил половина, так говорили. Поселок Криворожье был, как и весь Великий Донбасс многонациональным. В 1890 году здесь французский капиталист открыл шахту и стал собирать народ. Вот так и получилось многонациональное общество. В палату вошла высокая женщина, довольно прилично одетая, красиво уложены черные, еще не тронутые седной, волосы. Сразу видно, что разница в возрасте между супругами была приличной. «Здравствуйте товарищи», как на собрании произнесла дама, «Как здоровье? О у нас новенький и то же наш Криворожский. Вы Щербаков я хорошо знаю Ваших родителей особенно маму Тамару, она часто у нас бывает, и мы с ней когда-то в молодости начинали вместе работать в библиотеке», как будто пропела она. Да и парень ее узнал, он тоже часто с мамой ходил в шахтную

библиотеку, там работала старенькая Феня Исаевна Токарева, которая и дала его маме путевку в жизнь. В библиотеке была печатная машинка, а мама могла печатать и ее часто просил парт-орг шахты напечатать тексты.

Звали жену Григория Ивановича – Ларисой Петровной. Она заботливо осмотрела ногу мужа, сложила принесенное в тумбочку, узнала, что произошло за сутки и немного пошептавшись с ним попрощалась и ушла. «Все посещения на сегодня должно быть закончились» прокомментировал дед Толик. Позвали на ужин. Николай Николаевич пошел занимать столик, а через несколько минут подтянулась и вся четвертая палата. На ужин была гречка с жаренной рыбой. Куски рыбы были большие и хорошо прожаренные, диетическим давали вареное мясо, которые тут же меняли на рыбу. Чай был горячим и не сильно сладким таким, как и надо, булочка и шайба 20 грамм сливочного масла. Егор не спеша поел все, встал, сказал спасибо и убрал со стола за всех тарелки и стаканы. В палате никого не было, все по-тихому курили на открытом балконе. Егор сел и прислонив к уху наушник, стал слушать музыку. В палату заглянула Оля с очаровательной улыбкой. Она сегодня дежурила. «Как тебе первый день?» спросила девушка. «Да все хорошо, вот только зачем чье-то место занимать? Я ведь не болен мог бы и походить каждый день». «Ух хитрый какой, так положено вот и отдыхай себе. Приходи вечером посидим в дурня перекинемся. Придешь?». «Хорошо» ответил парень. Девушка подарила ему ослепительную улыбку и убежала по своим делам. «Что, уже глазки тебе начала строить?» спросил вломившийся, как паровоз накуранный, дед Толик. «Смотри тут и женим тебя». Вошли и остальные мужчины, со скрипом расселись по своим кроватям и стали о чем-то своем тихонько переговариваться. Егор опять вздремнул, не разбирая постели, прислушиваясь к музыке с наушника. На улице уже потемнело и в палатах зажгли свет. В просвечивающееся окно с улицы постучала заблудившаяся горлица, потолклась по подоконнику и улетела по своим птичьим делам. Больные потянулись в туалет умываться и готовиться спать. Егор тоже встал и обнаружил, что его соседи собираются вечерять. Дед Толя сдвинул два табурета вместе, накрыл их белой тряпочкой, заранее принесенной его женой, на получившейся стол достал с тумбочки хлеб, сало, зеленый лук, баночку кильки в томате и несколько огурцов и помидоров. Его дружок Григорий Иванович, как по команде достал со своей тумбочки литровую банку с картошкой в масле, круг кровяной колбаски и бутылку домашнего кваса. Вилки и нож были заботливо протерты салфеткой, принесенной с комнаты приема пищи. Дед Толя выглянул в коридор, что-то пробурчал себе под нос только ему понятное и тихо сказал Григорию: «Доставай.» На импровизированном столе появилась пол литровая бутылка зеленого цвета с жидкостью заботливо закрытой большой бумажной пробкой из газеты и три граненых стакана. Григорий Иванович порезал колбаску, сало, помидоры и огурцы и открыл консервы. Затем подошел к кровати Николая Николаевича и негромко сказал: «Коля, вставай посидим немного я угощаю, ибо мне сегодня вроде бы как день рождения выпал». Николай Николаевич тяжело повернулся на своей кровати, поглядел на стол, затем на товарищей и тихо произнес: «Да я без подарка вроде, да и на стол мне предложить то вроде и нечего». Егор был просто сражен той порядочностью, которая исходила от этого не молодого уже джентльмена. «Да пустяки все, Коля, садись пожалуйста» – позвал уже дед Толя. Потом пригласили и Егора, но пить он отказался, так как не пил вообще, да и мысли у него были забиты приглашением от Оли. Но время еще было, и Егор присел на кровать к столу. Выпили дружно. Запах от самогона быстро разлетелся по палате «Ох тры гычкы» (в народе так называют свекольный самогон) – заметил дед Толя закусывая салом и намотанным на палец луком. Его высказывание переводилось как бурячиха. Григорий Иванович запил квасом и занюхал кусочком хлеба, а Николаевич взял кусочек кровяной. У Егора разгорелся аппетит и вроде бы наелся час назад, но вид такого стола только раззадорил парня. Он взял картошку с банки, огурчик и кусочек сала и все это с удовольствием скушал. Дед налил по второй и произнес тост за здоровье друга. «Спасибо, Вам большое» – отозвался Григорий Иванович, «только день рождения у меня в марте, а сегодня

меня могли убить в бою 38 лет назад в сентябре 42го в Ленинграде. Все видел, но такого арт обстрела вместе с авианалетом я не помню больше. Бомбы, снаряды и мины ложились так густо, что не видно было неба от пыли и смрада. Раненые кричали и звали на помощь, но нельзя было поднять головы не то, что встать. Мы заняли позицию под подбитым и сожженным немецким танком, потому и были немного в лучшем положении чем остальные. После обстрела всегда начиналась атака и я с моим вторым номером Нурбеком Сайтгалиевым готовили наше ПТР к бою, а проще прятали его, чтобы не разбило. Обстрел шел уже второй час подряд, когда к нам под танк залетел шальной осколок. Меня сильно ударило по голове, и я потерял сознание. Не знаю сколько я лежал, но, когда очнулся меня тащила на себе мед сестра Лиза и мы были уже далеко от танка. Я спросил ее о своем товарище. Она сказала, что он без головы, а меня спасла моя каска, которая была разбита вдребезги. Вот такой был мой второй день рождения». Разлили по третьей, начинался интересный разговор, и Егор вдруг понял, что он не пойдет сегодня ни на какое свидание, потому, что прослушать такие откровения не всегда удастся, ведь фронтовики не часто об этом говорили. Только все помнили и носили в себе. . . Николаевич взял вилку и уколол картошку, немного подсолил и отправил в рот: «Что, сильно жарко то было тогда в Ленинграде?» тихо спросил он. С выпитым Иванович не понял смысла вопроса и прямо ответил, что осень, как и сейчас, была больно жаркой. Чего-то наступила тишина, каждый думал о своем и лишь молодой человек заглядывал каждому в глаза, желая слушать и слушать такие разговоры. . . Дед Толя разлил последнее с этой бутылки, его оказалось мало и он, как фокусник в цирке, достал вторую только в прозрачной бутылке. Она была закрыта уже пробкой с пластмассы. Взяв бутылку в рот, он лихо открыл зубами пробку и прорекламовал: «Чистый как слеза нетронутой девки, только сахар и дрожжи.» В слове сахар у него четко был слышен мягкий знак и от этого сам напиток казался сладким. Долили по стаканам, но выпивать не спешили. «Ты куда служить то идешь?» спросил Иванович своим суржилом у Егора. «Кажуть до Афгану усих гребуть зараз.». «Не накаляй обстановку» вступился дед Толя, давай выпьем за все хорошее, а не за войну проклятую, которую мы с тобой на себе по 3 года испытывали. Все трое выпили и как по команде начали дружно закусывать. «Тихо не торопитесь, еще почти целый пузырь, а Вы жрете, как слепые лошади» – остановил всех дед Толя. Он встал, открыл форточку окна и смачно закурил Беломор. К нему присоединился и Иванович. Егор взял кусочек хлеба, сала и кровяной колбаски, откусил кусочек и спросил: «Дедуль Толя, а Вы где и кем воевали?». Дед немного помолчал, как будто собирался с мыслями и тихо начал говорить. Нас с Гришкой забрали в один день, хотя была возможность взять броню, ведь мы то с ним забойщики на нашей шахте были. Только разошлись наши пути он на Ленинградский фронт попал, а я в учебную часть младших командиров в подмосковном Ногинске. Немца тогда оттуда уже выбили. Стали меня и еще пол тысячи таких же как я бывших работяг, учить стрелять, окапываться, нападать с пристегнутым штыком, кидать гранаты и все по не многу уже и не упомнишь чего. Учили, что бы мы потом обучили всему этому своих солдатиков. И в июле 42го я младший лейтенант стрелкового взвода был направлен на только что созданный Сталинградский фронт под командованием маршала Тимошенко. В конце августа немцы начали наступление на Сталинград, это было просто жутко, арт обстрелы и налеты люфтваффе не прекращались ни днем, ни ночью, мы отражали по 6 – 7 атак гитлеровцев в день, а случалось и больше. За первый месяц я, командир взвода, получал четыре раза пополнение личным составом. Не успевал запоминать не то, что фамилий, даже лиц своих солдат. Бог смилостивился надо мной, а молился я ему вместе с нашим замполитом – евреем по несколько раз в день. Не знаю, но за полгода я был лишь однажды легко ранен и то по касательной в бедро. «То есть в жопу» тут же поправил его немного захмелевший Иванович. Не обращая внимание на реплику друга, дед Толя продолжал свой рассказ. «В октябре начались первые морозы и нам стали выдавать ватники вместо вечно мешавших шинелей, шапки ушанки и сапоги вместо ботинок с обмотками. «Не понял с чем были ботинки?» – переспросил Егор деда. «Да, дорогой пацан,

с обмотками, как в царской армии.» Наступила тишина, Иванович налил и все молча выпили. Закусили и закурили уже вдвоем. В палате было, как-то не по нормальному, тихо. Отбой уже давно прошел и в длинном коридоре было слышно лишь ворчанье санитарки тети Наташи, как ее уважительно называли больные, моющей пол шваброй, она рассказывала мед сестре толстой Ленке, что на днях должна родить её любимая и единственная невестка, тоже Наташка, и что имена уже придумали, если мальчик—Колька, девочка—Олька и радостно смеялась остротам собеседницы. Медицинские поговаривали между собой, что санитарка Наташка когда-то до войны служила следователем в НКВД и что у неё был влиятельный отец по фамилии Ярош, которого расстреляли как врага народа, а её беременную от какого-то летчика сослали на поселение. Что у неё тату на правой руке К+Н и такое же у её лётчика. Но сама она этого никому не говорила, но фамилия у сына была не её. «И что было дальше?» – спросил Егор, нарушив образовавшуюся во время подслушивания чужой радости тишину: «дальше была опять война» провел черту Иванович.

В палату приоткрылась дверь и просунулась голова девушки. «Что ты придешь?» спросила она, но рассмотрев импровизированный стол и запах табака видно поняла, что свидания сегодня не состоится. Дверь так же тихо закрылась.

Мужики разлили по последней, оказалось, что так они не пили водки было больше чем по пол стакана каждому. Но оставлять на завтра нет смысла, а делить на еще раз – мало закуски. Выпили и доели все, что оставалось. Егор стал убирать мусор, он скомкал газету, а чистой тряпочкой вытер табуреты, собрал все лишнее и вышел в коридор. В фойе сидела Оля и что-то записывала в книгу. Парень подошел и извинился. Оля ничего не ответила и продолжала заполнять журнал. Егор пошел по только что вымытому и еще не просохшему полу в туалет, выбросил мусор и умылся. На обратном пути девушки не было и молодой человек решил лечь спать. В палате все уже лежали. Мучился, ища себе место с рукой дед Толя, Иванович лежал на спине укрытый одной простынкой и сопел, Николаевич, кровать которого находилась через тумбочку в голове у Егора, лежал на боку к стене. Егор вспомнил, что Николаевич не проронил за вечер ни слова. Это давало повод для мыслей. Но он ходил постоянно одетый в тельняшку с рукавами, что ему холодно что ли? спрашивал сам себя парень. Первым захрапел Иванович, как по команде завелся сиплым храпом и дед Толя. «Ну все запели на всю ночь» произнес Николаевич, не поворачиваясь, «хоть беги, теперь до утра не утихнут». «Ты хоть не храпишь?» обратился Николаевич к парню, «Бывает конечно, но я сам себя не слышу» ответил Егор и подsunул к уху наушник по ближе. С наушника слышалась песня А Пугачевой – «Миллион алых роз». Егор стал прислушиваться и потихоньку уснул. Первый день и ночь в четвертой палате ЦГБ закончились.....

Проснулся Егор от того, что его кто-то легонько тряс за плечо. Парень повернул голову и увидел Олю с пальцем у губ, показывающую головой на выход. Егор глянул на часы было около бти утра, солнце давно встало и горлицы за окном на дереве дружно кричали. Парень взял мыло и зубную щетку, одел больничные тапки и вышел. Оля стояла у раскрытого балкона и укладывала свои красивые рыжеватые волосы в косичку. «Доброе утро» сказал Егор «прости, что так вчера вышло я немного заслушался рассказов старых вояк». «Понятно с тобой все» сказала в ответ девушка «ладно я не обиделась ни сколько, моя смена теперь через сутки там и поговорим» и она ловко чмокнула растерявшегося парня в щеку и побежала в сестринскую. Немного постояв, обдумывая случившееся, парень поспешил в туалет так как скоро подъём и старики займут все пространство. С удовольствием помывшись по пояс и об теревшись домашним полотенцем, парень пошёл назад, ища взглядом девушку. Но ее уже не было на этаже. Егор вошел в палату и стал убирать свою кровать, затем сел и не громко стал мурлыкать себе под нос песенку студента. «Нэ зрозумив, шо вжэ й дивку опрыходував?» не поворачиваясь спросил своим ужасным суржилом Иванович. На своей койке хихикнул и дед Толя. «А Вам то что за дело, пеньки старые?» вдруг отозвался на шутку Николаевич, «спите себе молча у вас небось

на раз по писать осталось, лежите и завидуйте». От неожиданности все, в том числе и Егор повернулись в сторону говорившего. «Ты ля у нього й мова своя э» только и выдавил с себя Иванович. Мужчины стали по немного шевелиться со своими болячками и рассаживаться на кроватях. Егор опять помог Николаевичу подняться, деды пошли по своим делам и в палату внеслась со своей шваброй тетя Наташа с приказом всем покинуть помещение для уборки и проветривания, теперь уже рассказывая о своей скорой радости всем палатам по очереди. Егор молча пошел на балкон. Свежий сентябрьский воздух осеннего утра бодрил, солнце еще не настолько прогрело воздух после ночи, что чувствовалось после теплого помещения. Егор стоял на балконе третьего этажа и смотрел вниз где к приемному покою подъехала скорая помощь и из нее на носилках вытаскивали одетого в робу человека. Видно на какой-то из шахт что-то случилось. Егор увидел и знакомого по учебе в ДОСААФе парня Владимира Салахутдинова или просто Салата и поздоровался с ним. Его так же положили на обследование, только он лежал этажом ниже. Договорившись о встрече после обхода, Егор пошел назад. В палате пахло хлоркой, видно тетка Наташа не жалела растворов для пола. Николаевич уже ушел на раздачу он любил это дело и ему команды не нужны были, а вот убирать со стола придется теперь постоянно Егору, так как самый молодой, да и вообще кто бы спорил, а парень был согласен.

На завтрак собрались быстро. Сегодня, как и всегда каждый божий день утром давали молочное. Был суп с макаронами или манная каша, шайба сливочного масла и сладкий молочный кисель. Хлеб просто стоял порезанный у раздачи бери сколько надо. Мужики после вечернего молочное не ели, а поставили тарелки перед парнем, пили кисель с хлебом и маслом и ухмылялись зверскому аппетиту молодого организма. Егор молочное любил всю жизнь. Он с удовольствием съел две маленькие порции супа и ссыпав в одну тарелку две порции манки, добавив туда свое масло, с удовольствием это уплетал, запивая киселем. «Кому еще кисель?» спросила раздатчица. Егор набрал еще стакан. Убрав за всеми стол и поблагодарив женщину за еду, Егор с полным пузом и хорошим настроением, пошел на первый свой обход. На обход пришел сам Главный. Все разлеглись на, застеленные перед завтраком, кровати и тихонько переговаривались. «Что-то сам Куперман сегодня пошел, ведь он обычно по пятницам ходит?» непонятно у кого спросил или просто от резюмировал происходящее дед Толя. «Видать шось треба йому побачиты» отозвался Иванович массируя свою ногу выше колена, «Чо там, конец зачесался?» не смог удержаться от шутки в сторону дружка, дед Толя. «Та ни середина» так же в ответ произнес Иванович и засмеялся. В палату зашло несколько человек врачей, с открытыми для записи тетрадями, старшая медсестра и главный врач больницы. Вернее, он не вошел, а котился на своих маленьких, но шустрых, ножках и сразу стало шумно от его простого докторского юморка. «Всем здравствуйте, товарищи выздоравливающие и симулянты» проговорил Марк Фердинандович глядя Егору в глаза. «Так это тебя за колбасой ко мне в приемную прислали?» чуть улыбаясь, спросил он у парня. Егор, не зная, как себя вести в подобной ситуации, только молчал. «Ладно мир» отрезал главный и широко улыбнулся ничего не понимающим в его словах, врачам и больным. «Представляете, сию я значит в своем кабинете с проверяющим авто транспорт милиционером, заходит Люда, моя секретарь и рассказывает, как ее, умницу в этих вопросах, саму развел какой-то рыжий.». Все заулыбались. «Ну, что там у тебя за проблемы? Не хочешь идти в армию? Или как?» то ли спросил, то ли провел черту старый доктор. «Та нет, что Вы, что Вы, он довольно приличный молодой человек и даю Вам слово чести, он не симулянт, как мне видится», опешив всех присутствующих вдруг вступился за смутившегося парня, Николай Николаевич. «Да я вроде ничего против» сдал телегу назад, главный. Осмотрев всех больных он быстро, что-то рассказывал не понятными терминами своим подчиненным, которые в свою очередь только писали. Таков был не гласный, но хорошо отредактированный годами, порядок. Егору вручили, что-то на подобие обходного листа, где стояли фамилии докторов, время и место приема и порядок обследования. «После обхода бегом во

второй корпус на сдачу анализов» выпалила перед уходом старшая медсестра Людмила Владимировна. Ее побаивались не только медсестры, но и весь контингент больницы, включая дядю Гришу. Дело в том, что окна кабинета этой дамы, выходили в сад, где вышеуказанный персонаж работал садовником, и росла травка. А дед Григорий выпасал на этой травке, прямо под окнами, двух больничных баранов с гинекологического отделения. У этих баранов брали семя для лекарств. Кто-то с обиженных ею работников, установил там табличку «ЛУЖАЙКА ТЕТИ ЛЮДЫ» и приписал, что охраняется трип баранами. Установивших конечно не нашли, а вот за баранов она крепко ругалась с садовником. Даже шеф старался в эту историю нос не совать, хотя и смеялся с прикольной шутки.

Как только за процессией закрылась дверь, со своей кровати не просто вскочил, не смотря на боли в ноге, а сорвался Иванович: «Люды добри, Вы тики подывиться на цого говоруна!!!!!, то слова з нього ни выудыш, а то чуток не кынувся у драки с головным ликарем за пацана, котрого уперше бачыть. Во б...ь» взял пачку папирос, но не вышел, так ка обход еще шел. Егора и самого это выступление сильно шокировало, и он очередной раз понял, что не ошибся в глубокой порядочности этого человека. «Да я заступился только по тому, что у парня и в мыслях не было симуляции, чего-то балаболить, хоть он и еврей и главный, но обижать не надо.» С ним никто не стал спорить. «Называй меня дядя Коля, сынок» глядя парню в лицо, сказал мужчина. Наступила тишина. Вдруг дверь отворилась и в нее вошла заведующая пище блоком больничного городка Раиса Резниченко. Это была Егора родственница, а точнее жена маминого родного брата Виктора Ивановича. Брат был родным только по отцу. Родная бабушка Егора, мамина мама, погибла в войну, дед Иван был на фронте, в Донбассе оккупация, и бабушка вместе со своей подругой пошли менять в соседнее село вещи на продукты. Дома сами остались две дочери Тома и Валя. По дороге назад та подруга ударила по голове свою спутницу и забрала все наменянное. Бабушку похоронили, а девочек забрали в приемы богатые люди. Когда немца выбили вернулся домой покалеченный Иван Корсаков дед Егора. Дом разбило бомбой, детей нет, жена погибла. Дед поискал где мог и сошелся с кумой. Там и родился Виктор. А в 46м дед отыскал дочерей и привез домой. Кума наотрез от них отказалась и дед Иван, дай Бог ему вечной памяти, бросил ее и стал жить с дочками, но сыну всячески помогал. Так вот и появился родной брат, но только по отцу.

Привет Егор, заворковала она. Мне позвонила твоя мама и попросила за тобой присмотреть в смысле подкормить если вдруг мало. Так, что милости просим. Приходи ко мне в конторку. Чмокнув парня, Рая поспешила по своим делам. «Ну ничего соби расклады, а мы тут голодаемо, я тепер и у столовку не пиду , будэш сюды таскаты» наложил свой вердикт Иванович.

После обхода Егор встретил Салата, и они вдвоем пошли проходить назначенных на сегодня, врачей. В первую очередь сдали все необходимые анализы, до парней только теперь дошло зачем их положили. Дело в том, что все анализы в поликлинике принимают до 9ти утра и в очереди, а здесь ни тебе очередей ни времени на прохождение, да и с врачами проще общаться, когда ты от них зависишь. Так пролетело пол дня, после обеда все сегодняшнее расписание было выполнено, и парни решили сходить на ставок, который был совсем рядом, через дорогу от ЦГБ. Перейдя трассу Криворожье – Стаханов, парни вошли в посадку, которая была посажена вокруг ставка. Ставок с красивым названием Желтые Воды так же и выглядел. Водоем наполнялся от хрустально чистого и холодного источника, бывшего небольшим ключом чуть выше по дороге. Его облагородили, накрыли плитами и люди с удовольствием приходили сюда отдохнуть или просто за ключевой водой. А сам водоем был выкопан в глинистой горке длиной около 200 метров и шириной метров 50 –60, довольно глубокий так как в одном углу стояла деревянная трехэтажная вышка для прыгунов. А вот посадка вокруг этого чуда Донбасской степи была на половину дубовая, а на вторую половину пасленовая. Запах такой сладко – вкусный, что его невозможно было надышаться. На берегу привозной карьер-

ный, желтый песок и кабинки для раздевания, по всей длине лавочки и грибочки. Но вода все равно была желтоватого цвета.

Ребята разделись и с удовольствием влетели в теплую воду ставка. Жара не спадала было за 30ть. Людей было довольно много, в основном конечно это больные с ЦГБ, но и просто отдыхающих, хотя и рабочий день, было полно. Накупавшись до икоты, молодые люди разлеглись на горячем песке и стали разговаривать о будущем призыве в СА, том в каких они были командах в военкомате, о возможном попадании в пока неизвестный и поэтому совсем не понятный Афганистан. Потом поговорили о девчонках, кто кого будет провожать и какие ансамбли заказывать себе на проводы, где и у кого можно выпросить на ночь проводов колокол с усилителем звука к магнитофону и так о всяких мелочах. Подошли знакомые малолетние пацаны с полными пазухами наворованных у кого-то в саду, яблок. Фрукты были большими, сладкими и сочными. Это был Джонатан – красные и сладкие яблоки и желтый Черненко. Видно, что за деревьями ухаживали так как фрукты практически не порченные, то есть опрыскивались. Наевшись вдоволь сладких плодов и прихватив по два больших в каждой руке с собой, ребята отправились назад по палатам ждать ужина, договорившись предварительно встретиться завтра. Егор повернул в конторку к Рае, решил воспользоваться ее приглашением и взять что-то на вечер. Зайдя в конторку, он сразу увидел идущую ему на встречу, Раису. «Тебя не дожدهшься я уже собралась сама занести тебе тормозок» поведала женщина. Тормозком в Донбассе шахтеры называют продукты перекуса, которые берут с собой в шахту и, хотя слово по себе и паразит им пользуются постоянно и уже больше века. «Как дела?» спросила Рая, «Что нового?». «Да вот первые процедуры и анализы прошел, завтра опять. Я чего хотел спросить тебя, Рая, со мной в палате три дедка и они вечерком употребляют, а я самогон не могу, вот бы водочки хоть чекушку.» скромно попросил Егор. «Да в чем проблема то, водки с собой нет, а вот спирт медицинский кажись еще остался. Мы тут водку не пьем.» и Рая достала со стола двухсотграммовую мерную делениями для детского питания, бутылочку, наполненную чуть ли не до горлышка светлой жидкостью. Бутылочка закрывалась резиновой пробкой. Раиса завернула ее в листок тетради и отдала Егору в руки, чтобы не опрокинуть, затем принесла чистую наволочку, в которых носят резанный хлеб на раздачи и поставила туда большую глубокую тарелку накрытую такой же тарелкой сверху, от которых шел такой знакомый вкусный запах. Затем в две стограммовые железные банки с под томатные пасты наложила в одну не разбавленной еще ряженкой, стоячей сметаны, а во вторую яблочного джема, завернула в такие же листы и отправила в наволочку. Туда же сложила и яблоки Егора отказавшись от угощения. «Неси аккуратно, а наволочку я завтра заберу или утром лучше отдай раздатчице татарке поняль?» и подтолкнула племяша к выходу. «Завтра придешь чуть по раньше, а то я собираюсь уйти в 16 часов.». Поблагодарив Раису, парень пошел в палату размышляя о том, как сегодня будет угощать стариков и слушать их рассказы о войне. И еще его не покидало чувство, пока еще не понятное самому, это утреннее заступничество Николаевича за него. Зачем и почему он так поступил? Зайдя в палату, он застал в ней одного Николаевича и то лежащего на его заправленной кровати, но на своей подушке и слушающего детекторный приемник. Остальные герои курили по-тихому на балконе. Егор прошел к своей тумбочке и поставил туда все принесенное им в наволочке. Николаевич видно задремал крепко прижимая наушник к уху, поэтому и не услышал подошедшего хозяина. Егор сел на его кровать стараясь не заскрипеть пружинами, но тут с обычно громким суржиком, на котором велся очередной серьезный спор, в палату вломился Иванович размахивая руками и как-то особенно сильно прихрамывая, за ним прошел дед Толя придерживая, никак не желавшую заживать, раненную руку. «Мыкола, обратился дед к Николаевичу – давай шуруй на заготовку уже татарка на месте, и такое пахучее что-то принесла под салфеткой». Николаевич проснулся, попросил прощения у парня и после помощи Егора, встал и тихо вышел с палаты. «Чегось з ным происходьть» отчеканил Иванович. «А ты, пацан, где после обеда то носился? Вон твой сок и вафли на тумбочке стоят с полдника.

Уже и бабки наши приходили и за тебя обе спрашивали.» «Да на ставок я ходил хоть покупался с удовольствием, в армии не знаю смогу ли где по плавать.» «Да сможешь, сможешь не бзди пацан, вот в Морфлот пойдешь там покупаешься» ехидно хихикнул дед Толя. Позвали в столовую. Егор почувствовал, что хочет кушать, но сначала сходил умылся и вымыл руки. На столе стояли макароны с сыром и блины с мясом по два штуки на каждого, у диеты были паровые котлеты тоже по две. Но на блины менял не нашлось и каждый съел свое. По убирав за своим столом, парень пришел в палату. Деды уже покурили с составляли табуреты около кровати Ивановича для продолжения вчерашнего разговора. «Мужички мои, обратился Егор к дедам, а чего Вы стол то не используете, вон стоит у окна пустует для красоты», «Точно для красоты, там одна ножка просто подвинута, а другая еле держится, так что только для красоты и стоит» отрезал дед Толя, «да и на табурках как-то по-домашнему получается, как бы вместе за одним столом». Стали доставать принесенное с дому бабками съестное. Сегодня у деда Толи были пельмени домашние в литровой банке с маслом и жареным луком, во второй пол литровой баночке – капуста, квашенная на мощеная свежим растительным душистым маслом, Иванович хвалился жареной картошкой со шкварками то же в литровой банке, свежими помидорами, огурчиками, зеленым луком и свежим чесночком и опять колечком кровяной. Сала сегодня не было. Егор решил немного подождать со своим тормозком и удивить мужичков. Он уже понял, что положила ему Рая. «Коля иди дорогой по сотке» позвал Николаевича дед Толя, «Та нет, ребята я сегодня не буду, ибо у меня ничего нет, а Вам и самим там мало.» Егор еще раз убедился в своем, еще не понятном мнении на счет Николаевича. «Дядя Коля, обратился он к Николаевичу, пожалуйста садитесь» и достал свою сумку. Выставив и открыв две тарелки все увидели гору жаренных блинчиков с мясом. Блинов было 12ть, но с настоящей сметаной это бомба. Джем решили взять на завтрак, а яблоки порезали на четверти. Егор выставил спирт. «Ни спирту бахнемо опосля своего» отчеканил, облизываясь Иванович и послал Егора принести четыре вилки с раздачи. На конец все сели за импровизированный стол по своим вчерашним местам. Пить самогонку парень не стал и ему налили чуть спирта, разбавленного предварительно водой с бутылки деда Толи. Выпили. Егор, не пивший кроме вина до этого водку, сказал, что больше не хочет. Все дружно ели, как будто два часа назад не ужинали вообще. «Дед Толя, обратился к жующему капусту старику, Егор ну, что там было то дальше в Сталинграде?». Дед налил всем, кроме парня, по второй какой-то чуть зеленой жидкости, выпил и с удовольствием крякнул, все выпили «ну что там было, разве это можно рассказать? Командовал нашей 62й армией сам Чуйков умница, а не генерал, любили его больно все, он нас жалел, для него солдат на мясо для пушек, как для Жука (он имел в виду Г К Жукова), тот уложил тысячами в минуту. Помню к середине ноября немец практически выдохся, но атаки шли постоянно, хоть и морозило их сильно. Помню собрал нас ком бат и стал рассказывать, что готовимся к наступлению и должны теперь беречь каждого солдатика. Наш батальон стоял в левой части разбитого практически города, траншеи в полный рост, блиндажи и все такое, где можно согреться все было, с кормежкой правда была беда, но у немца и этого не было. Я собрал своих лейтенантов, я к тому времени уже исполнял обязанности убитого ротного и считался как бы стариком уже, и стали мы вместе думать, как меньше уложить солдатиков и таки придумали. Все трофейное оружие положено было сдавать, но мы решили немного поумничать. Организовали с маленьких росточком солдат, группу по сбору оружия и боеприпасов у убитых перед нашими окопами и за несколько дней, вернее ночей, смогли собрать прилично таки стрелкового автоматического оружия. У нас в роте было по полноценности два Максима и Дегтярь, а мы насобирали еще штуки четыре МГ и их автоматов с сотню штук. Патронов подбили и стали ждать удобного случая отличиться. Мы расставили все пулеметы на второй линии огня, там же посадили и автоматчиков, а взвод наших с вентерями распределили по первой линии. Немцы пошли в атаку и сразу большими силами – видно подкрепление получили или перегруппировались, а тут редкие винтовочные выстрелы. С громким криком и звериным

оскалом эта толпа уже не управляемая от мысли, что они погонят нас с позиций, летела на отступивших с первой линии обороны наших солдат. И тут огонь страшной силы со всех пулеметов и автоматов сразу. Ни один не ушел назад, мы положили около пяти десятков в течении получаса боя, не потеряв ни одного нашего бойца убитым, ну раненых немного конечно было, но и то не тяжело. Немцы видно ничего не поняли и после обеда повторили такую же атаку еще раз. И мы точно так же повторили – опять много у них убитых, а у меня все на месте до одного. Ночью мы собрали опять урожай и посчитали результат точно. Около сотни мы и не ошиблись. Меня вызвал ком полка майор Назаров Петя, поцеловал и от лица командования вручил мой первый орден Красная Звезда, а моим умникам всем по Отваге за придумку. А в двадцатых числах началось наступление и полное окружение Паулюса, но меня ранило в легкое и я попал в госпиталь в Баку, где и балдел почти два месяца. Когда я вернулся, то был уже не в 62й армии, а в восьмой и Гвардейской, нас всех сам Сталин наградил этим званием» закончил рассказ дед Толя и налил по третьей. Деды встали и выпили за товарища Сталина, при этом Иванович немного прослезился. Закусили блинами, Егор подставил ближе банки с пельменями и капустой и сегодня не стеснялся. «А вот у мэнэ случай був – начал Иванович очередную байку, как вдруг перешел на чистый русский без суржика, голод в Ленинграде был ужасный, люди мертвые лежали прямо на улицах, команды специально Жданов организовывал похоронные. Я попал в госпиталь с ранением после рукопашной в спину ножом, зашили быстро и дали немного полежать, но всех таких как я привлекали к похоронам. Мы копали ямы на Пискаревском кладбище, а похоронники привозили мертвых и закапывали. Так вот возвращались мы с одним товарищем с такого задания и попали под арт обстрел. Мы оказались на мосту через какой-то канал, там их сотни, снаряды попадали и в воду. Вдруг мой товарищ как-то воспрянул, у него загорелись глаза и он, не обращая внимания на разрывы показал мне большую рыбину около берега. Ее оглушило взрывом, и она кверху пузом плавала прямо у моста. Мы спустились под мост по ступенькам и нагнулись вдвоем прямо над рыбищей. Это была, как потом нам рассказали, лососина, довольно редкая, но еще встречавшаяся в Неве и каналах. Рыба была под два метра длиной и в обхвате, как хорошее дерево. Мой друг снял с себя шинель, опустил ее в воду, подвел под рыбину и скомандовал мне схватить ее резко за жабры и сильно тянуть на берег. Мы уже не обращали внимания на разрывы, мы были на охоте. Я резко схватил двумя руками за голову. Одной рукой я схватил ее за жабру, а вот второй просто за рот и резко дернул со всей силой на себя. То же сделал и мой товарищ. Рыбища как по команде вылетела на мостовую, и мы вдвоем навалились на нее сверху. Вы не представляете, что было, когда она проснулась. Мы летали как два шарика по очереди, меня она били со страшной силой своей головой, а моего товарища огромным хвостом, но уже ни какая сила не могла нас отпустить добычу. Так продолжалось больше полу часа. Обессиленные мы сидели около этого уснувшего навсегда столба и не знали, что делать дальше, нести мы ее все равно не смогли бы не по весу, да и сами уже ходить не могли, а бросит ее тут же уволочут. До госпиталя с километр еще пилить. Мы протянули под жабры рыбы рукав мокрой шинели, связали и потащили ее волоком. Этот километр был вечностью, но когда мы ее подтянули к столовке и там уже нам помогли ее затащить и разделить, то выяснили, что вес ее около 200 кг и она больше 2х метров. Да нас хвалил весь госпиталь и подшефный детский дом для детей инвалидов. Такого мяса я больше ни ел никогда в жизни»

Налили с новой бутылки и выпили. Дед Толик приоткрыл дверь с палаты, хитровато высунул голову и осмотрелся. В конце коридора стояла мед сестра видно кому-то плохо. Дед закрыл дверь и открыл форточку окна, два друга закурили. «Николай, ну а ты то чего молчишь все время, ты чо не воевал вообще или как?» спросил у Николаевича дед Толя. «Да що ты не бачыш чо ли мабуть просыдив у эвакуации» опять перешел на свой ужасный суржик Иванович. Мужики перекурив опять налили в три стакана уже с другой бутылки и выпили. Теперь крикнули все втроем. «Ты чо первака приготовил?» спросил у деда Толи Иванович. «Я и сам

не понял, дура, завтра разберусь. видно смерти моей хочет», но налил сразу еще по одной, так сказать в вдогонку. Выпили, крикнули и сели закусывать. «Ну чо не отвечаешь то Коля, и впрямь не воевал?» спросил уже нормально Иванович. «Водички бы испить», сказал Николаевич и все глянули в сторону Егора, который тут же подскочил и поставил перед Николаевичем свой не питьый стакан сока с полдника. Николаевич выпил пол стакана и отставил стакан в сторону. «Да воевал я, все четыре года этой войны и еще два до войны то же воевал, только слушать Вам не захочется, как и где я воевал» выпалил Николаевич.

Наступила тишина. ... Слышно было чье-то болтание в наушнике приемника. В коридоре начала уборку уборщица было слышно сование швабры по полу. На улице, после жаркого и душного дня наступила ночь, которая обещала быть не совсем спокойной. В окно были видны блески приближающейся грозы. «Будет видать дождик» сказал Иванович, надо форточку то закрыть. Налили еще, дошла очередь и до жаренной картошки со шкварками. «А ну сынок, доставай свой» вдруг сказал Егору Николаевич, давай и тебе еще плесну чуть. Выпили все. Егор взял яблоко и кусочек кровяной с хлебом, закусил. «Ну слушайте, рано или поздно мне все равно надо перед кем-то исповедаться, так будь те уж Вы моими пастырями» – выдавил из себя через какую-то силу Николай Николаевич. «Что допьем по последней да ляжем, так и гутарить то легче» как-то по-казацки сказал мужчина. Разлили и поделили все, что еще осталось с закуски, выпили и закусили. После такого выпитого количества казалось все должны валяться, но все были в норме. Убрав со стола Егор пошел выносить мусор и мыть ноги. В туалете мыла полы санитарка, которую считали самой вредной на этаже. «Будьте так любезны, освободите пожалуйста туалет на пять минут» обратился к ней парень.

Санитарка, к которой никто и никогда по-человечески не обращался, немного опешила, но молча вышла. Сделав свое дело, парень вышел и сказал спасибо. И пока парень шел по коридору в палату она стояла и смотрела ему в след. Ей было больно и приятно.

В палате все улеглись, гроза действительно начиналась и где-то очень далеко уже слышались раскаты грома. Егор разделся и лег под одеяло. То, что он услышал сегодня ночью запомнилось парню на всю его жизнь. Слушая длинный, длинную в целую эпоху, рассказ старого военного, Егор еще не знал, что судьбы этого человека и его самого странным образом будут переплетаться всю жизнь дальше. Начавшаяся гроза и ливень только дополняли рассказ своими раскатами, как будто бы за окном не 80й год, а конец 30х начало 40вых военных лет, как будто тот последний бой еще не окончен.

Глава 1: Исповедь.

Большая семья староверов таежников испокон веку проживала в верховьях реки Тобол, та что впадает в Иртыш, а затем в могучую Обь, на перекрестке Оренбургской и Тобольской губерний и Акмолинской области его Государя Императора Великой матушки Руси. Жили, как и все их предки, заготовкой пушнины, сбором даров тайги, поставкой мяса на лесозаготовки и всякой мелочью. Не гнушались и мытью золотишка, за что один – Василий Васильевич самый старший из сыновей этого большого рода, даже сидел в царских острогах. Фамилия семьи была под стать профессии – Стрельниковы. Семья Николая Васильевича, самого младшего из братьев, с недавнего времени, взявшего себе в жены молодуху по имени Фекла, жили отдельно от большой семьи на заимке купца и промышленника немца по национальности, барона Кнюпа Петра Яковлевича, знаменитого своим распутством и бражничеством. Со временем барон превратилось в русский барин, да и имя с отчеством были выправлены на российские. Барин любил все красивое, редкое и дорогое и поэтому денег на свое благополучие не жалел. Заимку строили по его личному проекту и под постоянным контролем несколько лет, но и получилось надо отдать должное, на славу. Усадьба находилась за 10ть верст в густой тайге на крутом берегу чистой и холодной речушки под смешным названием Сопливка. Почему никто до подлинности и не знал, то ли по тому, что холодная, то ли по тому, что берега были сильно уж скользкими, но в ней водилась форель. Первое, что сделали это

выкопали приличную и глубокую заводь и направили туда всю речку, затем соорудили запруду с водопадом и привезли из-за границы свою мини электрическую подстанцию с рекордными, на то время, двумя киловаттами выхода. Сам дом деревянный, двухэтажный на двенадцать комнат, восемь спален на втором этаже и две комнаты с отдельным входом для управляющего на первом. Еще две большие комнаты на первом были оборудованы русскими печами и там были установлены столы и стулья для застолий, а также маленькая сцена в одной для артистов. В огромном дворе размещалась баня парилка с бассейном, в который по деревянным трубам ручного изготовления, подавалась вода прямо с реки, домик для прислуги из шести комнат, большая конюшня, небольшая, но выполненная по всем правилам кузница, сараи и амбар, курятник и уточник, вольер для собак. Все это добро было огорожено трехметровым забором частоколом, как небольшая крепость в тайге. Вот сюда в качестве управляющего, самим баринном и был приглашен Николай Васильевич. Господин Кнюп хоть и тратил свои деньги с широтой, но также мог их и считать. Как-то ему к очередному большому застолью захотелось лосятины и не просто, а молоденького лосенка на шашлык гостям с Петербурга. Заказ был выдан старому Стрельникову. Отец послал Николая в тайгу за заказом и тот его выполнил, да еще и как? Он припер живого подростка килограмм на 80 живого веса. Присутствующие были в восторге, так, как и охота получилась и свежатины. Отец сказал взять за лосенка 18ть рублей только ему известной цены. Барин тут же отвалил Екатерининскую четвертную без сдачи. Николай степенно отсчитал семь рублей по рублю и положил перед хозяином на стол. «Нам чужого не надобно» промычал Николай «Тятя сказали только восемнадцать взять». Это и решило немедленно его судьбу.

Как управляющий он был и вправду хорош и не только хозяину, но и работникам. Как-то сразу все стало на свои места, работа исправно выполнялась, зарботки тут же выплачивались, никто и никого не обижал, хотя и случались казусы. Кузнец Атемий слыл выпивохой, но отличным мастером. Кулак конечно у него был поставлен круто. Вот однажды после получки он немного себе позволил на грудь принять лишку и стал приставать с глупостью к жинке Николая. Управляющий разговаривать любил мало, не приучен был к болтовне и поэтому ударил всего один раз. Атемия откачивали пол вечера, а на следующий день подковы выпадали у него с рук. Этого случая хватило для всех и кстати для самого барина тоже. Фекла была на сносях первенцем.

Однако работать много не пришлось, грянула война 1914года. От первого набора в армию барин правдами неправдами откупил своего Николая, но постоянно так продолжаться не могло. Однажды на заимку забрели женщина и небольшая девочка подросток и попросились переночевать. Их пустили, накормили и даже выкупали в бане. Вечером эта женщина за чаем взяла руку Николая и внимательно посмотрела на линии «Родится у тебя сын богатырь, но, чтобы жить и дальше ты не должен идти на войну, тебя убьют сразу до весны красны не доживешь» сказала она. «Что же нам, милая делать?» испугалась беременная. «Слышала я, что есть такой город Юзовка в мало России там шахты угольные, так вот с них не берут на войну. Вам надо именно туда» сказала, как отрезала. «Мне ведь скоро рожать то» заволновалась Фекла, «Ну и смотри, что тебе важнее муж живой или свое благополучие». Всю ночь не спала семья, все прикидывали, как обмануть судьбу, но утром собрали свое ничего, со всеми попрощались и не получив даже расчета из-за отсутствия барина, уехали на станцию с конюхом за 70 верст на новой пролетке хозяина.

Дорога до этой непонятной Юзовки была долгой. На станциях формировались эшелоны на фронт и, хотя направление было одно, мало кто брал с собой в теплушки тем более беременную. Настроение у народа было тоже разное. Одни ехали с подъемом и энтузиазмом, другие плакали о оставленном хозяйстве, но практически все утверждали нашу скорую победу. До Луганска их подобрали на какой-то станции казаки, и разрешили ехать, но только в вагоне с лошадьми. Это была уже победа. Двое суток Николай сдерживал ночами коней, пока Фекла

немного дремала в углу. К вечеру одиннадцатого дня после своего отъезда с заимки, пара приехала в Луганск. Начали спрашивать о Юзовке и разговорились со старым мужиком, который покупал в Луганске какие-то инструменты для шахты. «А зачем Вам та Юзовка?» спросил он «и у нас такие же законы, с шахт не берут в солдаты никого, у нас и шахта новая и платят исправно и жить есть где. Поехали к нам на рудник Криворожский». Николаю, уже намучившемуся с поездкой, да еще день на день Фекла должна родить, все надоело, и он согласился. Ехали всю ночь, под утро увидели террикон в степи и небольшое поселение вокруг. Но как пахла эта степь!!! Запах весеннего

разнотравья пьянил и успокаивал, будоражил кровь и заставлял о чем-то задумываться, тербил и щекотал ноздри и слепил глаза. Деревьев практически не было, только бескрайняя, зовущая своей девственной чистотой, степь и первый террикон. Насыпанная горка породы, добытой вместе с углем, возвышалась с одной стороны поселка, там, где стояла высокая башня, которую шахтеры называют странным названием – копер. В верху копра установлено колесо, на котором наложен трос или канат, на котором висит баклуш, в которой и опускают людей в шахту и поднимают уголь и породу. Крутят колесо лошади.

Мужик, который привез семью на новое место, был снабженцем. До этого он работал в забое, но его ушибло и теперь вот возит и покупает, и достает все что надо для рудника. Хозяином шахты был французский миллионер, которого то и толком никто не видел здесь. Мужика звали Назаром Гаврилычем или просто дядька Назар. Он был правой рукой управляющего и к его советам прислушивались. «Марина!!!, Марина!!!» дважды крикнул он, остановив телегу, иди расселяй молодых», «выдели наверно им отдельно бытовку, ибо у них малец вот-вот прибудет» распорядился он подбежавшей, не молодой худенькой и маленькой женщине в темно синем сарафане, видно, что перешитом с рабочей формы. «Ох ты моя лапушка», тонким и немного нежным голосом пропела Марина, «и когда же мы рожаем?». «На днях, наверное, меня Фекла зовут, а мужа Николай, Коля значит по-простому», «мы с Сибири приехали» тараторили молодая женщина, не умолкая, как будто не могла наговориться за те две недели пути с молчаливым мужем.

Рудник Криворожский или 1/1 бис, открылся в 1890 году. Основал его французский фабрикант, имеющий на тот момент металлургический комбинат в Европе. Угли тут были коксующиеся, то есть редкие, но крайне необходимые для производства кокса – одной из составляющих в металлургической промышленности.

Поселок на тот момент личных домовладений не имел, а был застроен большими бараками семейного типа и для холостяков мужчин и женщин. Рудник имел свой конный двор около сотни лошадей, мастерские по металлу включая кузню, мастерские по дереву включая лесной склад, кирпичный завод, здания бытовых нужд, то есть бани, прачку и столовую на 300 мест одновременно. Работал небольшой детский сад ясли на 50 детей и первоначальная трехлетняя школа интернат только для детей рабочих рудника и детей, родитель которого погиб или получил увечье на руднике. Бесплатно выдавали мебель в комнаты, рабочую спец одежду и обувь. Работали по 12 часов с одним выходным в воскресенье. Тут же была и маленькая церквушка с батюшкой, уже и небольшой погост с часовней. Получивших какое-то увечье или просто травму лечили в своем лазарете, был свой фельдшер. Платили довольно прилично и самое главное не брали на фронт. О каких-то ни было забастовках на руднике никто даже не подумывал, все всех устраивало и свой быт охраняли довольно жестко. Те люди, что получили увечья тоже работали – косили на полях траву для лошадей, пасли общее стадо коров. Молоко детям каждый день по кружке обязательно выдавали. Работало и развлечение для мужчин, с которым боролись все жены. Это чайная. Да питейное заведение было оно и не могло не быть при тяжелом труде. Лавы были крутые и мало мощные, то есть работали кирками и лопатами на коленах, да еще и в наклонном забое. Но выпивох заядлых быстро ставили на место и по

этому особой программы чайная не делала. Здание управляющего или просто контора стояла в центре около столовой. Кормили довольно хорошо, а расчет производили в получку через бухгалтера рудника, старого, хитрого, но не склонного к воровству, как не странно еврея Кешу Моисеевича Фротмана. Управлял всем рудником очень уважаемый, глубоко порядочный, бывший штабной капитан кавалерии Вечеслав Силыч Селютин. У него сохранились и выправка, и голос, хотя ему было за 60т.

Оставив свои вещи в какой-то бытовке вновь прибывших сам Назар Гаврилович повел в контору. «Здоровья Вам Вечеслав Силыч» поздоровался с управляющим дядька Назар «вот привез с самого Луганска новеньких сибиряков, искали они Юзовку, а я гляжу больно хороший парень и привез до нас», доложил Назар. «Откуда-то родом Вы, молодые люди?» своим баритонным спросил управляющий. «С самой Тобольщины мы, Ваше благородие» по-военному ответил Николай. Управляющий засиял, щеки его заметно порозовели, ответ ему явно понравился. «Что ж работу мы вам дадим, и жену пристроим после месяца как родит, кого-то ждете?» спросил, заулыбавшись во весь рот, управляющий, «казака конечно»? «Да сына хотим» чуть смутившись ответил Николай. «Пойдешь на кирку в забой завтра во вторую смену, а пока устраивайтесь, станьте на довольствие и накормите хорошо людей, видишь на ногах от голода не стоят» скомандовал он Назару. И только сейчас Николай вспомнил, сто уже три дня он только пил воду, а тот сухарь, что оставался с поездки по не многу размягчая в воде, давал есть жене. Поклонившись до земли, как это было принято у их семьи перед уважаемым человеком, молодая пара вышла во двор. Следом вышел и Назар, приобнял Николая и подтолкнул легонько к столовой, которая была в десяти шагах от конторы. Столовая была и впрямь огромной на весь барак в длину. В конце стояла стойка раздачи, а за ней шесть больших печей, но не русских, которыми пользовались повсеместно, а каких-то длинных с чугунными плитами над топкой. На плитах стояли большие кастрюли и ведра и все это кипело, бурчало, пахло вкусным и кислым, жарилось и выпекалось. Усадив молодых людей за крайний стол, Назар громко крикнул: «Ольга, иди сюда, где ты там несносная баба находишься»? Тут же с варочной выскочила толстая, краснощекая, но довольно милая женщина и подошла к столу. «Вот поставь новеньких на довольствие с сего дня и хорошенько накорми сразу бо люди не ели несколько дней, пока к нам ехали. «Зараз нагодую, Вы мои любушки, зараз свижого борщу насыплю та гороховой каши з мясом» – затараторили она с не совсем понятными, какими-то чудными словами в предложениях. Молодые люди еще ни разу не слышали украинского разговорного языка. «Сыдайте будь ласка, мои гарнэсэнки, зараз принэсу стравы» и она убежала так же шустро, как и появилась. На столе появились две глиняные миски у Николая огромная и глубокая, мама в такие пельмени мастила, а перед Феклой чуть по меньше и две деревянные, совершенно новенькие ложки. «Ложкы цэ Ваши, Вы их забэрить з собою и приходьте на йижу з ными разом» что-то не понятное рассказала вернувшаяся Ольга. В большую тарелку Николаю насыпали до самых краев какую-то жидкую еду с вареной капустой, но красно бурячного цвета. Юшка напомнила щи. Но запах!!!! Это было что-то не понятное нормальному русскому уму, привыкшему к простой крестьянской пище. Это чудо кухарства называлось БОРЩ. Николай не просто ел с аппетитом, в нем проснулся какой-то волчий азарт к еде. Борщ был чудесен, на старом сале затертый, томаты с лихвой, картошка большими кусочками, а капуста по хрустывала во рту нагоняя еще больший аппетит, а горький стручковый перец огонек добавлял смак. Первое закончилось мгновенно и только теперь Николай заметил какими глазами на него смотрела довольная своим борщом, Ольга. На второе принесли по тарелке гороховой каши с говядиной. Мяса был солидный кусок в каждой порции. «Колы чоловик багато и добре йисть, то и працое гарно» резюмировала повариха. «Йижте будь ласка на здоровья». С ее предложения Николай понял только слово на здоровье и в ответ закивал головой с полным набитым кашей с мясом, ртом в знак благодарности. Кисель с мягким куском свежего ржаного хлеба с солью завершали обед. Как ни странно, Фекла тоже практически все съела и выпила, да еще вымазала тарелку кусоч-

ком хлеба, предварительно оставленного для этой цели. Ольга записала их фамилию и имена, указала на места за столом и назначила время прихода в столовую, что бы не было очереди и суматохи. Все здесь на руднике показалось Николаю очень правильно организованным и его небольшой опыт управленца только убедил его в правильности остаться именно здесь в Криворожье, а не ехать в какую-то далекую Юзовку.

Назар Гаврилович сидел на скамейке у конторы и ожидал новеньких. Рядом с ним стояла Марина и что-то показывала ему на пальцах рук. «Чего перекусили немного? До обеда то дотяните? Все ли Вам растолковала наша хохлушка?» засыпал вопросами он подходящих к нему новеньких. «Сейчас пойдете с Мариной, она вас устроит на жилье, там пусть останется Фекла, бо ей не в моготу уже ходить, а ты пойдешь на склад и получишь все, что выдаст кладовщик. Не забудь тебе сегодня в шахту, ты помнишь? Там в конторке перед спуском бригадир все расскажет». Назар погасил свою самокрутку о здоровенную ладонь, плюнул и отряхнул пепел. «все, по всем вопросам не стесняйся, подходи» и пожал на прощание руку парня. Николай подумал, что взялся за лапу медведя шатуна.

Марина оказалась не разговорчивой, как на первый раз показалось, женщиной, хоть и могла если надо приласкать. Она семенила своими маленькими ножками путаясь в своем сарафане, от того ножки казались еще меньше. Комната была одно название, что комната. Длинный, сбитый из досок, барак был разделен такими же досками на комнаты, правда стояли деревянные дверные блоки с врезанными замками. Все удобства на улице. В комнате стояла сбита с таких же досок, двух спальная кровать – нара стол и два табурета. Окно было не большое, но с форточкой. Два голых матраца с ваты и две такие же подушки были сырыми даже на ощупь, но выносить в марте на сушку никто не додумался. «Вечером растопят печи в бараке можете просушить там», как будто угадала мысли, сказала Марина. Оставив жену в комнате, Николай отправился вслед семенящей Марине, на склад за всем положенным. Склад находился за баней и кладовщик, что бы не сидеть в холодном помещении сидел в бане с банщицами, с удовольствием обсуждая войну и рудничные сплетни. Когда-то он тоже работал в шахте, но после обвала на 125метровой глубине его придавило так, что он стал тянуть обе ноги. Ходил он на костылях, а звали его Хитрый Васек, хотя ему уже было под 50т. Но в жизни так бывает одни в 25ть становятся Иван Ивановичами, а другие и в 70т просто Васек. «Васек, Васек», позвала Марина кладовщика: «иди сюда будешь выдавать все по списку для новеньких». Василий не торопясь дотянулся до своих деревянных ног, поднялся и как-то лихо по скакал к складу рисуя на непросохшей до конца мартовской земле, дорожку своими ботинками. «Во конь и не угонишься» засмеялась Марина. Долго не разговаривая с пришедшими, видно, что оторвали его от какого-то важного спора, Васек начал выдачу по списку на двоих прибывших. Положенного оказалось столько много, что Николай немного опешил. «Как я за все это буду рассчитываться? ведь это же стоит большой деньги, наверное, так много и все нам?» не верил своим глазам парень. «Так распишись за получение, а платить за все не надо будет если останешься работать тут. Так роспись поставил? И число ставь – 20е марта 1915 года». Хитрый Васек захлопнул амбарную книгу и стал подгонять всех «Так все идите себе по своим делам во своя си не мешайте людям трудиться». Кое как связав все в полученные одеяла, Николай принес все полученное в новое свое жилье. Начиналась их новая жизнь, новая и совсем не понятная.

Хлопоты были приятными. От принесенного со склада ахнула и Фекла, но потом в процессе разборки и раскладки вещей стало понятно, что выдали им только все необходимое для работы в этой загадочной пока, шахте. Николай примерил ботинки и спецовку все было в пору, он подогнал фуражку—шлем по своей голове и прошелся в ней по комнате. Получилось весело. Фекла уже застилала сыроватые матрацы и подушки, что бы перед работой Николай мог отдохнуть. Так прошло пол дня. Ударили в колокол, и соседи начали выходить со своих комнат и продвигаться в столовую на обед. Фекла идти отказалась, сославшись на боль в животе, а Николай не мог пропустить момент и съесть еще такого неизвестного до этого и вкусного

БОРЩА. Он взял свою ложку и пошел в столовую. Их места были свободны, и Николай сел на свое. Девочки раздатчицы обслуживали быстро. На каждом столе уже стояли бачки с борщом и кашей они только насыпали. Порции были значительно меньше той, что насыпали ему утром. Съев с удовольствием первое за себя и за Феклу, он высыпал ее кашу с мясом себе в тарелку выпил кисель, забрал два куска хлеба и понес тарелку домой для жены. Зайдя в комнату, он поставил продукты на стол и прилег возле Феклы. Женщина тихонько стонала от возникающей боли. «Может быть фельдшера позвать?» спросил Николай у жены. «нет не надо, отдыхай, тебе на работу через два часа.» с трудом выдавила с себя женщина. Николай задремал. Спал он не много, ему снился аист с пакетом в клюве и мама, махавшая им рукой. Проснувшись от приятного сна, он немного полежал у задремавшей на его плече Феклы, тихо вытянул руку и поднявшись, заботливо укрыл жену одеялом. Одевшись, он так же тихо вышел и прикрыл за собой дверь. Николай шел на свой первый трудовой день, вернее ночь. Жизнь текла...

Смены собирались в небольшой нарядной у бани. Людей здесь собралось около 200 человек. «Сколько же тут всего то работает люду, если на одну смену в шахту столько?» – подумал про себя новичок. В нарядной сидело несколько человек десятников или горных мастеров, как правильно их называли. Они-то и расставляли всех по рабочим местам. «Кто будет Стрелков? Новенькие есть? Кто Стрелков?» – услышал Николай голос мастера и подойдя поправил: «Стрельниковы мы, а по батюшке Николай Васильевич». «Ну по батюшке тебя никто звать пока не будет, а за ошибочку извини, товарищ» – что-то исправляя на желтом листе бумаги, произнес мастер, не глядя в сторону новичка. Слово товарищ очень сильно резануло слух. Еще никто и никогда так прилюдно не обращался к парню с таким дивным словом. При этом мастер продолжал раздавать наряды работягам. Дошла очередь и до Николая. «Значит так, новенький,» – не поднимая головы сказал, как отрезал, мастер; «пойдешь по квершлагу, дойдешь до западной печки, по уклону спустишься вниз, затем по бремсбергу поднимешься до седьмого уступа лавы и станешь вторым номером к Ивану на кирку. И что бы сегодня по три рамы нарубили не то яйца вырву будете в хоре петь». С этого разговора Коля понял только то, что из-за какой-то печи надо нарубить каких-то рам не то будет без яиц. «Послушайте пожалуйста уважаемый» – обратился он к мастеру; «а где я тогда буду уголь по-вашему копать если мне рамы какие-то рубить и собирать надо? Вы что меня в шахту с собой не возьмете?». Такого хохота Николай то же еще никогда не слышал. Смеялись даже женщины лебедчицы и коне гонки с поверхности. Насмеявшись вдоволь мастер вдруг поднял руку, и все сразу замолчали. Он поднялся, приобнял парня за могучие плечища и искренне извинился. «Иван, Иван» позвал он кого-то. С толпы подошел парень такого же возраста, как и Николай, «вот твой новый напарник он тебе все и поведает», еще раз хмыкнул себе в кулак мастер стал озадачивать остальных.

Первый спуск не вызвал особого восторга у парня. Клеть шумела и стучала по расстрелам крепежа ствола, ее болтало и казалось, что трос не выдержит двадцати человек шахтеров внутри клетушки, да еще и постоянно лилась по стволу вода. Спустились на 175 метров потом на карете (обрезанные старые вагонетки с деревянными лавками цеплялись к паре лошадей и так ехали примерно 20 минут до уклона. Потом каждый по своим местам. Николай нес на плече обушок и кирку, в руке пилу и светильник, который давал небольшой световой лучик. Пройдя больше ста метров по уклону, они полезли в лаву. Забой был крутым, а пласт мало-мощным, так что сразу стали на колени. Иван рассказал кто чем будет заниматься в течении смены, что по три рамы значит по три тонны на каждого, то есть им в своем уступе надо за десять часов нарубить шесть тонн уголька, а всего уступов в лаве десять и работяг вышло всего двадцать, так что в конце смены шестьдесят вагонов должны быть на опрокиде.

Работали молча, обушком отбиваешь уголь, затем лопатой кидаешь на рештак в уклоне бремсберга, киркой подравниваешь углы уступа, пилой пилишь стойки и опять тыльной стороной обушка забиваешь эти стойки в кровлю вместе с распилами – получается рама, это метр на метр и на метр.

Первую свою смену Коля не помнил, как закончил, но яйца остались при нем и норму они дали полную. «Ну ты и гигант, первый день и с нормой, даже приловчился смог под меня» смеялся перед посадкой в клеть Иван. «Что толк будет?» спросил десятник на выходе со ствола у улыбающегося белыми зубами Ивана. «Наш человек. Спасибо тебе, Степанович за напарника» – отчеканил забойщик и похлопал Николая по мокрой от пота спине.

Но не все хорошее ждало молодого забойщика наверху. Утро 21го марта 1915 года выдалось холодным, прошел снег с дождем и подморозило. Зима не хотела уступать разгулявшейся раньше времени весне. Шахтеры торопились по быстрее пройти в теплую баню, чтобы скупаться в горячей воде и одеть на себя сухое, а мокрые шахтерки развесить на просушку до следующей смены через 12ть часов. На выходе с бани стояли Назар Гаврилович с Мариной и о чем-то беседовали. Марина стояла в черном платке. Увидев парня, они замолчали и пошли к нему на встречу. Что-то больно кольнуло Николая в сердце, страшные и не понятные уму мысли полезли в голову парню. «Прости нас Колюшка» – тихо. как то по матерински сказала Марина, «не уберегли мы Феклушку, царствие ей небесное и вечная память. Представилась она блаженная при родах первенца твоего и даже фельдшер наш ни смог ничего сделать. Стало сердце у ее родимой в тот момент ... как родился парень –богатырь.» «А ребенок?» – выдавил из себя сквозь нахлынувшее удушье от слез, Николай. «Дитя то где?». «Да с ним все в порядке, у вас в коридоре недавно привела еще одного ваша соседка Люська, так у нее молока два ведра хватит и на твоего и еще сцедит» – выстрелила скороговоркой Марина. «Там на похороны уже готовят все ты не переживай, ты теперя че уже нашинский полностью, хотя и день всего, как приехал» сказал Назар и закурил очередную самокрутку.

К двенадцати часам дня все было готово к похоронам, батюшка отпел вновь представленную Феклу, на погосте появилась еще одна могила, Фекла лежала в гробу оббитом розовой материей, как будто спала. Николай не отходил от жены ни на минуту. К часу пришли певчие и гроб вынесли на улицу. Как по заказу вышло весеннее солнышко, будто и оно спешило попрощаться с невинной душой молодой женщины. До погоста несли на руках. Во время прощания Коля взял холодное лицо жены в руки, трижды поцеловал в лоб и губы и тихо сказал: «Жди меня, родная, я не долго и к тебе.» Закопали быстро. Земля была мягкая, как пух. Крест и полотенце на него закончили процесс. Поминали на обеде без спиртного, так как похороны не отменяли выхода на работу.

Николай пришел в свою комнату. На столе так и стояли тарелки с вчерашней, принесенной им для жены, кашей с мясом и хлеб. Николай сел, подпер ладонями подбородок и зарыдал, как не рыдал он еще никогда в жизни. Поднявшись и немного успокоившись, он зашел к соседям глянуть на сына. Люська, большая крупная молодуха с широкими бедрами и ведерными грудями встретила парня приветливо. Ее муж, то же забойщик с одной смены с Николаем, еще спал перед ночной. «Простите меня пожалуйста, но теперь я просто не знаю, что делать и как мне быть». «Ничего, как ни будь пробьемся, у меня детишек семеро и еще один не помешает, а нас кумами возьмешь вот и поладим по-родственному» – чуть улыбнувшись сказала женщина. «С остальным то же поладим будет не один муж, а два, хай бабы об завидуются» и она еще раз улыбнулась Николаю. В этой улыбке парень почувствовал какую-то общую заботу о себе, которую он до селя не знал. Это был простой шахтерский, рабочий коллектив. «Люська, кто там у нас у гостей?» – спросил муж с соседней комнаты поскрипывая железной сеткой настоящей кровати. Из-за легкой шторы высунулась лохматая рыжая голова с такими же рыжими, как у кота, усами. Николай сразу же узнал соседа по уступу в лаве. «Здоров будь» – обратился рыжий к Николаю. «Я Семен Большаков, а ты сосед Николай. Прими наши соболезнования.» и мужики пожали друг другу руки. «Ого, вот это жимчик» заулыбался Сема. «Да и ты не хиляк» ответил Николай. «Да если б он был хилый разве настрогал бы столько детишек гад такой, каждый год как скаженный» – вытирая тарелки рассказывала Люся, «как пристанет, то не отстанет пока не сделает все что надо». «А ты вроде не хочешь, видно спишь, когда я их

делаю?» – поддержал разговор Семен. «Смена сейчас ты идешь?» «Да» сказал Николай вставая. Жизнь продолжалась.

Через десять дней, как только зажила пуповина, по крестили мальчика. Кумой пошла Люська, а кумом Иван. Батюшка не стал уговаривать с именем и нарек мальчика отцовским именем Николай. Так 21 марта 1915 года в день смерти своей матери родился Стрельников Николай Николаевич. Отметили скромно, так как работы никто не отменял.

Прошло два года. Коля рос без матери крепким и смышленным ребенком. До года он практически жил в семье кумовей с ихними детьми и Людмиле сказал свое главное слово МАМА, хотя она и была его крестной матерью. Николай смог забирать сынишку только по выходным. В эти дни Коля старший устраивал Коле младшему праздники. Он не спускал парнишку с рук, носил его на плечах по всему руднику, если на шахту приезжала лавка с большого города, то скупал все, что можно и нельзя, а с понедельника все начиналось сначала – шахта, сон, опять сон и шахта. Николай хорошо зарабатывал, он все думал, что как бы радовалась его Феклушка, если бы была жива, тем рублям, что он приносил. За одну получку можно было купить три коровы. И Николай мечтал, что наступит то время, когда война закончится и они смогут вернуться домой в таежный край со своим сынишкой. В феврале 1917го объявили, что, царя больше нет и страной руководит какое-то временное правительство и Керенский. Рудник работал в прежнем режиме, и даже кормить стали лучше, а высчитывать за это меньше. Потом с Луганска приехали пять мужиков и собрали большое собрание, как они назвали – митинг у здания управления рудником. Николай, как раз только выехал с шахты, скупался и шел в столовую завтракать. Собрался почти весь рудник послушать новости с города. Эти мужики объявили, что они большевики и развернули красный флаг на палке с неотесанной корой, видно сломали где-то по дороге сюда. Первый выступающий сразу начал говорить, что мы все должны работать только по восемь часов, что зарплата должна быть вдвое большей и что нас всех эксплуатируют злые люди. Он призывал не ходить больше на работу, а объявить забастовку и потребовать свои права, затем создать какие-то профсоюзы и выдавать руководству шахты свои требования. Другой постоянно мотал перед нашими лицами этой красной тряпкой на палке. Били их долго, били по-человечески честно и сильно. В конце их умыли, посадили на скамейку, дали попить, по самокрутке и объяснили, что наш рудничный порядок мы нарушать никому не позволим и если они еще раз сунут к нам свой революционный вонючий нос, то опустим в шахту и заставим там работать, а не языками молоть. Флаг красный отдали детишкам в детсад для кукольных костюмов. После чего их отпустили.

Вечеслав Силыч Селютин наблюдал за всем происходящим в окно своего кабинета и не вмешивался. Ему старому вояке и самому было интересно узнать настроение рабочих своего рудника. Теплые дружеские отношения со всеми без исключения работающими, человеческий подход к проблемам народа сделал свое дело – народ поддержал своего уважаемого руководителя и не в коем случае не эксплуататора. Когда новоявленных патриотов отправили вышел к собравшимся Селютин. Наступила тишина. Вечеслав Силыч обратился по старинке, да и не мог он по-другому: «Ребятюшки Вы мои, сегодня Вы показали свою сплоченность вокруг своей коммуны, да не побоюсь этого французского слова, именно коммуны. Мы тут живем много лет, работаем каждый на своем месте, вместе отмечаем праздники и дни горя, вместе растим детей и уважаем старость. Чувствую, что много нам придется перенести еще, но будьте всегда вместе и мы победим любое лихо» сказал он. Народ стал расходиться, обсуждая произошедшее.

Летом того же года Колю взяли в детский сад на полный день. Оплата была совсем не большой основные затраты нес на себе рудник. В саду Коля стал развиваться гораздо быстрее. Он научился как-то сразу разговаривать, появились новые увлечения, с детьми занимался преподаватель по спорту и слову божьему, стали учиться и читаться молитвы.

Про Октябрьскую революцию на руднике узнали ближе к новому году, когда первый раз не смогли отправить добытый с таким трудом, уголь по назначению. Стали появляться

задержки по зарплате, питание сразу же резко ухудшилось. На руднике стали появляться какие-то вооруженные люди. И вдруг все сразу изменилось. С Луганска прибыл спец отряд красногвардейцев и стал силой записывать в красную гвардию защищать идеалы революции рабочих и крестьян и как ого то там Ленина. На дорогах появились банды грабителей. Началась разруха.

По ночам слышалась канонада пушек и винтовочно – пулеметная стрельба. Потом на рудник вошли регулярные части России, которые забрали последних лошадей с шахтной конюшни, забрали остатки крупы и муки в столовой и несколько ранее служивших в армии шахтеров, нарядив их в военную форму.

Банда Орлика налетела рано утром и порубила около сотни офицеров и солдат. Те, кто успел отступить стали палить с пушек по руднику. Сожгли бани и несколько барачков для холостяков, повредили копер. В шахту уже никто не ходил и лавы просто задавило. Работы не стало. Николай решил было уезжать, но кума его остановила: «Ты куда собрался? Революция в мире творится, сиди не дай бог убьют, а у тебя дите малое, кто в ответе?» Но благополучия не случилось следом опять пришли красные и опять устроили набор в добровольцы. Николая одели в гимнастерку, поставили к лафету с пушкой управлять лошадьми. Права оказалась цыганка в таежной заимке Николая убило в первом же бою за Шубинку. Колька остался круглым сиротой.

Кумовья Кольку не бросили, как жил он у них, так и остался, как называл он Люську мамой, так и продолжал называть малец не смышленишь. Люся, оставшись на время одной с кучей своих, да еще одним чужим детьми, первое что сделала – забрала все нажитое Николаем себе вместе с комнатой. Ласково спросив у мальчика Кольки; «а что не помнишь ли ты где папка ложил денежки? Или ты маленький не знаешь?». Простой, не смышленишь тут же показал, что все знает и указал тайничок отца в половице под столом. Достав железную, довольно тяжелую коробочку от конфет Монпансье, Люська открыв удивилась. Там аккуратно переложенные бумагой лежало чуть ли не 200 золотых Николаевских червонцев. Целое состояние. Все что Николай заработал за два с небольшим года каторжной работы в забое и с чего хотел купить себе заимку в тайге и начать новую жизнь. Семен где-то служил у Колчака и деньги оказались как раз кстати. Недолго думая Люська купила два десятка телег кирпича на своем рудничном заводе и наняла каменщиков сложить дом. Разрешения никто дать уже не мог, но и запретить так же некому было и умные люди стали строить улицы на не работающем временно руднике. Люська ухватила 10 соток хорошей земли не далеко от пробуренной скважины с водой. Стройка шла быстро, так как работы другой не было и мужики, навоевавшись и соскучившись по топору и мастерку, работали ладно, да и деньги в семью надо было принести. Каждый день приходя на стройку женщина радовалась чему-то возведенному. В первую очередь выгнали печь в углу комнаты, которая станет кухней и от нее уже гнали стены проводя по ним каналы для дымохода. Дом выгнали за одно лето и перекрыли его матами с камыша – новшеством того времени, уже не соломой. Одних окон во всем доме было восемь по количеству детей.

Глубокой осенью 1920 года вернулся весь израненный и весь вшивый муж Семен. Отлежавшись месяц и немного откормившись да приодевшись он и сам взялся за работу. Строили подсобные помещения все добротное, каменное и утепленное. Весной 1921 года переехали всей семьей в новый дом. Денег еще хватило и на хозяйство. Купили две коровы, курей, уток и хорошего собачонка кавказской породы. Одна беда Семен начал выпивать.

Шести летний Коля рос как на дрожжах. Он с малечка понял, что заступаться он должен сам за себя и отчаянно лупил всех, кто пытался его обидеть. Домашние старшие пацаны его не трогали, но и не защищали, так как знали, что он им не родня. Одевали мальчика только в обноски старших. Никто никогда даже и не думал купить ему что-то новенькое. Так оно и шло босоное детство в не своем доме с не своей мамой.

Летом 1921 года восстановили шахту 1/1 бис Криворожье и работа закипела. Появились какие-то люди коммунисты, которые заставили всех сесть учиться. Так осенью 1922 года Колька пошел в первый класс школы. С начала это была трех летка на подобие старых ЦПШ, но

потом с нее сделали семи летку. Строили школу с кирпича рудничного кирпичного завода на деньги шахтеров заработанные в не урочное время. Школа была двухэтажной. Это было первое высотное здание рудника. В школу Колька ходил в латанных перелатанных штанах одного из братьев, залатанных разными цветом латками ботинках другого брата и пошитой Люськой цветастой рубаше со старого платья старшей сестры, конопатой Верки. У него была не большая холщовая сумка для принадлежностей и тетрадей, а еще дети носили с собой в сумках завтраки, но Кольке никто его не клал – просто забывали, кому он лишний рот нужен. Чернила делали сами с красной породы с добавлением сока черники, а тетрадки сшивали самостоятельно из старых газет и писали на чистых местах. Так началась Колькина учеба. Мальчик учился с удовольствием и все схватывал просто на лету. Это заметила и учительница, приехавшая сюда по какой-то путевке комсомола с Луганска. Узнав, что Колька круглый сирота, она постаралась поставить мальчика на питание в школе. В столовке давали суп и кусочек черного хлеба. Узнав про это Люська перестала кормить Колю завтраками дома: «Тебя и в школе твоей накормят до пуза, чего продукты переводить зря и самим есть не чего.» хотя на завтрак жарили большую сковороду из 20ти яиц с луком и молоко от своих коров. Мальчик убежал в сарай, сел на стоящую лестницу и плакал. Плакал про себя даже без слез. не понимая почему так, чем он виновен? И еще его начали бить взрослые. Первая его больно по лицу ударила Люська за то, что он попался ей под горячую руку во время скандала с Семеном за водку, которую муж уже не просил, а требовал у жены. Потом и сам Семен его ударил в ухо и не дал сесть за ужин. Видя это стали бить мальчика и старшие братья, и сестры. Началось медленное выживание мальчика с дома. В школу Коля приходил побитый и не выспавшийся, так, как и спать иногда приходилось просто в сарае на сене для коров. Об этом стало известно и учительнице Коли – Галине Терентьевне, ее помощь с дополнительным питанием в школе, обошлась ребенку довольно дорого.

К тому времени в стране объявили НЭП и расцвела с новой силой частная собственность. Семен уже не хотел рвать пуп на шахте и пошел торговать на рынок куриными яйцами и молоком от своей живности. Скоро стадо возросло до 7 голов коров, бычков на мясо 4 штуки, купили лошаденку и телегу. Дело шло, но отношение к мальчику все холоднели. Теперь у Коли появились ежедневные обязанности по дому, он должен был утром и вечером чистить хлев и выносить навоз на кучу за огородом, чтобы осенью раскидать для удобрения. Мальчик стал опаздывать, а иногда и просто пропускать занятия в школе, хотя его сестры и братья учились, как и прежде. «А че она ему дает эта ваша школа?» возмущалась Люська: «Я его кормлю и одеваю, обуваю за что? Зачем он мне с образованием? Научился грамоте и ладно. Пусть лопатой работает.»

Дошло до того, что Люся с Семеном стали брать батраков. Вот пошло у них как-то все в елочку. Чем богаче становились крестные Коли, тем нестерпимей становилась его жизнь. Прошло несколько таких лет. Учебу Коля не бросал и учеба у него, как ни тяжело мальчику было в жизни, шла хорошо. Коля заканчивал седьмой класс, когда вдруг благо НЭПа закончилось и ночью громко постучали в их ворота. Собака загавкала и бросилась на ворота. Послышался сухой хлопок и визг погибающего пса. Коля, как теперь стало уже обычным, спал не в доме, а на горище коровника на кожухе поверх соломы. Во двор вошло несколько человек в форме и силой открыли входные двери в дом. Послышались крики и плачь. Всех вывели во двор и приказали одеться и взять с собой только ручную кладь и продукты на трое суток. Когда все было исполнено всех вывели на улицу и погнали в сторону рудника. Колька лежал и не дышал, но его никто и не искал. Отлежавшись до утра Коля побежал к Галине Терентьевне в комнату барака, которую ей выделили на шахте, и рассказал о случившемся. В стране началась большая борьба за коллективизацию. За сироту никто даже и не вспомнил поэтому Коля стал жить в комнате Галины Терентьевны и успешно окончил семилетку. Стал вопрос о дальнейшей Колиной судьбе. В конце 1929го началах 30х годов в стране при больших предприятиях открывались ФЗО где обучали цела направленно какому-то ремеслу. В Луганске на центральном пред-

приятии по управлению шахтами района и области так же было открыто такое обучение по путевкам с рудников или шахтных предприятий.

Галина Терентьевна обратилась на общем собрании шахты с вопросом ко всему коллективу послать паренька, успешно окончившего школу в это ФЗО за счет рудника. Узнав, что мальчик полный сирота, что отец работал до революции здесь в забое и погиб за общее дело, парторг шахты поддержал просьбу и первую путевку в жизнь молодой парень получил.

Поработав на шахте все лето в конюшнях на заготовке сена и разным работам, Коля в конце августа 1930 года собрал свои скромные пожитки и попрощавшись со всеми отправился в Луганск по путевке парт организации рудника Криворожье на учебу в ФЗО. Галина Терентьевна, ставшая больше чем родной для парня, плакала не скрывая слез. До Луганска шла колонна телег с какими-то грузами, с ними и поехал парень. 70т верст ехали, как и когда-то его родители, почти сутки. Лошади шли не спеша, да и возницы их сильно не гнали, ибо вышли раньше срока, чтобы успеть не спеша. Лето было сухое и жаркое, степь жила своей, только ей одной известной, жизнью. Вот перекасти поле перекатился через пыльную степную дорогу, вот не унимается жаворонок, готовясь к длительному перелету на юг. Чуть дальше от дороги встали во весь рост два рыжих сурка и с интересом рассматривали проезжающую мимо их угодий, колонну. В сырой балке, где колонна стала перекусить, Коля узрел огромного под два метра ужа, охотившегося на земноводных жаб или ящериц. Затараторила испуганная сорока и понеслась по полю разносить свою весть. Прошел день и возницы остановились у поселка со странным названием Белое. Почему так никто не знал, но вокруг было только желто зеленое поле и серо коричневая дорога. Парню вручили два пустых ведра и отправили за водой для кулеша. Воду Коля нашел сразу и не далеко, потом, чтобы лошадям не носить подъехали прямо к кринице. Вода была холодной и выбивала она с мелового камня. «Так вот оно почему Белое» – решил про себя Коля. Кулеш получился отменный с дымком от костра, на свежих травках зверобоя, на старом сале и с чесноком. Пшенка хорошо разварилась и можно было подумать, что это не полевой суп, а каша, таким он был густым и наваристым. Наевшись Коля пошел мыть ведра так как баб с возницами не было. Распустив вожжи и стреножив ими лошадей все улеглись кто где стоял, спать. Коля дежурил первым, так как выезжать решили затемно, и он выпится на телеге во время движения. Лошади и сами далеко не уходили трава была хорошая и рядом с телегами тем более рядом вода. Ночь была тихая и теплая, где-то очень далеко на небе то появлялись, то исчезали какие-то блики. Мирно похрапывали возницы на своих подстилках. Спали кто на чем. то на кожухе, кто на соломенной подстилке, а кто просто на старой солдатской шинельке. Где-то залаяли хором собаки и лошади подняли головы и наострили свои уши. И опять тишина. . . . Около двух ночи поднялся один из возниц с кожуха и позвал Колю: «Иди чуть по спи, парень.» Коле повторять не надо и только прислонился к мягкому кожуху возницы, он заснул. Спать пришлось не много с заревом, около пяти тронулись. Уже солнце было высоко, когда стал виден большой город. Это Луганск. Коля за свою жизнь впервые отправился в поездку и вообще первый раз выехал с рудника. Для него все было в диковинку и новые виды домов и разных строений и машины, которые иногда обгоняли или ехали на встречу им и люди, просто люди по-разному одетые и обутые. Только сейчас юноша понял, что у него нет ничего в чем он войдет в новое будущее, что те ботинки, которые ему дал старый конюх, уже износили свой срок минимум трижды и что он так и не залатал свою единственную рубаху в том месте, где она не порвалась, а просто протерлась.

В город въехали к полудню. Старший из возниц показал куда теперь идти Коле и повернул колонну к паровозному заводу: «Там спросишь куды тебе шагать, Язык до Киева доведэть» – на прощанье сказал мужик.

Свое управление Коля, как ни странно, нашел довольно быстро, просто ФЗО было тогда у всех на слуху и многие заглядывали с завистью в глаза парню, узнав, что он туда направлен. ФЗО находилось в четырехэтажном здании корпуса филиала ведомства за шахтным управле-

нием в полуподвальном помещении со входом с обратной стороны, то есть со двора. Там же были и столовая, классы и общежитие. Коля без труда нашел кабинет управляющего ФЗО, тихонько постучал и приоткрыл дверь. В кабинете было так сильно накурено, что топор можно было вешать. За столом сидели два человека в одинаковых кремовых френчах без погон хорошего английского пошива и не обращая никакого внимания на вошедшего, о чем-то страшно спорили. «Добрый день» – только и успел произнести парень. «Какой там он к черту добрый? С чего ты это взял? И кто ты вообще такой?» – плюя слюной спросил очень громким голосом тот, что сидел за большим столом. «Я по направлению приехал учиться шахтерскому ремеслу, дяденька» – испуганно выдал из себя парень. Наступила пауза, тот что спрашивал зашелся в кашле и покраснел, Колька решил, что он вот-вот лопнет. «Какой я тебе дяденька? Ты гляди племянш выискался у меня,» – но гнева уже не было. «Ты откуда взялся такой быстрый?» спросил у Коли второй, сидящий за поперечным столом. «Я с рудника Криворожье по путевке парторга приехал» уже тише выдал парень. «хочу учиться у Вас, товарищи». Первый еще раз глянул в глаза юноши и попросил документы. Коля достал все, что ему завернула учительница и аккуратно развернув, подал мужчине во френче. «Так это справка со школы, что окончил семилетку без четверок, молодец какой, это путевка комсомола рудника с печатью парткома, так есть такое и продовольственный аттестат с предприятия, что они на него каждый месяц будут класть деньги на твоё жите и питание, это хорошо, и твоя метрика, все есть в комплекте.» под итожил мужчина. «Давай знакомиться, я не дядя, а управляющий ФЗО, а это мой зам.», «сейчас пойдешь на склад и получишь все по нашему аттестату и станешь на довольствие в столовой, получишь койку в общежитии, потом и поговорим, ну иди» и легонько подтолкнул колю к выходу. «Смотри ка круглый отличник» услышал из-за закрытой двери Коля голос управляющего.

Юноша летел на склад, как на крыльях. Он еще не понимал, что уже учащийся ФЗО Луганского шахтоуправления. По приходу на склад он сообразил, что ему не дали никакого документа на получение, но строгий кладовщик вдруг окликнул его по фамилии: «Стрельников Николай Николаевич ты что ли будешь, малец?», «Да я, а Вы откуда меня знаете, дядька?» спросил не понявший ничего Коля. «Я брат много чего знаю по тому, что живу долго.» «Так иди сюда будем примерять гардероб». Согласно норм довольствия учащимся полагалось получить одежду, в нее входило—шинель синяя ученическая шерстяная, шапка синяя ученическая утепленная на вате с откидными клапанами на уши, фуражка синяя с кокардой, костюм синий шерстяной из трех наименований – брюки, пиджак, жилет, две рубашки голубые льняные с рукавами, двое трусов черных, двое маек белых, четверо пар носков синих, ботинки кожаные черные одна пара, а также галстук черный на резинке и пара рукавиц или перчаток шерстяных. Для вещей выдавали сидор (вещевой мешок с завязкой вверху). Для общежития два полотенца льняных, одеяло верблюжье, подушка ватная, матрац ватный, две простыни одинарные, наволочка, кусок 350 грамм мыла хозяйственного 72%го, зубной порошок и зубная щетка, вакса для чистки обуви и одна щетка. Но самое дорогое по мнению Коли, который за свою жизнь нового никогда еще не видел, было два носовых батистовых платка. Он смотрел на них, как смотрят влюбленные друг на друга и не могут наглядеться.

Еще два часа ушло на то, чтобы все это добро, нет это богатство, перенести в общежитие и развесит в кладовой, предварительно подписав хлоркой. Группы только создавались, люди каждый день подъезжали, как и Коля становились на учет и селились. Знакомились. Пока еще все ходили, как босяки в своем так как форму должны были одеть первого сентября и тогда уже носить. Коля не мог этого дождаться. А пока они занимались благоустройством ФЗО, уборкой помещений и территории, ведь они были по сути первыми. В столовой кормили сносно, не так уж и сытно, но и умереть от голода нельзя было. В основном каша дробы 16 или пшено, на первое супы или щи, варенная рыба и чай, хлеб по норме. Общежитие находилось тут же во внутреннем дворе конторы. Это было длинное одноэтажное здание под железной крышей

с печным отоплением. Внутри на право и на лево два расположения с кроватями, столами, тумбочками и табуретами, то есть уроки можно было учить, не выходя со спальни. Это давало какие-то преимущества и комфорт. По центру находилась каптерка заведующего хозяйством учебного центра, там и хранились все вещи и вещевые мешки учащихся. Приближалось первое сентября. Уже все шесть десятков учеников съехались и разместились. Коле досталась кровать не далеко от печи, стоящей в центре комнаты. Парень познакомился с соседями по кроватям. С одной стороны, через проход с тумбочкой имел кровать такой же сирота, как и Коля, Сушко Сергей, рядом стояла кровать Володи Камчатного парня с городка Шубинка, который находился в семи километрах от его Криворожья. У него были родители живы и работали в горкоме партии ответственными лицами. В ФЗО было казарменное положение и поэтому выход в город был строго запрещен.

В ФЗО набрали две группы по тридцать человек. Коля записался в группу механиков по электричеству, совершенно новую профессию, которой только начали обучать в стране. Другая группа готовила забойщиков на комбайне, которых еще не было на рудниках, и буровых установках. Колю всегда привлекало что-то новенькое не изученное. Он жаждал знаний, как жаждут воды взмыленные кони после долгого бега под седлом.

И вот первое сентября. Рано утром все были подняты завхозом для раздачи одежды на занятия. Коля не мог дождаться этого торжественного момента. Он с какой-то нежностью ощупывал новые брюки и рубашку, слегка поглаживал ладонью пупырчатую кожу новейших ботинок, вдыхал не понятный и поэтому трепещущий запахом нос, аромат новеньких носков и ему жаль их было одевать на неоднократно вымытые с мылом ступни ног. Перед этим всех подстригли наголо и все головы теперь сияли, как бильярдные шары на зеленом сукне стола. Атмосфера царил приподнятая. Всех построили во дворе на уложенной битым кирпичом, единственной дорожке и перед собранием выступили и представились люди во все тех же кремовых френчах. Управляющего звали Нанкин Владимир Петрович, а его зама Дорошенко Александр Александрович или просто Сан. Саныч. В своей не продолжительной речи они оба поздравили всех и проводили по классам. Началось образование.

Николаю все давалось легко, он быстро усваивал материал, даже очень сложные темы он мог рассказать довольно доходчиво, приводя множество примеров. Учителя его полюбили сразу и обратили на него внимание руководства ФЗО. К празднику Октябрьской Революции Колю избрали старостой группы, и он вступил в комсомол. Работа на подшефном руднике в Луганске, учеба, комсомольские нагрузки, это занимало все время парня и к вечеру он мечтал добраться до своей любимой кровати, чтобы завтра опять в бой за знаниями. Еще Коле очень нравилось читать. Библиотека конечно была, но в основном сюда привозили техническую литературу, а мозг парня требовал чего-то большего. Первой книгой, которую он прочитал за одну воскресную ночь, была «Приключение Гулливера» Д. Свифта, но особенно страстно парень потянулся к небу. В его воображении он видел себя покорителем неба, он хотел прокладывать новые маршруты по небесным картам, искать и находить что-то не изведенное и не изученное. Он хотел летать. Он желал знать про аэропланы все, что только можно. Юноша был влюблен в учителя физики и астрономии, который часами мог рассуждать о каком-то гении Циолковском, о пилотируемых аэростатах о новых аэропланах и самолетах будущего. Звали физика Мозговой Виктор Семенович. На своих дополнительных уроках, на которые оставалось несколько парней увлеченных воздухоплаванием, он мог нарисовать такие дали, что казалось мир стоит на грани большого праздника звезд. К нам уже прилетали звездные шары с пришельцами, и с моря выплывали подводные летательные механизмы с управлением внутри каким-то другим умом, и на земле наступил коммунизм и не стало голода, который незаметно надвигался на Украину. Но об этом никто ничего еще не знал и все жили мыслью о скорейшем благополучии в мировом коммунизме. 1931 прошел как один день, уже четыре группы занималось в ФЗО, Коля стал секретарем комсомола училища и продолжал настойчиво впи-

тивать в себя все дающиеся ему страной, знания. В начале 1932года в Луганске была открыта первая школа пилотов и штурманов при ОСОАВИАХИМ. Коля загорелся. Он узнал, что там можно заниматься в две смены и поэтому уговорил управляющего дать ему такое разрешение в виде исключения. Пообещав еще больше участвовать в организации учебного процесса и улучшении дисциплины среди учащихся. Разрешение на посещение и учебу в вечернее время, а также все необходимые документы и справки, были выправлены, и Колина учеба во втором училище началась. Он, как и хотел, поступил на курсы штурманов летательных аппаратов и аэропланов. В стране бурно развивалась авиация. На балансе учебного центра был практически новый аэроплан типа Блерио с названием «Терещенко№7» в двухместном исполнении, на котором впервые и поднялся в воздух Николай Стрельников в мае 1932года. Это была победа! Это был день триумфа он летал!

Весна и лето 1932года были не просто засушливыми, были изнывающие и знойные. Поля с посевами выгорели до нуля, а что и сохранилось было съедено неожиданно напавшей саранчой. Огромные тучи этих тварей, став на крыло где-то в Астрахани перемещались с небывалой скоростью через всю Россию, юг Украины и вот теперь юго -восток и центр. Украина стояла на голых коленях. Если Донбасс хоть как-то пытались снабжать по небывало низким нормам, то сельская часть аграрной, практически Украины, была отсечена кордонами от всего Советского союза на выживание, кто как может, а по-простому на голодную смерть. Занятия в ФЗО и полеты в авиашколе не останавливались, не смотря на сильное уменьшение питания учеников. В столовую ввели пропуска и отрезные нормированные карточки на каждого едока. Три талона на каждый день. Расцвело воровство талонов. Коле выдавали еще маленькую плитку полетного шоколада, горько сладкого с крошкой. Шоколад он старался принести в общежитие и угостить своих товарищей. Особенно трудно приходилось Володе Камчатному, полному от природы и к тому же привыкшему к партийным добавкам, которые получали его родители и привозили ему. Жадным он не был и всегда делился со своими товарищами, поэтому и Коля всячески помогал дружку. Он много рассказывал товарищам про самолеты, про новшества советского авиапрома, про свои впечатления от полетов. Коля мог ночами говорить и спорить на эти темы, не обращая внимания на бурчащий от голода живот. По воскресеньям ребята ходили на железнодорожную станцию разгружать вагоны с цементом. За один вагон им давали буханку черного мокрого от выпечки с отрубями, хлеба, два килограмма какой-то крупы и две —три головки капусты. Доходило до того, что грузчики от голода просто падали и приходилось нанимать людей со стороны и дешево и сердито. Хлопцы то же потом долго отходили, но молодой организм после сваренной на воде, пустой каше, да с порезанной на салат и посоленной капустой, да еще и с хлебом, все же мог порадоваться добавке. Плохо приходилось ленивым и завистникам, а таких было большинство. Что бы ребят отпускали на работы они делились принесенным с замом управляющего ФЗО. К Новому 1933 году положение еще больше ухудшилось. В Луганск стали свозить малых детей со всей близлежащей округи. Живые скелеты больше их никак назвать было нельзя. Ими были напрочь забиты все больницы города. Мертвых возили и хоронили уже без гробов, просто завернутых во что было. Город как будто и сам умер, хотя все шахты давали повышенные обязательства по углю, паровозный завод увеличил выпуск новых паровозов и ремонт старых машин, работало все даже библиотеки, только как-то тихо, скрытно, без задора и огня.

Коля по поручению Горкома Партии большевиков, провел открытое комсомольское собрание в ФЗО с лозунгом «Помочь детям страны выжить и стать полноценными ее гражданами». По этому случаю приняли обязательства отработать по три смены на подшефных мастерских бесплатно, а средства перечислить в детский дом города Луганска на питание детям.

Трудную пережили зиму 1933 года, очень много людей умерло, были потери и среди учащихся ФЗО. Весной стали раскапывать огороды и сажать, сажать, сажать, все, что только

удавалось раздобыть с семян. Свой огород был у каждой группы в ФЗО, только вот собрать то с него урожай не пришлось, группа Коля была выпускной. В апреле 1933 года Коля успешно сдал экзамены в авиашколе и получил настоящий диплом авиационного штурмана с правом летать на бипланах. А в мае успешно сдал государственные экзамены в ФЗО и получил диплом Слесарь—механик электрических цепей и приборов. Это был самый первый успех мальчика—сироты, понимающего, что никто кроме самого его, ему не поможет в жизни.

По распределению Коля был командирован обратно на свой рудник 1/1бис Криворожье. С поездкой назад ему повезло за его товарищем Володей Камчатным родители прислали телегу с возницей и самое главное с продуктами для обратной дороги. Ехать им было по пути так как Шубинка это один район с Колиным рудником. Володя получил командировку так же на свое предприятие шахту имени Ильича. По дороге путникам встречались бредущие навстречу им какие-то люди с котомками за плечами, с малыши детьми на руках и повозках, с тачками, на которых были сложены бедные пожитки. Такие все худые, что можно сквозь их голубую кожу видеть костные скелеты, и только огромные глаза каждого говорили, что они еще люди. Ехали в основном молча и слушали рассказы возницы про то, как ГПУшники совместно с активистами ловили на полях людей за сборы колосков, кого ссылали, а кого и стреляли на месте, как в некоторых районах случались случаи людоедства, ели своих малых детей. Было ужасно страшно. На ночь стали под Родаково в небольшой посадке, подальше от людских глаз предварительно набрав ведро и две старые с войны, трофейные, австрийские, полутора литровые фляги, которые были в повозке у возницы. Разложили костер, поставили закипать ведро с водой. Возница достал с сумки целый клал с продуктами. Пока вода закипала он угостил ребят домашними пирожками с капустой по два штуки. Нарезал сало и домашнюю колбасу и в миске поставил ее прожариваться на костер вместе с ведром. Когда вода закипела, бросил в нее с бумажного пакета больше килограмма пшенки. Пока каша варилась, хлопцы облизились, предвкушая вкусную, давно забытую трапезу. Но конечную точку поставил возница, после того, как каша была готова, он достал с сидора железную пол килограммовую банку тушенки и высыпал ее в кашу помешивая. Запах пошел на всю посадку и казалось до самого Луганска. Возница достал три ложки и бутылку с зеленой жидкостью. Ребята пить не стали, а мужик хорошенько приложился прямо с горлышка. Ели с ведра, так и вкуснее и удача ближе кому как повезет ухватить лучший кусок. Наелись быстро, каша еще осталась на утро. Возница все убрал в телегу от лисиц и начал укладываться спать, лошадь стеречь стали два парня. Лошадка была справная, трехлетняя еще не гулявшая, и поэтому в повозке лежала берданка с патронташем на всякий случай. Ночь прошла спокойно, перед утром мужик стал запрягать лошадку, а ребятам постелил в повозке, где до этого спал сам. Сон был мгновенным. Коля проснулся, когда уже свернули с Бахмутки в сторону Хорошего. В прошлый раз его везли не по этой дороге. Через три часа подъехали к Криворожью. Обедать никто не пригласил, видно возница передумал второй раз кормить постороннего, а Володя слова не имел, ну да ладно и на том спасибо, что привезли. Пожав друг другу руки, ребята попрощались и Коля пошел пешком от поворота еще с два километра до шахтного двора, закинув свои не хитрые пожитки в сидоре через плечо. Тут его никто и не ждал. То, что увидел Коля, привело его прямо сказать в глубокий шок. Полнейшее запустение, на шахтном дворе было пусто, у бань, где всегда было много народа, были заросли высокой сорной травы, прачечная разбита, компрессорная без окон и дверей, когда-то богатая конюшня сияла дырами в стенах, как будто ее обстреливали с пушек. Коля вошел в контору управления. В кабинете управляющего за длинным столом сидело два не знакомых, худых мужика и курили самокрутки. Коля вошел и поздоровался: «Здравствуйте товарищи», не взглянув в его сторону мужики о чем-то тихо спорили. «Эй, Вы что оглохли, я к Вам обращаюсь» – пошел в атаку Коля. Мужики повернули свои давно не стриженные, да и не мытые головы в его сторону и оба, как-то пристально посмотрели. «Чого тобі треба юначе? Шов бы собі куды шов» – выдавал из себя один. «Я приехал с Луганска на свой рудник, а тут

и нет никого, что же мне тогда делать?» уже испуганно спросил то ли у них, то ли у самого себя, парень. «Мы здесь вроде бы как сторожим, чтобы все не разграбили, а контора теперь в Шубинке, рудник туда передали, да после голодухи и работать не кому, добыча стала еще до нового года, так один горизонт поддерживают, чтобы не задавило полностью, раз в неделю приезжают с Шубинки и спускаются в шахту, вот и вся работа, парень» рассказал Коле второй мужик и глубоко затянулся окурком.

Было уже за полдень и идти сегодня что-то и кого-то искать в другом городе было бы без смысла и Коля решил найти где переночевать. Он отправился к тому дому своих приемных родителей, где провел все детство, где получил первые свои уроки выживания, первые обиды на судьбу, первые самые горячие слезы. Дом стоял на своем месте и с трубы в летней кухне, шел дым от горящей печи. Громко и зло залаяла собака и бросилась на ворота. С открытой в доме двери высунулся огромный детина в меховой жилетке на голое тело и громко спросил или даже потребовал: «Че там кому надо? Сейчас пса спущу.» Парень подошел в проем между калиткой и забором и позвал детину подойти. Тот привязал собаку и нехотя, как будто весь мир только ему был обязан, подошел. «Ну чего тебе?». «Да это вроде бы, как и мой дом» сказал Коля, «я здесь жил до учебы в ФЗО. Стрельников я Николай, а Выто кто?». С открытой двери дома высунулась женская голова, затем и пол тела в ночной женской рубашке: «Кто там Василек?», «Да вот говорит, что он бывший хозяин, которого мы вроде бы расстреляли еще в 1931м за антинародную пропаганду какой-то Стрельников», «Ой это, наверное, Колька сирота объявился не ждано не гадало, это мой школьный одноклассник, зови, Васятка, его в гости он наш, рабочий ему много горя досталось от так званых родителей кровопийцев», наговорила в одну минуту женщина. Только теперь Коля признал в ней свою одноклассницу Наташу Громову дочь старшего конюха на руднике.

В доме все было по-прежнему, даже мебель вся стояла на своих местах. Коля присел на скамейку у большого окна в кухне. «Ты откуда-то взялся, пропажа?» спросила парня хозяйка дома. «Сколько же тебя лет то не было? Где тебя носило?» – тараторила Наташка без умолку, не давая парню и рта открыть. «А это мой муж Василий, он заместитель военного комиссара в Шубинке», «а тут мы живем уже больше двух лет, сначала участкового поселили, но его подстрелили где-то и дом дали нам» резюмировала девка. Коля рассказал о своих приключениях, о том, что выучился на механика по электричеству и штурмана пилота, что приехал на работу, а тут не понятно, что и вообще он просто не знает, куда идти. «А ну постой, что ты там буровил про самолеты? Покажи дипломы мне.» влез в разговор вошедший Наташкин муж. Коля достал все свои документы и отдал Василию. «О.... Чудо.... Ты свалился прямо с неба ко мне... Я сейчас ищу людей в набор на младших офицеров летного состава, а ты уже с дипломом только не офицер, но это мы быстро исправим.» – чуть не прыгая от прочитанных документов проговорил Василий. «Наташа, быстро на стол все что у нас там есть будем обедать или уже ужинать, быстро и дай там казеночку, мы с твоим однокашником по маленькой бахнем» – не мог сдержаться он от восторга и удачи в его работе. «Ночуешь у нас, дом большой, Наташа тебе в детской спальне постелет, детишек у нас пока нет.» Сели за стол, у Коли после вчерашнего угощения, еще и крошки во рту не было. На столе появились домашние маринованные грибочки маслята, соленые огурцы и помидоры, вареная видно еще с утра, картошка в мундирах, крупно порезанное сало шпик венгерский, крупно порезанные куски белого, душистого, как французская булка с хрустящей коркой, хлеба, свежий лук, домашний квас и гвоздь программы запеченная в духовке только холодная, утка, ну и Столичная, с сургучовой пробкой, водочка. Видя такое изобилие во время голода Коля подумал не хорошее о этой семье, но голод взял верх умным мыслям. Выпили по рюмочке. «Ты понимаешь братан, кем ты скоро станешь? военным летчиком бомбило на наших лучших в мире самолетах.» не унимался удачным знакомством Василий. «завтра поедем ко мне на работу, заполним все документы, получишь путевку и в Харьков в авиашколу младших лейтенантов красной армии, тем более ты механик, летун, зачем

тебе эта шахта?» – все рассказывал и рассказывал Василий. Выпили еще и Коле за хорошо. Достаточно поев и выпив чая с малиновым вареньем, Коля уже понял, что этого шанса судьбы он не упустит, это была его золотая мечта юношества. Только прислонился парень к подушке, тут же погрузился в глубокий и спокойный еще по сути юношеский, сон.

Утром его растолкал новый знакомый Василий: «вставай летун ты мой дорогой, яичница уже на столе, скоро машина за нами приедет, бегом есть и собираться, да тихо ты не разбуди Наташу бо скандал будет» прошептал он почти на ухо Николаю. «Машина, завтрак, яичница, все как во сне страшно просыпаться, что бы все не пропало. Но все было на яву, одни ели до сыты и яичница была ни в диковинку, другие были рады и краяхе черного даже сухой» размышлял, умывая лицо теплой водой, парень. Плотно поев жареного сала с яйцами и посыпанным сверху зеленым луком, попив настоящего сладкого чая товарищи услышали звук подъехавшего авто. Это был еще не старый, но немного потрепанный нашими дорогами американский Студебеккер бело синего цвета с откидным верхом. За правым рулем сидел водитель в огромных очках от пыли, пытавшийся с места водителя протереть тряпкой лобовое стекло. «Здравия желаю товарищ капитан» поздоровался он с о своего начальника и только теперь Коля понял, что вчера весь вечер и сегодня утром постоянно тыкал, и называл по имени командира красной армии. «Вы меня простите, как Ваше отчество?» не совсем уютно чувствовавши, спросил Василия Коля. «Васильевич» – так же тихо ответил офицер. Ехали быстро, совсем не так как на телеге. Семь километров проехали минут за сорок может сорок пять. С утра уже пекло и хотя в Донбассе в мае и не бывает сильной жары, но знойный денек уже чувствовался. В поле разрывались от пения жаворонки, скворцы уже вылупили свое потомство и теперь таскали им раннюю черешню и жучков, зацветала поздняя акация и запах вокруг становился ароматно сладким. Всю дорогу ехали практически молча. Капитан обдумывал свой доклад начальнику о находке и закрытию проблемы с посылкой на учебу кадров. Коля еще волновался примут его или нет ведь везде оказывается надо было иметь своих знакомых, чтобы куда-то устроиться, а у сироты кроме личных блох, ничего не было.

Здание военного комиссариата находилось в одном здании с отделом ГПУ, только с отдельного хода. На посту стоял не молодой солдат, при подъезде нашего авто, он сбежал как-то лихо со ступенек и открыв дверь машины, отдал честь начальнику. «Старший майор уже приехал?» – поинтересовался капитан у постового. «Никак нет, товарищ капитан даже авто еще не выслали, не было звонка» – отчеканил солдат. «Ничего себе порядки» про себя только и смог подумать молодой человек. «Ладно пошли пока посидишь в приемной» обратился капитан к Николаю и приобняв его, как что-то очень ценное, подтолкнул к ступенькам входной лестницы. «Двенадцать штук» просчитал про себя количество ступенек парень и сам не понял зачем он это сделал. В приемной было прохладно от недавно хорошо вымытого пола и приоткрытой форточки. Два стола и столько же стульев стояло у окна друг на против друга и одна длинная скамейка видно с кинотеатра, стояла для посетителей. К одной стене был на глухо привинчен массивный сейф, на котором стоял горшок с геранью. «Видать есть и секретарь» – подумал парень. На стене висел портрет Тухачевского в массивной раме. С портрета командарм все руководил и руководил какой-то очень важной атакой красной армии.

Ждать пришлось долго. Такое ощущение, что за парня все забыли. Василий что-то взял в своем кабинете, кому-то позвонил и громко отдал четкие команды на чистом русском языке кому и к чьей маме необходимо сходить, затем и сам выехал. Ближе к обеду появилась секретарь, точно не пришла, а появилась. В начале постовой солдат внес чьи-то женские вещи – сумку и плащ, затем в приоткрытую дверь просунулась и застыла на мгновение нога в чулке и черном туфле, потом коленка и резко вся дама, как будто ее кто-то затолкал силой. Она с силой потянула на себя стул и плюхнулась так, что, Коля вздрогнул. «О.....а это исчо що за хрукт такой?» как-то непонятно спросила дама, «тебе хто прислал, мальчик?» – поинтересовалась особа. И тут Коля почувствовал сильный кабацкий амбре и понял: «Да она же еще

не отошла от вчерашнего...». Особа поправила перед маленьким зеркальцем свою прическу, стала подкрашивать свои губы, но это у нее плохо получалось, поэтому она плюнула на помаду и бросила ее в ящик стола. На первый взгляд ей было чуть за тридцать, довольно симпатичное лицо, может даже немного смелое для этой должности, белые, видно осветленные, волосы были густые и сворачивались на голове модной дулькой, закрепленной шпильками, которые на половину вылезли из непокорных волос. Дама встала и немного пошатнувшись приоткрыв форточку чуть по больше закурила папиросу «Герцеговина Флор», достав ее из сине серой пачки. Перекурив и попив воды с стоящего графина, дама опять устремила свой взор в сторону парня. «Что не отвечаешь? Ждешь Самого или Зама? Давно сидишь?» засыпала она вопросами. Но поговорить не успели в коридоре послышалась команда «Смирно!!!» и доклад подчиненного начальнику. «Во, Сам прибыл» – уже тише сказала дама то ли Николаю, то ли самой себе. В приемную вошел высоченный, красиво сложенный, в наглаженной военной форме старший майор приятной наружности. На его гладко выбритом лице сияла улыбка, что говорило о хорошем его настроении. «Привет всем присутствующим» обратился он больше к Коле, чем к секретарю, «так вот ты какой, летун ты наш дорогой, мне звонил Василий Васильевич и сказал, что ты согласен и ожидаешь, ну пойдем, пойдем в кабинет потолкуем, а капитан скоро будет. Мила, ты быстренько нам чаю и к нему бутербродов с моего фонда и бегом» жестко распорядился военный к секретарю. Кабинет, в который подтолкнули Колю, был действительно большим. На передней стене над головой руководителя висело два портрета В И Ленину и И В Сталину в золоченых рамах. На боковой стене огромная карта СССР с какими-то флажками и стрелками, на стене с окнами портреты Буденного и Ворошилова, но рамы уже на много скромнее. Под окнами ряд дорогих мягких полу кресел зеленого сукна, а в центре кабинета огромный, коричневый, полированный, явно не отечественный стол и под ним ряд стульев по проще. Рабочий стол руководителя был под зеленым сукном, с рядом телефонных аппаратов на нем. «Проходи, садись где удобно» пригласил, не убирая улыбку с лица, старший майор Колю. Парень сел за стол на простой стул и произнес: «Вы меня простите пожалуйста, мне не ловко, что Вы, такой большой человек, обращаете на меня столько внимания, сказали мне что это надо и Вам и стране, я готов служить и выполнять все приказы командиров и начальников». «Я ведь комсомолец и в ФЗО был секретарем комсомольской организации училища». Вошла с подносом Мила, приятно улыбаясь во весь рот и строя парню глазки. На подносе кроме двух чашек с чаем стояло три тарелки. На одной бутерброды с красной икрой, на второй с колбасой и сыром и на третьей лежали маленькие маринованные огурчики и какие-то зеленые ягоды то же в маринаде. Мила поставила на стол, перед Колей, все принесенное и плавно качая бедрами, зная, что мужчины ее разглядывают, не торопливо вышла и закрыла дверь. Телефон звонко зазвонил, и старший майор поднял трубку. Он глянул в сторону Николая, весело ему подмигнул и сказал в трубку: «Через минуту не придешь, сам лично расстреляю», подмигнув еще раз он положил трубку и потер ладони одна об другую. Дверь открылась и в нее вошел капитан и замкнул за собой дверь. «Доставай» скомандовал старший. На столе появились две бутылки коньяку и бутылка сидра. Капитан достал три рюмки с маленькой тумбочки в углу и салфетки. Мужчины сели за стол с подносом. Выпили по первой. «Ты знаешь, парень, какое большое дело ты для нас двоих сделал», начал старший, «пришел приказ под грифом» и он поднял указательный палец вверх: «прислать подготовленного человека с образованием и специальностью на поступление в училище летного состава РККА на офицерские курсы» и срок до первого июня. С нашего района всего одного, и мы сбились с ног. Хоть убей таких нет, кто уехал, кто вымер в голодовку, а если не предоставим, то труба всему, вплоть до перевода в южную Сибирь» в тайге там не надо ученых собирать под итожил Василий. «Да что я-то, я готов товарищ старший майор» – по-уставному ответил Коля, никогда не пивший спиртного, а тут коньяк, вчера две рюмки водки. «Да зови меня просто Николай Владимирович, Коля,» – сказал старший. Мужчины выпили еще, Коля попробовал маринованную ягоду, она была солено

вкусной не понятно, что напоминающим. «Это маслины, парень, вот станешь как мы, офицером Красной Армии тем более летчиком, там знаешь какие пайки, не то, что у нас на земле» объяснил Василий. Выпили еще. Когда на тарелках ничего не осталось, Николай Владимирович сел за свой стол и как будто и не пол только что, позвонил делопроизводителю. Василий убрал все в тумбочку и открыл замок двери. Вошел мужчина в коричневом френче без погон, но в хромовых сапогах и в португее. «Слушаю Вас Николай Владимирович» отрапортовал вошедший. Старший подробным образом рассказал клерку во френче, что, как и на, когда он должен сделать с этим парнем, поселить его в офицерское общежитие, поставить с сего дня на полное довольствие в нашей столовой, пройти вместе с ним всех необходимых врачей, а будут вымахиваться всех ко мне вместе с главным врачом города и что бы за два дня весь пакет был у меня на подписи. Клерк, как-то по-старинному, шелкнул каблуками своих сапог и пригласив Николая, вышел в приемную. По прощавшись со всеми за руку и поблагодарив за судьбу, Коля вышел следом, возврата в прошлое уже не было.

За два дня было сделано столько необходимых бумаг, что, если бы Коле пришлось их собирать самому, прошел бы в лучшем случае месяц. Клерк когда-то служил в царской армии при каком-то штабе и знал все порядки, входы и выходы. Все выполнялось без проволочек по минутам. Через два дня на стол к комиссару легла увесистая папка с документами. Он остался всем доволен и уже успел доложить по команде, что нашли не просто человека с образованием, а готового, дипломированного летчика, да еще с редкой специальностью электрический механик.

27го мая Николая отвезли на станцию и посадили в мягкий вагон до Харькова, снабдив билетом и заработной платой по его специальности за два месяца в виде подъемных. Училище офицеров летчиков находилось в столице Советской Украины городе Харьков. Паек собрали без излишеств: булка черного хлеба, довольно приличный шмат желтого, старого сала, пачка печенья, осколок сахара грамм так на 150т и пачка зеленого кускового чая. Попрощались тепло, пожелали ему хорошей учебы и тут же о нем забыли в водовороте своих дел. Поезд набирал скорость стуча колесными парами о стыки рельс, до конца и без возврата уплывала вместе с километрами дороги и юность. Начиналась настоящая взрослая, самостоятельная, мужская жизнь. Жизнь вечного бойца.

—

Ночь! Что люди вкладывали в это понятие? Ночами осуществляются мечты влюбленных, ночами хоть немного отдыхает от напряженного трудового дня мозг и тело человека, опять же ночами другие люди нашего не простого общества идут на свою грязную и подлую работу. Ночь для всех и каждая абсолютно разная каждые сутки. Ночь в палате номер четыре в этот раз была тихая. Не было слышно обычного мужицкого храпа, стояла тишина и только уши каждого слушали рассказ человека, переживали и вспоминали свое и молчали, молчали, молчали. Пепельница была полна окурков «Беломора» и «Шахтерских», в открытую с вечера настезь форточку выходил сизый дым скуренного табака, а в самой палате было довольно прохладно от сырости осеннего утра, вчера еще сильно жаркого и способного позволить искупаться в открытом водоеме, а сегодня уже заставляющего одеть на себя что-то теплое. Серело. Начали ворковать проснувшиеся горлицы, дворник мел опавшую за ночь листву и разгонял метлой лужи на дорожках.

Егор, как и два остальных старых друзей детства, не заснули ни на минуту. Николай Николаевич замолчал. «Помоги- ка мне подняться» – обратился он к Егору. Парень слетел с кровати и подал две руки старому человеку. Николаевич вышел. «Да ... дела то у каждого свои. ... Вот живем сколько лет в одном поселке, работаем на 1/1 бис, а про него ничего то и не слышали. Да ... Бывает и такое» – проговорил дед Толя не то самому себе, не то Егору. Вошел Николаевич и с трудом сел на свою кровать. Глаза его впали и поблескивали, сразу видно, что они долгое время были мокрыми. Но если этот старый военный плакал, значит весь его рассказ

шел от чистого сердца или даже от души. «Дядя Коля, а что дальше?», нетерпеливо заерзал на своем месте молодой человек. «Дальше, парень, была война и не одна она у меня, а все четыре подряд». «Какие это еще четыре?» вообще ничего не понял Егор «первая мировая – раз, гражданская – два и вторая мировая – три» рассуждал громко, но про себя, парень. «Ладно, Гошка, потом до расскажу, вечером» и повернувшись к стене застонал, тихо так, как будто кто-то на его глазах только что умер с его близких. И это Гошка, больно приятно резануло слух, так его звал только умерший недавно дедушки Корсаков, мамин отец. Егор посмотрел на часы было без двадцати шесть. Парень пошел в умывальник, так как знал, что скоро подъем и не пробьешься тогда. Зайдя назад в палату, он заметил, что мужики то же улеглись передохнуть. Егор лег и взял наушник своего радио, как раз заиграл гимн СССР и начались программы. Но все, что говорили и пели в наушнике, не шло на ум, хотелось, чтобы быстрее наступил вечер и послушать продолжение рассказа. Утро прошло, как и все остальные, завтрак молочный, затем обход. На обходе старшая медицинская сестра опять вручила парню следующий обходной врачей в больнице на сегодняшний день. Как только закрылась дверь за обходом, в палату вошла улыбчивая Оля, поздоровалась со всеми, спросила какие есть проблемы, хоты все и без того знала, и ласково потрепала Егора по курчавым рыжим, густым волосам. «Вот бы мне такие густые и рыжие, а то красишь их, а они только хуже становятся» смеялась девушка. Подмигнув парню, она выскользнула с палаты. «О... сегодня будет дело, наверное, там точно течка.» с ухмылкой пробурчал дед Толя. Егор зарделся от неудобства. После обхода Егор встретил Володю Салата, и они вдвоем побежали, так как было и правда холодно, обходить своих врачей. Затем обед. Был суп с клецками и рыбный суп для диеты, на второе рожки с подливкой или рыбные котлеты и кисель с булочкой. Наевшись парень решил немного подремать. Только до подушки, а уже зовут на ужин. Егор прекрасно себя чувствовал, выспался и пропустил приход жен своих старых товарищей по палате. Дед Толя сказал, что Оля гляделки проглядела, сорок раз заглядывала в палату. Открылась дверь и зашла помощница поварихи с кухни, еще молодая, но похожая на пышечку, девица с завернутым в фартук, бумажным пакетом. «На вот тебе тут Раиса передала пакетик» ставя на тумбочку передачу пропела толстушка, «а и вправду красавчик» заулыбалась она и вышла, не дождаввшись спасибо от ошеломленного признанием юноши. «Во дает чертило рыжий» пробурчал дед Толя «двоих сегодня приговорит наверно». Все с улыбками промолчали. «Оляка ей глаза по выцарапывает» – внес свою лепту Иванович поднимаясь на ужин. От пакета разлетелся такой сильный запах чего-то вкусного, что мужики остановились и принялись. Разворачивать решили потом для сюрприза. Пахло котлетами и чем-то чесночным и что-то сильно уж булькало. Сходили на ужин и опять разлеглись по кроватям еще было свободных пару часов пока было движение по коридорам. Опять приоткрылась дверь, и Олино красивое личико не моргая уставилось с проема на Егора. «Иду» тихо проговорил юноша и под дружный шепот с умными наставлениями старших, вышел в коридор.

«А чего это Наташа к тебе приходила?» поинтересовалась Оля, отведя взгляд. «Что у тебя с ней?». Егор хотел было рассказать небылицу про то, как они вчера целовались с Наташей, но вдруг понял, что вопрос не простой и он девушке не безразличен, ответил правду. Оля покраснела и как-то сразу успокоилась. Егор не знал, как вести себя с этой девушкой, он от природы был довольно скромным и пока еще девственником, хотя об этой тайне знал только он сам. Молодые люди прошли в комнату медицинских сестер и закрыли дверь. На смене на весь этаж ночью была одна сестричка и две нянечки санитарки, но у них было свое помещение. «Чай будешь?» спросила Оля. «Нет пока не хочу, у нас там будет небольшой ужин, приходи я приглашаю» заволновался парень, так как он не допускал даже мысли пропустить рассказ Николаевича. «Посмотрим, спасибо за приглашение» и вдруг девушка резко прижалась своей головой к груди парня, уткнувшись в нее носом. «Прости меня, со мной это впервые, я еле дождалась смены, а ты в течении всего дня избегал меня» и Оля заплакала, тихо так, без звучно, только подергивались острые плечи в бело снежно накрахмаленном халате.» Ну что ты, что

ты» разволновался и парень «не плачь пожалуйста, и у меня никого нет вообще, я стесняюсь, правда» выдал из себя признание Егор. Поцелуй оказался страшной силой. Внутри все сразу перевернулось и стало в обратную сторону, взрыв гормонов зашкалил на двести процентов, парень потерял на какое-то время над собой полный контроль, ему не хотелось отпустить от себя этих сладко – пьянящих, сразу ставших такими родными, губ. Руки скользили по верху халата ища лазейку во внутрь и не найдя ее полезли прямо в не глубокий декольте халата. Но Оля резко все остановила, вскочила с дивана и стояла перед парнем вся красивая и взъерошенная с раскрасневшимся от жара страсти лицом и широко открытыми коричневыми глазами—озерами. «Тихо, тихо, не так быстро, я девочка, а на какая-то там» прошептала Оля, приводя в порядок свой вид. Наступила гнетущая тишина, молодые люди после неожиданной страсти, чувствовали себя не совсем ловко. Оля подошла к своему столу и в это время дверь открылась и вошел дежурный врач. «Кто сегодня тут со мной, а это ты Олечка? Как там папа? когда уже он выйдет на работу в хирургию? Завал без него», и тут он обратил только внимание на парня. «Что Вы тут делаете, молодой человек?». «Это я его вызвала заполнить формуляры» ответила ему Оля. Егор встал и пошел в палату.

Дедки только составили табуреты и застелили белой чистой тряпицей этот импровизированный стол. На нем появились принесенные продукты: неизменное хохлятское, вкуснейшее в мире, сало. Только тут, на востоке Украины его так вкусно готовят на свежей соломке, сало с двумя, а то и тремя прорезями и по толщине самое хорошее для любого, знающего в этом толк, рта. Охотничьи сосиски пахли свежей копченостью лучшего мяса, вареные яйца, маринованные маслята и конечно соленья, огурцы и помидоры в рассоле. Егор развернул свой пакет от Раисы, и все ахнули там было двенадцать котлет в тесте еще довольно теплых и мерная двух сотка спирта, как вчера. «Вот это тетка, ух мне бы годов так тридцать скинуть, я бы ел только котлеты у такой-то тетки» заволновался дед Толя. Все дружно засмеялись. Приготовив все к трапезе, Иванович дал команду «По местам» и все закрутилось, как и пред идущие вечера. «Мужички, пожалуйста, а можно сегодня на ужин я позову и Олю?» тихо спросил юноша. «Что девка то понравилась? Это дочка нашего лучшего хирурга Конева, он в командировке где то, а она учится в институте еще и работает тут. Конечно за всегда можно, она наш человек, не продаст» все сразу рассказал и разрешил дед Толя. От любого выпивона сегодня Егор категорически отказался и пошел за Олей, а мужики сели за свой ухоженный стол и выпили. Оля взяла с собой настольную лампу и кружку с горячим чаем, кушать она отказалась. Поставив на не пригодный стол лампу и включив ее получилась не принужденная обстановка в палате, а проще полумрак и с улицы не видно и глаза не слепит. Олю и Егора угостили котлетами в тесте и молодые люди, сев на кровать Егора, с удовольствием их уплетали, прихлебывая по очереди с чайной чашки. Трапеза закончилась быстрее обычного, все ждали продолжения рассказа Николаевича. Мужики вышли покурить и сами вынесли мусор со стола оставив молодых на некоторое время вдвоем. Поцелуи были до такой степени жаркими, что щемило сердце где-то под левой лопаткой. Оля прижималась всем телом к Егору вроде бы ей ужасно было холодно, а парень не мог повернуться к ней из-за возникшей в этом случае мужской озадачи. Зашли деды и расселись по своим кроватям. Егор спросил, мостившегося лечь удобно на спину Николаевича: «Так почему же все же четыре войны, а не три?» «Да потерпи, ты неумный», «четыре конечно и при чем здесь первая мировая и гражданская? Мы тогда мальцами были все» ответил за Николаевича дед Толя. «Он говорит про Мадрид, Хал хин – Гол, Финскую и большую нашу Отечественную, понял?». «Да именно про них, только сегодняшний рассказ некоторым совсем не придется по душе, но слово есть слово, слушайте внимательно». Николаевич удобно лег на спину, подложил руку под голову, покряхтел и продолжил.

Глава 2: Война. Жизнь. Честь.

Николай Стрельников прибыл в военное училище летчиков Красной Армии, как раз к началу учебы. Сдав документы в приемную комиссию училища и получив выговор за то, что мог опоздать, Коля пошел в училищную канцелярию за выпиской на поселение в общежитие и получение карточек на питание. Таких как Коля, уже готовых обученных пилотов, было четверо, остальным еще предстояло сдавать вступительные экзамены на зачисление. Конкурс был очень большим, по десять – двенадцать человек на место. На Колю сразу же обратил внимание командир группы штурманов, капитан, летчик знавший еще Нестерова, Вадим Васильевич Штонга. Это был мужчина не высокого роста, коренастый, видно, что очень сильный, с модными тонкими усиками а-ля Франце. Поговорив с парнем и узнав, что у него не только диплом пилота, но и диплом механика по электричеству, капитан определил парня в свою группу военных летчиков – штурманов. Авиация в эти годы развивалась очень бурно и стране край как необходимы были хорошие штурманы, чтобы прокладывать маршруты для бомбардировщиков авиаторов Советской страны.

К середине июня 1933го года было набрано четыре полные группы—три просто летного состава и одна, в которую и попал Николай Стрельников, с уклоном штурманского дела и авиационной механики. Их про себя в училище называли летающими технарями. Штонга В. В. Был до боли порядочным человеком и любил свое дело. Николая он как-то сразу приблизил к себе, видно сразу было родственную душу. Николай бывало в захлеб спорил с учителем о какой-то там нужной или не совсем детали в самолете и в основном вы спаривал свое и этим еще больше нравился учителю. Как только приняли присягу на верность Большевицкой партии и Советскому народу, Николаю и еще тем троим парням с летными документами, было присвоено первое воинское звание младших сержантов авиации и выданы первые в жизни голубые петлицы с крылышками и двумя золочеными треугольниками на каждой. Их поставили на должности заместителей командиров взводов с полным довольствием и денежным содержанием военнослужащего, а не курсанта. Началась полноценная учеба. Коля с головой ушел в науку. На аэродроме училища красовалось больше десятка новеньких самолетов Поликарпова И15 и У2, а также больше десятка старых, еще трофейных с германской бипланов, на которых когда-то учился подниматься в небо и сам Коля, на которых учили этому же мастерству вновь принятых курсантов. Первые полеты даже Коля провел с опытным инструктором, а когда убедились, что биплан подчиняется рукам парня более чем надежно, разрешили и самостоятельные полеты. На новых машинах пока до какой-то команды не летали только досконально изучали материальную базу так называемую в авиации мат часть. Когда тихо ходик поднимался в небо, Коля представлял себя парящей над горизонтом огромной птицей и закрывал на мгновение глаза. Ветер обдувал лицо, руки привычно чувствовали рули и казалось ничего не может помешать этому вечному блаженству, но проходило установленное время и с башни на аэродроме подавали флажками сигнал на посадку и все заканчивалось до следующего раза. Здесь в Харьковском училище летчиков Коля узнал о том, что в Москве еще в 1930м году был основан и уже три года успешно работает Институт авиации, который выпускает научных сотрудников для КБ, строящих наши самолеты. Да..... туда попасть не с Колиной головой и мозгами. И парень оставался довольствоваться малым и огромным одновременно. Во второй пятилетке 1933й—1937й года в стране, по планам Советского правительства, должны были создать большую производственную базу для собственного строительства самолетов и это все радовало молодого летчика. К самолетам истребительной авиации И15ть или просто ИШАЧКИ, так их окрестили в армии, Коля относился вполне равнодушно, так как не видел себя в роли истребителя, а вот У2 так называемый в народе КУКУРУЗНИК, для парня подходил больше так как с него можно было бомбить, а значит и прокладывать какие-то курсы в полете.

В Колином учебном взводе люди были со всего Советского Союза собранные. В основном учились дети бывших или служащих по сей день Красных командиров. С Одессы был еврей Моня Зацепляр – симпатичный, высокий, черный как цыган парень с немыслимо ужасным

говором одесского разлива. Он всю жизнь прожил на своей любимой Молдаванке и дальше бы жил не тужил, но прочитав в вечерней Одесской газете про летные курсы в Харькове поспорил на довольно крупную сумму, что с первого раза туда поступит. Его вторым спорщиком был сынок местного прокурора Изя Рабинович и одноклассник Моисея. Об этом скоро узнала вся Одесса мама. С переулков старых дворов ему кричали в след старые бабки торговли рыбой на привозе: «Моня, и зачем это тебе надо то небо? хотя и в Харькове много евреев проживает, сиди лучше тут дома и не смей нормальную публику своим смехом, ни одного порядочного еврея не было пока в этом небе!!! Уйми свою характеру по-тихому и не будь похожим на недоученного в церкви хохла!!!» А другая вторила противоположному спорщику: «Да не посадит тебя за такой гешефт его умный пока папочка, вы же друзья с маленького детства и писали в один горшок, отдашь ему твой спор или отработаешь его папе на привозе стукачом» и дружно вдвоем зареготали, рассыпав на тротуаре барабульку. «Вот сучье вымя гвоздь ты тупой, из-за тебя, Моня, я рыбу по пыли раскинула, кто теперь ча ее у меня закупит?» – бабка приняла позу «заезжай в мою будку» и стала собирать меленькую, но еще живую рыбешку. Изя проиграл, он это сразу понял, когда на первое июля его день рождения не пришел его самый лучший и единственный друг Мойша. Теперь необходимо было клянчить у всемогущего пращура немного денег на расчет. А Моня тем временем уже напялил на себя мундир курсанта и стал мечтать о том, как пролетит на своем новеньком ястребке над Молдаванкой и помашет серебряными с красными звездами, крыльями.

Вторым экземпляром, заслуживающим внимания, был парень, приехавший с Урала. Его отец командовал там кавалеристской частью и в свое время служил и хорошо был знаком с В. И. Чапаевым, Фурмановым и его женой. Парень был Колиным теской, не многословный, не большого роста крепыш, но с ногами кавалериста, его так и прозвали между собой – Конник. Но на турнике и бруснях этому парню равных не было, когда он начинал крутить солнышко или делал выход силой, то глазки опускали даже самые нагловатые курсанты, которые болтались на бруснях как г...о в проруби. И еще раз всех удивил своей искренней простотой этот парень, проводились учебные стрельбы с трех линейки Мосина, все стреляли по пять патронов и после этого в мишенях искали свои дырочки зарабатывая балы, в мишени Николая нашли только одну дырочку только немного великоватую. Пришел посмотреть сам начальник курса и поняв, что все вошли в одно место, дал команду наградить юношу значком «Ворошиловский стрелок 3й степени», каково же было удивление всех, когда парень достал золотой значок первой степени и документы к нему, а не носил он его по причине необходимости подтвердить его стрельбой. И эти две совершенные противоположности сошлись вместе, еврей балагур и тихоня силач стали не разлей вода. И кровати у них стояли рядом и одна тумбочка в проходе между кроватями. Их дружбе даже завидовали. Фамилия Николая была Кожемяка.

Во взводе Стрельникова быстро пошли вверх показатели по всем дисциплинам, а изучать будущим младшим лейтенантам приходилось ой как много. Собрав первоначально весь взвод для ознакомления, парень озвучил свои не хитрые требования по порядку во взводе, организации учебного процесса, нарядов по службе, бытовому и хозяйственному участию каждого. Опыт, полученный во время учебы в ФЗО очень пригодился, но еще больше пригодился опыт комсомольской агитационной и пропагандистской работы. Курсанты прислушивались к мнению младшего сержанта и старались все его приказы и указания выполнять. После принятия воинской присяги здесь и сложился единый, сплоченный армейский коллектив будущих ассов Советской авиации. Конечно до этого было еще ох как далеко.

Учеба не всем давалась так легко, как Николаю Кожемяке. Были и настоящие мамочкины сынки. Ваню Шенгелия, хоть и был чистокровным грузином, но от мамы своей не мог оторваться даже в военном училище. Сюда его направил его дядя Реза Шенгелия брат умершего от ран отца. Детство его проходило в горном поселении, где жили старики и родители его отца и дяди Реза. Сам Реза Иванович работал секретарем партии в этом же районе и на его плечи при-

шлись самые не совсем хорошие времена становления Грузии, как республики в составе Советского Союза. Он жестко был завязан на легкой промышленности СССР поставками шерсти на комбинаты переработки и планы только увеличивались. Своих детей Господь ему с женой Мананой не давал, и они зациклились на единственном родном племяннике, который остался после смерти единственного младшего брата Серго Ивановича, который после тяжелого ранения в перестрелке с бандой абреков, долго лежал в госпитале и умер после перенесенной очередной операции. Племянника называли в честь деда Ваню, старого и опытного пастуха овцевода, всю свою жизнь проводившего стада овец в своих родных горах. Ваню сразу понял, что, что бы не случилось с ним, все родичи на перебой старались оказать помощь. Учился мальчик в школе для одаренных детей советских первых руководителей, питался только лучшим, всегда был хорошо одет и обут, при этом не испытывая особого стыда за своих сверстников с поселения, которые бегали босоногими и в одних рубахах практически до 16ти лет. Тетка Манана привозила лучший шоколад фабрики «Рот фронт», фрукты и свежие овощи были чуть ли не круглый год. Так бы и жил себе припеваючи до старости, но НЕП резко закончился и на таких детей переростков стали сразу обращать внимание правоохранительные органы и что бы не испортить свою репутацию, Резо Иванович послушал совет своего зама отправить племянника в армию, но солдатские обмотки были не совсем к лицу такому отпрыску и решено было направить его в столицу Украины учиться летать. Это и модно и профессия на всю жизнь. Так Ваню Иванович Шенгелия оказался курсантом училища в непонятном, пыльном и грязном городе малой России – Харькове. Надо отдать ему должное все экзамены включая физкультуру, он сдал сам и с первого раза. Его, как ни странно, зачислили в единственную группу штурманов по его настоятельной просьбе. Учился он без неудов, но и без старания. Науки ему давались легко, он имел математическую память, но развивать ее не стремился. После занятий он валялся на кровати, не обращая никакого внимания на строгие запреты, или писал письма на грузинском языке своей тетке. Дружбу он ни с кем не заводил и держался особнячком. Ему приходили посылки и бандероли по два раза на неделю, никто не знал куда он их девал, но и сам в поедании не был замечен ни разу. Однажды группа курсантов решила проследить куда он носит свои посылки с дома. И каково же было их удивление, когда, следуя не заметно от Ваню на расстоянии, они вышли к Салтовскому районному детскому приюту для детей сирот. Никто и никогда больше разговоров о Ваню не начинали, ведь для любого грузина, даже пусть немного и мажорного, честь прежде всего на свете, честь своя, честь матери, честь родичей и честь Грузии, а самое главное – честь зваться грузином.

Полной противоположностью Ваню, был курсант с редкой русской фамилией Иванов родом с Полтавы. Его отца, как и его самого звали просто Семен Семенович. В их семье железнодорожников был свой не гласный устав – первого рожденного мальчика называть Сеней. Отец водил паровозы по всему СССР, а Сеня учился летать, чтобы участвовать в большой жизни страны и охранять ее покой. В их большой семье было десятеро детей ровно по полам девочек и мальчишек, но только ему, своему любимцу и первенцу, отец позволил закончить семилетку и вот теперь учиться дальше на военного летчика. Старый Семен Семенович очень гордился сыном и в депо было только и разговоров о молодом Сеньке. Однако к учебе будущий летчик, относился халатно, ему бы поесть в столовке да какую ни будь интересную книжку вроде Жюль Верна, почитать лежа на кровати в обуви. За это он частенько получал наряды на кухню или по роте дневалил. Но какие бы все разные не были, в общем коллектив складывался не плохой. Одним их любимцев всего взвода был бульбаш Василий Пуляк с Лунинецкого района Белоруссии с деревни Яживки. Со своим белорусским говором, Василий затмевал даже самого Ваню. Но у грузина хоть показатели какие-то хорошие были, а тут полный ноль, но огромное желание все узнать и выучить. Деревенька, в которой провел всю свою жизнь этот парень, была не большой, но главной ее достопримечательностью была семилетка, в которую ходили дети с ближайших деревень и хуторов. Деревня Яживки стояла с краю огромного леса и болота, по

этому главной выращиваемой культурой была клубника. Соберут весной ягоду, продадут ее перекупщикам и опять до весны. Так же в деревне стоял и цех по ремонту техники. Со всего района сюда стоняли на зиму трактора, которые стали появляться в колхозах и совхозах нового общества, и до весны их перебирали ладили. Большим праздником в деревне был приезд раз в месяц кинопередвижки, но так как электричества не было, председатель запускал один из тракторов и крутил динаму пока идет фильм. Воды в селе питьевой то же никогда не было пили все, даже дети бражку, животине настаивали болотную верховодку. Так вот Василий и учился в школе и работал в МТС у тракторов, а когда узнал у председателя о наборе в пилоты, не спал, пока председатель не съездил в уезд и не привез Бог один знает, как добытую, путевку на учебу. Собирали Василия всем поселением, дело в том, что он всю жизнь проходил в лаптях и ноги выросли так, что обувь стандартную было не подобрать и ему шил сапоги местный сапожник, пьяница и дебошир Силантий. Размер сапог был близкий к 50тому. И вот когда Василий Пуляк первый раз стал в общий строй, его сапоги выступали на 25ть см вперед строя. Смотрелось комически и Василия решили в первую шеренгу никогда больше не ставить.

Время неумолимо бежало вперед. За жарким и еще немного голодным летом пришла осень. В городе, где от шума трамваев, топота копыт упряжек, первых отечественных грузовиков не куда было спрятаться, добавилась еще и грязь. После дождей все улицы города превращались в не проходимые озера и болотца. Армии дворников не справлялись со своими работами, ливневки практически не работали. И вот по такому городу, каждую субботу курсанты ходили строем мыться в баню. Ходьба строем превращалась в муку. По воскресеньям, лицам, успешно проучившимся всю неделю, давали увольнительную, но по такой погоде к старшине даже никто из гуляк и кутил не подходил, все старались отлежаться в выходной на любимой койке и привести форму в порядок. В такую распутицу все учебные полеты были отменены, и курсанты занимались в основном огневой подготовкой и мат частью самолетов. После Нового года стали поговаривать, что столицей Украины скоро опять станет Киев и снабжение по первой категории уберут, но тракторный гигант, который выполнял задачи правительства, не могли снабжать хуже. Появился новый урок в училище, курсантов стали обучать новинкам мирового авиастроения. Вернее, не обучать, а доводить и сравнивать с нашими аналогами. Обещали по возможности приобрести английский и немецкий учебные самолеты.

Николай любил свой У2. Это была самая послушная из всех машин такого класса. Уже появились опытные самолеты тяжелых бомбардировщиков, полностью из алюминия, с большой, застекленной кабиной, с экипажем от четырех до одиннадцати человек. Это была тихая мечта Коли, летать штурманом на таком гиганте. Ночами Коля представлял себя сидящем в кресле штурмана во время боевого полета, прокладывающего дорогу своему самолету и как следствие затем происходит бомбометание на головы злющего врага. Но до этого был еще целый год учебы и муштры.

В Германии тем временем к власти пришел А. Гитлер. Начиналась новая эра в мировых отношениях. В училище стали появляться немецкие курсанты летчики, которых наши преподаватели обучали мастерству. Знакомиться с ними было строго запрещено, но немцы сами лезли к нам в глаза. Один раз мы играли с ними в футбол, зимой на расчищенном от снега стадионе. Команда гостей явно выглядела на много сильнее своей сыгранностью, да и одеты они были в теплые спортивные костюмы и настоящие бутсы. Капитаном команды был сын какого-то барона хорошо говорившем на нашем языке. Во время игры он обменялся рукопожатием с Николаем и представился: «Ганс Кнюппель», Коля назвал свое имя и фамилию. «Надеюсь мы подружимся, Коля» сказал Ганс и побежал в центр поля. Замерзшие, но веселые после проигрыша хорошо играющим немцам, мы возвращались в казарму училища, когда впервые столкнулись с маленьким винтиком карательной советской машины, капитаном НКВД Грозовым. «Как игра?» – ласково заигрывающим голосом спросил он. «Продули сегодня, но следующий раз мы им покажем, товарищ капитан» отчитался за всех, без команды влезший

куда ему не надо было, Семен. «Товарищ капитан, разрешите доложить, группа курсантов летного училища возвратилась в расположение училища в полном составе после тренировочного матча по футболу с командой курсантов с Германии» – доложил по уставу только без отдания чести, так как были одеты все в трико, Николай, как командир. «Что, сержант, не повезло сегодня? хорошо видать играют супостаты» и дружески заулыбался. Не поняв значение слова супостаты, Николай решил, что лучше промолчать. «Ладно, другой раз то, когда?» прищурив глаз, как будто от табачного дыма, спросил Громов. «Договоров не было» ответил сержант. Поняв, что его выкрутасы тут не пройдут, капитан четко отдал команду: «Внимание, форма одежды армейская, пока я дойду до Ленинской комнаты все стоят в ней и ждут, бегомммммммаршшшш». Группа курсантов рванула в расположение и как по тревоге стала переодеваться в форму. Дежурный по роте стоял у двери и ждал капитана с докладом. «Смирно! Товарищ капитан взвод по вашей команде построен, дежурный по роте младший сержант.» Но фамилию уже никто не расслышал, так как Громов вошел в Красный уголок казармы. Не давая команды сесть, он уселся на стул за столом, застеленным красным толстым сукном и внимательно стал разглядывать лица курсантов. Все молчали, только желваки на молодых, еще не бритых лицах курсантов немного подрагивали то ли от злости, то ли от усталости. «Так все же проиграли.» не то спросил, не то констатировал этот факт, капитан. Скажите мне кто ни будь, зачем позорить наше великое государство своей неумелой игрой?». И тут произошел взрыв: «Зачем так говоришь? Почему так говоришь? Разве товарищ Ленин не говорил на весь мир учиться, учиться и еще раз Учиться. Разве товарищ наш вождь и учитель Сталин не признавал ошибок и не говорил, что всему надо правильно учиться. Почему говоришь не как партия учит? я сегодня напишу своему дяде Резо, чему ты меня и всех тут учишь», замолчал Ваню так же мгновенно, как и взорвался. Не знавший до этого ни каких отказов и отговорок, а тут попавший в настоящий оборот, да еще с угрозой политического плана, Громов опешил. «Кто Вам, курсант, давал право голоса?» взяв себя в руки, спросил капитан. «Сержант, слабая подготовка курсантов по уставу» – обратился он к Николаю. «Есть, слабая подготовка» ответил сержант, не сводя взгляда с глаз капитана. «Всем идти в расположение и заниматься своими делами, а Вы, сержант, задержитесь пожалуйста на несколько минут». Взвод вышел, закрыв за собой дверь Ленинской комнаты. «Ладно проехали», как бы замиряясь сказал капитан «ты мне ответь, кому это в голову пришло не выполнять приказ о сближении наших курсантов с немчурой»? «На сколько мне известно, они, то есть германцы, обратились с просьбой к руководству училища на разрешение устроить товарищеские матчи по футболу в зимнее время с русскими курсантами. Вот мы, по просьбе начальника курса и заместителя по политике, парторга курса и сыграли первый раз, но ведь мы же не сыгранные пока» ответил сержант, делая вид дурака, что не понял смысла вопроса. «А что это еще за чудо Грузии?» и Николай понял, что Ваню его зацепил. «Да грузин как грузин» и рассказал все о посылках и приюте, куда парень носил свои передачи. «А что это за Резо?» специально поменяв кто на что спросил Громов, все же считая себя выше по положению. «Я так понял какой-то большой партийный работник» сказал Николай. Сделав еще несколько замечаний, Громов ушел, но Коля понял, этот человек зло помнит. Первое зимнее занятие по управлению самолетом, сколько все ждали этих полетных дней. Тихая, как на заказ, совершенно безветренная погода, яркое, зимнее солнце на чистом, голубом небе. Такое ощущение, что сам Всевышний сегодня будет следить за полетами. У всех отличное настроение, даже Василий Пуляк, как зеркала начистил свои скороходные лыжи. Все построились в летных костюмах на аэродроме. Вызывали по двое, сегодня первые парные взлеты и посадки. Николай взлетает в паре с Васей Пуляком, Моисей Зацепфлер в паре с Николаем Кожемякой, Ваню Шенгелия как-то странно сошелся и теперь летел в паре с Семеном Ивановым. Два новеньких У2 с инструкторами в задних кабинах, стояли в начале большого, почищенного трактором и солдатскими лопатами, поля и ждали команды «От винта!!!» что бы взметнуться в эту голубую, пьянящую и манящую высь. «Первая пара к машинам.» – ско-

мандовал начальник полетов и первая пара Зацепфлер, и Кожемякин устремились к передним кабинам своих серо—зеленых ласточек. Механики сняли с пропеллеров защитные чехлы и стояли в ожидании команды. Радио тогда в самолетах еще не было и команды подавались флажками с башни управления полетами. Поднялись два флажка, это команда «От винта» и оба мотора чхнув для приличия, дружно заработали. Еще два флажка и обе машины рванули по расчищенной полосе, «Вот и отрыв» про себя подумал Коля, оба самолета плавно оторвались и взмыли в высь. Отрабатывали развороты перед заходом на посадку и затем саму посадку. Как красиво наблюдать как это выполняют твои товарищи, и не вооруженным взглядом видны любые ошибки в пилотировании, но в этом и есть наука побеждать в учении. Прошло 15ть минут полетного времени и вышли флажки на посадку. Самолеты так же парой, плавно приземлились и прокатившись какое-то расстояние, стали, заглушив моторы. С кабины вылезли курсанты и помогли механикам развернуть крылатые машины для нового полета. Первая пара бегом бежала на доклад к начальнику полетами. Затем так же бегом они подлетели к строю курсантов. «Нет кто ни будь из всего видел так как летает первый еврей в этом командировке? Или зачем Вас тут всю масть строить попросили сегодня»? «Или я чего-то не тому показал в полете над Вами? Все видели, как я махал Вам рукой и плакал, что умею-таки уже летать и еще больше вас учиться буду», тараторил не умолкая Моня, совершенно не обращая внимания на руководство. «Так бывает в первый самостоятельный» только и сказал, заулыбавшись, начальник полетов. «И мне очень понравилось» сдержанно и четко сказал Николай Кожемяка, еще раз подтвердив свою молчаливость.

Второй парой были Вася Пуляк и Николай Стрельников. По числу налетов Николай мог уже летать и без инструктора, но все осталось как есть, не станем забегать в перед батьки. Подбежав к своему самолету и поздоровавшись с механиком и инструктором, Коля влез в кабинку пилота, правильно уложил под себя парашют, пристегнулся ремнем и сев закрыл маленькую дверцу кабины, стал наблюдать за башней. Но флажков никаких долго не было, и парень стал волноваться, затем повернувшись назад увидел смеющегося инструктора, который указывал на второй самолет. У Васи с большим трудом и с помощью инструктора уместились в небольшой кабине его сапоги—ласты. Флажки появились на вышке и Коля, стараясь боковым зрением наблюдать, как учили за напарником, плавно стал добавлять газ. Оба самолета взлетели вверх. 15ть минут это одно мгновение для жадного пилота, уже дали команду на посадку и Коля даже заплакал от обиды, но на земле ждали еще больше десяти пар курсантов и сержант плавно посадил свою машину на поле. Немного покачал машину Вася при посадке, но это и есть учеба. Доложив о полете, молодые люди подбежали к строю своих товарищей. Объявили следующую двойку и Ваню Шенгелия, и Сеня Иванов побежали к самолетам. Следующий раз будет через десять дней. Полеты три раза в месяц. Немного не совсем ровно пробежались самолеты и практически вместе оторвались от земли. Даже не опытному глазу было видно, что пилоты очень старались держаться в небе парой. И хорошая посадка. Концертное представление началось сразу же после того, как Ваню выскочил с кабинки У2 и продолжал полет по земле широко расставив свои руки. «Товарищ младший сержант, так он же танцует свое АССА» – не скрывая эмоции проговорил Сеня, обращаясь к Николаю. Точно, Ваню часто—часто перебирал ногами и менял расположение своих рук по сторонам. «Вах, вах, вах, ты видель это?, грузин летал, как горный орел, даже лучше орла, ты видель?» при этом он ставил мягкий знак после Л, и не совсем понятно к кому был направлен его важный в мире вопрос. «Вечером напишу тете Манане, пусть радуется и пришлет мандарин». «А что такое мандарин?» спросил Вася, заглядывая в глаза сержанта, вроде бы ища не ответа, а понятия, знает ли сам сержант, что это такое. «Отделение младшего сержанта Стрельникова учебные полеты закончило.» – доложил Николай, подошедшему на танец, начальнику полетами. «Что за танцы на занятиях?» строго спросил начальник, «здесь, что танцевальная площадка?». Отделение стояло, вытянувшись перед майором по стойке Смирно и молчало, только глаза грузина продолжали выражать не просто

радость, а победу всего грузинского народа над непонятной и не изученной пока еще, техникой. «Молодцом! Все отлетали на хорошо, хотя пока и есть маленькие ошибки, но ничего, теперь Вы их быстро отшлифуете. Можете вести отделение в расположение, сержант Стрельников» сказал начальник и развернувшись пошел обратно на КП к вышке, так как полеты еще не закончились. Николай построил своих подчиненных и повел в расположение. «Вано, дорогой, а что такое этот мандарин?» не унимался Василий. «Это надо поесть, а потом говорить об этом, он такой оранжевый, в шкурке, а в середине только сладкий сок». «Я не пойму, а на что он вкусом похож? на клубнику? землянику? клюкву? Или голубику?» и Вася перечислил все, что растет в его Белоруссии. «Нет, дорогой Васса, это как все что ты только что назвал, вкус вместе взятых». Оставшуюся часть пути шли молча и каждый думал, что же это за вкус такой в этом мандарине.

На день Красной Армии для Вано пришла очередная посылка. К тому времени отделение заметно сдружилось и проводили все свободное время вместе. Посылку пошли получать вдвоем с Василием. Когда курсанты пришли с почты в училище, все отделение сидело на иглоках с вопросом «Пришел ли мандарин?». Вано взял нож и стал открывать фанерную крышку посылки поддевая и вытаскивая гвоздики с ящика. С посылки шел сладко—тяжелый ароматный запах. Открыли ящик и под грузинской газетой лежали круглые, оранжево—зеленоватые, величиной с большое куриное яйцо, долгожданно – непонятные фрукты. Вано высыпал весь ящик на кровать и посчитал, было 50шт штук. Всем досталось по 4тыре мандарина, остальные 26ть распределили раздать детям руководства училища. Вася, впервые держал в руках, как и все его остальные товарищи, настоящий мандарин, о существовании которого даже и не слышал. Все, глядя на Вано, стали чистить свой фрукт, аккуратно снимая корочку, ломая на дольки и клали себе в рот. Что это было! Спокойно к мандарину отнесся лишь один Одессит Моня Зацепфлер: «Ви знаете, что есть ни только мандарин, але и апельсин, только вон правда чуток да по крупнее буде, а еще я Вам должен сказать, что есть и такая фрукта, как лимон, такто вообще погибель, оно кислый як недоспелая Антоновка писля дождя, его только до чая и можна кушать, Вано скажи, что Моня говорит брехню и я пойду и утоплюся в уборной» закончил он свое выступление. Вано улыбался, ему стало интересно, как это можно там утопиться, там же дырочки маленькие, но объявлять не стал и подтвердил все, что только что рассказал Моня. «Ну лимон и я раз пробовал, правда очень кислый, а вот с солью под коньяк еще и как хорош» – неожиданно для себя самого выдал Николай. «Не уразумел я тута чево то, так ты, командир и коньяку уже пробывал?» не унимался Моня. «Да, Моисей, было один раз дело», но рассказывать не стал потому, что могли подумать, что он случайный в училище или того больше по благу. «А я тики брагу все життя и пыв» сказал Вася, ошкуривая второй мандарин. «у нас вода дуже погано пахне болотою и дають ее только скотине, да и то, когда два дни постоить».

На торжественном вечере, посвященном 17й годовщине образования Красной Армии Заместителю командира 1го взвода и командиру 1го отделения, курсантов пилотов—штурманов Николаю Стрельникову вручили погоны сержанта за высокие показатели в учебе и воспитании подчиненных. Во время вручения, после рукопожатия начальника курса и отдания воинской чести, Николай уловил насмешливый взгляд в свой адрес со стороны капитана НКВД Громова. Коля понял, что он попал на крючок.

Пришла весна и опять распутица, опять полеты были отменены на не определенное время и курсанты в основном занимались в спортивном зале самоподготовкой. К этому времени уже все курсанты выполнили первый 10ти часовой налет по времени. На занятиях появилась новая тема – бомбометание и начали выпускать новый советский тяжелый бомбардировщик ТБ-3, который на схемах уже пришел в училище. Там уже четко было прописано место штурмана в кабине с пилотом.

В стране в это время шла большая коллективизация, появилась злая шутка, за которую многие уже пострадали: «Колхоз – дело добровольное, не хочешь попробуй не вступи.» Шли эшелоны за эшелонами раскулаченных крестьян вместе с семьями на север нашей страны. Курсанты узнавали это со скудных писем отца Семена машиниста паровоза Семена Семеновича Иванова. Письма приходили очень редко, но со всей страны, то с Омска, то с Урала, а то и с Забайкалья, где выдавалась минутка написать любимому сыну весточку. В газетах писали о саботажах этими людьми программы партии о полной коллективизации страны советов, о каких-то Троцкистских движениях, о размахах строек в нашей огромной стране победившего социализма. В политику мы только играли на полит занятиях, которые проводились два раза в неделю партторгом училища и одним назначенным из числа курсантов. Мы в этот день серьезно переворачивали целые кипы газет, что бы правильно отразить нашу действительность во время рассказа и можно было бы ответить на поставленные с аудитории вопросы. Полит занятия проходили бурно, мы осуждали всех наших внешних и внутренних врагов и не понимали, почему фашизм шествует по Европе, а с нами учат их пилотов? но такие вопросы не звучали. На такие занятия стал практически регулярно захаживать капитан НКВД Громов, который только молча сидел где-то в конце аудитории и что-то записывал в свою коричневую тетрадку в переплете красными нитками. К концу учебного года немецких курсантов вывезли, а нам объявили кто и где будет проходить практику в течении полгода, потом гос экзамены и первый выпуск лейтенантов. Отделение сержанта Николая Стрельникова в полном составе попало в недавно сформированную летную часть 243го авиаполка под городом Орел. Часть проходила период перевооружения и сюда поставлялись новенькие тяжелые бомбардировщики ТБ-3.

«Вы только посмотрите, сколько больших и новых самолетов стоит на летном поле, товарищи Вы мои дорогие!!!» не скрывая эмоций радостно вопил Семен. «Всем достанется, наши места в каждом самолете есть!! Мы первые штурманы Советской авиации!» не унимался Сеня. На летном поле, прикрытые брезентом и маскировочными сетями, стояло десятков новеньких самолетов, которые видели только на рисунках и схемах. Теперь эти серо—зеленые гиганты можно было даже потрогать, погладить шершавые шасси, заглянуть в пулеметную кабинку стрелка и оценить мощь, нашу мощь, всей непобедимой от тайги до британских морей, Красной Армии. Командовал полком комбриг Севаш Радмирович Пташинский польский еврей, отличившийся в годы гражданской войны своими бомбардировками беляков в знаменитой Чапаевской дивизии. Командование Красной Армии выделило Чапаеву несколько бипланов для ведения разведки и доставки почты, а Пташинский придумал устройства, с помощью которых подвешивал по две бомбы и во время атаки беляков, бомбил их ряды, тем самым наводя ужас на в основном крестьянскую армию. Теперь вот ему, практически самому первому и выделило правительство и новые самолеты и первых штурманов к ним. Осталось только укомплектовать самолеты летчиками и стрелками.

«Внимание! Становись! Смирно!» подал команду своему отделению Николай. «Товарищ комбриг, отделение курсантов штурманов с Харьковского авиационного училища прибыло для прохождения практики и построено, командир отделения сержант Стрельников» – четко доложил подошедшему комбригу, Николай. Севаш Радмирович отдал честь строю курсантов и за руку, как со старым знакомым поздоровался с сержантом. Ему сразу приглянулся этот серьезный молодой человек и еще ему сразу приглянулся Моня Зацепфлер – ведь он то свой. «Что, молодцы, полетаем?» – прищурился и покручивая чапаевские усы, спросил начальник. Строй заволновался, но после резкого окрика сержанта, опять замер по команде смирно. Это опять понравилось комбригу, он уже понял, что перед ним не группа не известных бойцов, а воинское подразделение, четко выполняющее команды командиров. «Сегодня, сержант, разрешаю всему отделению выходной день, то есть помойтесь в бане с дороги, поселитесь в общении ком состава, поставьте всех на полное летное довольствие включая заработанную плату по штатному расписанию штурмана, пойдите хорошо покушайте, а то и в самолет не влезете

от слабости, познакомьтесь с летчиками, а завтра распределим всех по машинам. Если вопросов нет, а их и не должно возникать, всем разойтись» и отдав честь строю модно крутнулся с прищелком на своих хромовых, блестящих как зеркало, сапогах удалился по своим делам. «Не совсем я уразумел пока что этого фигуру, парни» пробурчал Моня. «Он уроде бы и нашенский, и какой-то гордый» попробовал крутнуться с прищелком Моня на своих брезентовых, «Ну да лады, сразу не поймешь ведь» и построившись все пошли в общежитие искать коменданта.

Офицерское гарнизонное общежитие было одноэтажным старым зданием, но с удобствами внутри. Некоторые вновь прибывшие впервые в жизни увидели ванну и душ в помещении, а также теплый туалет, обложенный тонким камнем до середины, а выше окрашенный в голубую краску. Кабинет и каптерка находились в конце коридора по которому насчитали 26ть комнат. Комендантом оказался седой мужчина с четырьмя треугольниками в голубых петлицах. Старшина. Это слово в обычной армии наводит страх на молодых и не опытных солдат, но здесь видно все было по-другому. Солдатская казарма стояла чуть дальше в начале плаца и по-видимому он туда не касался. «Аааа, прибыли летчики налетчики, штурманы пилоты, никакой от вас работы» пропел седой и улыбнулся. «Сержант иди-ка сюда и садись за список, я выдаю, ты пишешь, понял?», «так точно» – по уставу ответил Коля. «Да ты не точнай, тут тебе не армия, ты же почти офицер». – и дружески похлопал сержанта по плечу, «Меня зовут просто Гаврилович, можно без имени, я его и сам уже не помню» продолжал улыбаться во весь белый от красивых и здоровых зубов рот, старшина. В течении часа все получили все положенное и поселились в комнату на шесть мест, специально приготовленную к их приезду в часть. В комнате стояло два шифоньера для одежды и три двухэтажные кровати с тремя тумбочками для собственных нужд. У окна стол и два табурета. Рядом с дверью полка для обуви. Николай выбрал себе нижнюю у окна кровать на правах командира, а остальные разыграл на спичках, чтобы без обид. По иронии судьбы, Вася занял верхнюю над сержантом койку. Баня была общей и топили ее солдаты дровами. Напарившись и вымывши всю двухдневную дорожную пыль и пот, команда отправилась в столовую. Обед у солдат давно прошел, а офицеры шли кушать по своему расписанию. У многих были полеты, кто-то обслуживал это мероприятие и так далее. За столом садилось четыре человека и что бы не мешать сели за два стола по три. Официантка, довольно привлекательная блондинка, принесла меню, как в ресторане и предложила закуски. Все заказали комплексный обед. Обеднице!!! На столе появилась супница с разводягой внутри. Насыпают тут каждый себе сам сколько надо. На первое была уха с большими кусками рыбы, наваристая, пахнущая зеленью и очень вкусная. На второе подали жаркое и салат с кабачков с помидорами, на третье компот с булками и по шоколадке, и по 100 грамм сухого вина. Курсанты переглянулись, ища подвоха в этом, но все за столами кушали и пили, и никто не обращал на них внимания. Офицеров летунов было много. Ребята поглядели на своего сержанта, подняли стаканы и Ваню произнес: «Пуст этот красивый город с таким же названием Орел поможет и нам стать орламы авиации. Ура!» и выпил. Все дружно выпили за ним. С уютной столовой не охота было и выходить, курсанты смотрели на девушек из обслуживания и о чем-то просто мечтали. Это была их юность.

После такого, давно забытого на вкус, обеда все пошли в канцелярию становиться на полный учет. В штабе стоял часовой на «тумбочке», который поинтересовался куда мы идем. Сержант доложил солдату все по форме и он, указав нам дорогу, стал заполнять свою книгу прибывших. В канцелярии сидела девушка. Нельзя было сказать, что она красавица, ее портили ее веснушки на чуть курносом лице, ее черные как смола, курчавые волосы, были туго собраны в дульку на голове, но глаза! ее глаза были такими глубокими и такими не естественно голубыми, что нельзя было без боли в них глядеть. Взгляды Николая и девушки на мгновение встретились, и сержант стал краснеть, по всему телу пробежала не большая дрожь, он потерял дар речи. «Здравствуйте товарищи курсанты» – как-то совсем по-домашнему, ласково, произнесла девушка за стойкой. «Вы из Харькова к нам прибыли? Никогда не была в столице Укра-

ины, а так хочу поехать. Вообще я люблю поездки по местам, где еще не была.» проговорила девушка, доставая карточки учета и журнал к ним. «Я Вам сейчас раздам учетные карточки, а Вы их аккуратно заполните пожалуйста» и она во второй раз взглянула на Николая, но уже как-то оценивающе. Сержант взял у девушки бумаги и раздавая между курсантами тихо спросил, при этом опустив глаза: «Скажите пожалуйста, а к Вам как можно обращаться?». «Мое имя Роза» – опять чуть смутившись ответила девушка, «Вах, вах, вах, самое красивое имя у тебя, красавица» начал было Ваню свою грузинскую песню, но уловив на себе резкий взгляд сержанта тут же принялся сопеть, заполняя формуляр. «Роза имя не совсем русское» вставил свои пять копеек в разговор Моисей, «Вот у нас в Одессе», но то же осекся, не рассказав, что же там у них в его Одессе, так же почувствовав на себе холодный взгляд командира. «И что там у Вас в Одессе, молодой человек?» не поднимая головы от заполняемого журнала, поддержала разговор Роза. «Да так потом как ни будь расскажу» пообещал Моня.

Ставка штурмана оказалась довольно высокой и даже с учетом вычетов за питание и проживание, сумма остатка ох как приличная. Коля сразу вспомнил все свои случайные заработки в голодные годы, и профессия ему еще больше стала нравиться, хотя все еще было впереди. Питание было конечно дорогое, готовить на дому было бы дешевле в разы, но об этом никто не думал, потому что не надо было думать иди и кушай что хочешь, а бухгалтер сам высчитывает из заработка все. Вино входило в питание, но деньги за положенные летные 100грамм не высчитывали, а вот если хочешь еще выпить надо было брать разрешение и плати за свои. Получив денежные и продовольственные аттестаты, курсанты сдали все в бухгалтерию и пошли на склад получать летную форму. За тем, переодевшись в трико, отправились на спортивный городок части где сразу отличился наш Конник – Коля Кожемяко.

На спортивном городке было довольно много народа, сюда ходили офицеры, поддерживать свою летную форму, сюда водили солдат на положенные занятия спортом, тут были и дети офицеров и просто солдаты, не заступившие в наряды. На длинном турнике работали одновременно до 20ти человек. Уже не молодой капитан с шикарными, даже лучше, чем у комбрига, усами, легко делал выход силой и подъем переворотом. Конник повис рядом и стал просто четко дублировать его упражнения. Заметив это, капитан усложнил свои упражнения, он стал отжиматься задним жимом, то есть спиной к трубе и опускался до пояса и подтягивался опять и все это, не ступая на землю. Кожемяка четко стал дублировать и это упражнение, которое в части, как потом стало известно, никто кроме этого капитана не делал. Капитан еще усложнил упражнение и выполнил солнышко с со скоком, Конник не стал себя долго просить и стал просто крутить солнышко без со скока, пока не надоест и крутанул его с десяток раз подряд. Капитан понял, что проиграл, подошел к спрыгнувшему Николаю, протянул руку и представился: «Заместитель командира бригады по политике и воспитательной работе с личным составом капитан Стадник Алексей Иванович». «Курсант Кожемяко товарищ капитан» – четко отчеканил Николай. «Да не переживай ты так, как тебя зовут? мы же не на службе, и не курсанты Вы уже, а проходящие практику летчики—штурманы первого выпуска». Стадник убрал руку от смутившегося парня: «Ладно привыкай, завтра распределение заберу тебя к себе в машину» и похлопав парня по плечу спокойно зашагал в своем направлении. На это представление смотрели больше полусотни глаз. «Да, парень, нашему Стаднику ох как тяжело понравиться, но, по-моему, ты его срубил если он сам такое сказал» тихо, почти на ухо Кожемяке проговорил смотревший соревнование, старший лейтенант в кителе без поясного ремня и с орденом Красного Знамени на левой груди. «Я ни колы так не навчуся делати» высказался Василий Пуляк, «А як бы тяби сказав бы хтось, що или сможеш так крутить, или лети те к себе у Беларуси и там пей свою брагу и закушуй ее клубничкою» не удержался от возможности подколоть друга, Мойша. «Тоди бы смог?». «Не, а не смог бы и тотьти» не обратив на сарказм друга никакого внимания, ответил Вася. «Вах, вах, вах, а я буду долго делать так, как Кооля и буду делати» очень серьезно сказал свое слово грузин. Немного позанимавшись группа отпра-

вилась в общежитие отдохнуть перед ужином. Николай все это время думал о Розе. Первый раз в жизни он почувствовал какое-то влечение к противоположному полу или проще сказать его к ней тянуло. Сержант вспоминал конопатый и от того еще больше красивый носик, чуть приподнятый и очень смешной, ее голос, Коля, никогда не слышавший голоса мамы, был уверен, что таким он и должен был быть. И самое главное ее голубые глаза, голубые, как небесная даль, в которую молодой летчик был без умно влюблен. В общежитии все пошли в комнату, а Николай подошел к старшине и немного помолчав, спросил: «Гаврилович, скажите пожалуйста, а кто эта девушка в канцелярии, Роза?». «Хм... Что Розочка наша понравилась?» очень серьезно спросил старшина, глядя прямо в глаза Николаю, вижу, вижу, что да, это нормально, она у нас в части одна такая.» «Какая такая?» еще тише спросил парень. «Хм... да красавица она у нас, вот я и говорю» отмахнулся старшина. «Гаврилович, Вы не ответили на мой вопрос», «Придет время сам и ответишь на него» хмыкнул без обиды старшина и ушел в глубь каптерки, давая понять, что разговор закончен. Не получив ответа, но еще больше закрутив интригу, Коля прилег на свою кровать и стал думать. Над головой храпел Вася, просунув свои лапы в промежутки между прутьями кровати. Рядом лежал Семен с редкой фамилией Иванов и писал ответ на письмо отца. В это время он не любил вопросов и психовал, если его сбивали с мыслей. Моня с Ваню резались в шашки игра называлась в Чапаева, и от хохота не поймешь кто выиграл, а кто наоборот. Коля Кожемяко лежал на спине, на своей второй полке кровати и о чем-то думал. Но приключения на первый день еще не закончились. Неожиданно, без стука открылась входная дверь и вошел сам комбриг Пташинский Севаш Радмирович. Все кроме Васи, вскочили со своих мест и построились. Наступила тишина, если не считать Васиного храпа. «Кто из Вас Кожемяко?» жестко спросил начальник. Все замерли. «Я Кожемяко» ответил Коля, «Твоего батьку как кличать не Станислав Кузьмич?» «Так точно, а что с ним, что-то случилось?» заволновался Конник. «А меня ты не помнишь совсем? А Розку мою? Вы же в детстве вместе играли в тачанке, помнишь?». «Ваших мамок одним снарядами тогда накрыло, и мы с твоим батькой мытарилась с вами по частям, ох и рубака твой татко скажу я тебе прямо, а вот теперь и сынок его у меня служит, честно скажу хотел я Моню взять в экипаж, но он меня простит возьму только тебя к себе штурманом, да сядьте Вы мы же не на службе, привыкайте, Вы же офицеры без пяти минут, а у летчиков, как и у кавалеристов есть свое братство, в которое Вам и придется скоро вступить.» «Так Роза – это Ваша дочь?» выдал из себя сержант, «Да да наша, а чья же еще, ха ха ха» засмеялся Пташинский. «Добро еще увидимся, я пошел» и он так же быстро, как и пришел, исчез за дверью. Это был крутой поворот вернее пике. Ухаживать за дочерью командира строевой части???

Ужин был не менее шикарен и вкусен, только без вина. Когда пришли в общежитие и разлеглись по своим кроватям Николай спросил: «Теска, так мы при тебе за все это время учебы так ничего и не узнали, а оказывается ты, как и я без мамки рос, а я потом и без отца сирота я. Сказал бы чего» «Да что говорить то, мало чего помню, вот его вообще не помню, а отец так больше и не женился мы с ним вдвоем по частям мотались, солдаты за мной ухаживали и в бою на границе с Финнами я пацаном был пару раз в 27м году. Батя тогда там недалеко служил и на эту провокацию его вызывали он там нарубал их и Кронштадт батя умирал в марте 1921года и там меня чуть не убила матросня» начал было и сразу замолчал наш Конник. «Потом как ни будь расскажу» – помолчав, заверил он друзей. «Скажи пожалуйста мне вот что, а Розу ты хоть помнишь? вчера видел и не вспомнил совсем?» – тихо так спросил у тески сержант, «Да нет же я Вам всем толкую, никого я толком не помню». «Я и мамку то совсем не помню, когда ее разбомбило мне и года еще не было» – закончил он свой ответ и теперь уже замолчал, думая что-то свое. «А вот как на мене, то была у меня тожеть Роза у Одессе.» – но Николай уже не слышал Мониного диалога о любви, он думал только о девушке. И чем больше он думал, то больше боялся какого-то непонятного чувства страха и неподдельной нежности к этому человеку. Пташинские жили в домах офицерского состава (ДОСах), которые находились

здесь же в части, только в конце у самого спортивного городка. Там же была и первоначальная школа трехлетка и не большой детский садик. Детей было много и командование части честно помогало своим служащим. Коля решил во что бы то ни стало поближе поговорить с девушкой, он утром одел свое старенькое выцветшее после частых стирок, трико с оттянутыми коленками на штанах, тапочки друга Моисея, своих кед еще не приобрел, и побежал, с надеждой хотя бы из дали увидеть Розу. Дорожка для бега проходила не далеко от подъезда Розы и Николай, глядя на выходящих с него, не заметил камень, споткнулся и с разбегу врезался в большую акацию. Послышался смех пробегающих мимо солдат. От боли подкосились коленки, и Николай присел у только что тараненного им дерева. «Что с Вами случилось? Вам помощь не нужна? может позвать санитара с сан части?» тараторил чей-то детский голосок. Николай открыл глаза и онемел, это была она, она, та ради которой он сюда и прибежал, мечтающая просто ее, самую красивую и желанную на всем белом свете, только увидеть с далека, а тут она ему что-то говорит. Их глаза встретились всего лишь на мгновение и тут же опустились. У Николая зарделись уши, и верхняя губа противно дрожала, у Розы зарумянились веснушчатые щеки. «Ну как Вы?» только и смогла произнести девушка. «Я не знаю, я так хотел, я думал, я так думал, я просто.» – заклинило полностью парня и вдруг они как по команде, дружно рассмеялись. Роза подала руку юноше и помогла подняться. Голова противно болела, а руку не хотелось отпускать со своих рук, и девушка не стремилась ее убрать. Так и стояли, держась за руки какое-то время. «Роза! Роза!» позвала девушку какая-то женщина с окна второго этажа: «Иди завтракать, на работу скоро». «Это наша повариха и моя так называемая няня с детства» пояснила парню Роза и выдернув легонько руку побежала к дому. Николай стоя провожал ее милый стан, взглядом. У подъезда девушка оглянулась и помахав ему рукой исчезла так же быстро, как и появилась.

Построение всего личного состава части для развода на учебу и службу начинался ежедневно в 9ть утра. Вся часть, кроме караула и наряда, выстраивалась на большом плацу перед солдатскими казармами и слушала выступления замов комбрига и его самого. Затем все проходили строевым маршем перед трибуной по местам службы, учебы или будущего наряда. Так было всегда, так и будет всегда, пока существует армия. Курсантам отвели место в общем строю в самом конце после роты снабжения и управления. Заместитель по боевой представил части будущих офицеров штурманов первого выпуска и прочитал распределение каждого по боевым машинам. Прогноз Пташинского не получился. Ни Кожемяко, ни Моня Зацепфлер ему не достались, а по какой-то иронии судьбы в боевую машину комбрига части назначили штурманом именно его – сержанта Николая Стрельникова на всю практику. Кожемяко, как ему и обещалось, попал к такому же молчуну заместителю Стаднику Алексею Ивановичу – видно гол на брусках забил ему парень серьезный, Моисей Зацепфлер, Вася Пуляк, Семен Иванов и Ваню Шенгелия были распределены по самолетам к опытным офицерам летчикам. Назначили и сроки первых полетов на новых машинах. Пока молодые штурманы знакомились с борт механиками, главными людьми в авиации, которые не летают, а отвечают за полет больше, чем сами летчики. Познакомились и с двумя пулеметчиками – стрелками и радистом это был сержантский состав. Сами крылатые кони стояли практически зачехленные на поле и охранялись кругло суточной сменой солдат в карауле. Без личного разрешения Пташинского к ним никто и не когда не подходил. Секрет еще не был снят. Это были наши первые, новейшие тяжелые бомбардировщики.

Вечером после службы, Николай отправился по знакомому маршруту в надежде встретиться с девушкой вновь. Сердце билось как с ума сошедшее, он шел быстрым, шагом не замечая ничего и никого вокруг себя, он шел на свое первое в жизни свидание, которое не назначал, но что-то ему подсказывало, что идти надо. Вот и дорожка для бега, вот и злополучная акация, вот и дом с подъездом и выкрашенное голубой краской окно на втором этаже. Николай прислонился спиной к дереву и стал ждать. «Сержант, сержант, подойдите ко мне пожалуйста» –

услышал он голос. Повернувшись парень увидел идущего по дорожке командира бригады, без головного убора, свою форменную фуражку он держал под мышкой. «За тобой и не угнаться вовсе, куда ты так спешишь? я вот тебя заметил, думаю дай поговорю не на службе с моим штурманом. Я прочитал твое личное дело Коля, тяжело ты рос и жил мальцом.» Слово Коля, произнесенное командиром, прозвучало как-то по-отечески. «Знаешь, что, а пойдем как к нам, чаю поьем, я тебя с дочерью своей познакомлю» и взяв парня под локоть Севаш Радмирович повел парня к подъезду. Такого разворота событий никто не ожидал. Видно помогало само провидение. Дверь открыла та же женщина, что давеча звала Розу домой. «Ой, ой, да у нас гости, что же это Вы Севаш Радмирович не предупредили то меня, я бы к пирогу еще что ни будь приготовила» без остановки тараторила женщина. «Ладно тебе, Софьюшка, я и сам его только что встретил, стоит себе под акацией, как будто чего ожидает, а тут и я, как на грех. Ведь это тепереча мой главный партнер в новом самолете, штурман мой, всю навигацию, все дороги будет прокладывать, а я только лететь и бомбить», как-то не по форме рассказал комбриг своей Софье. «Да уж лучше и не бомбить никого» вытирая руки о фартук только и ответила она, уходя на кухню. «Проходи в столовую, я скоро» сказал комбриг и удалился в кабинет. Николай чувствовал себя не совсем ловко, войдя в столовую он оценил прекрасную белую мебель – большой стол и восемь стульев вокруг. Диван кремового цвета был застелен небольшой ковровой дорожкой, на тумбочке с пластинками стоял патефон, рядом большое, видно, что удобное, кресло и маленький журнальный столик, на котором лежали не газеты, а колода обычных игральные карты. Николай стал у окна и уставился на улицу. От неожиданного прикосновения он вздрогнул. Роза тихо вошла и коснулась его плеча своей рукой. «Что же Вы такой пугливый, Коля?» тихо спросила она. И опять это Коля, только уже с уст человека, к которому он готов был не бежать, а лететь, только она позови. «Вы так тихо вошли, а я вот опять, снова, вот я, короче я пришел к Вам» выдавил из себя Николай и покраснел. «Что, молодежь, уже познакомились? Софочка, где там наш пирог? Все хотят есть» вошел в столовую хозяин квартиры неся в руках бутылку Абрау–Дюрсо «Черный Доктор». «Бегу, лечу, одну минутку, мои хорошие» опять послышался таратор Софьи. «Вот, моя любимая дочь, познакомься, это Николай или просто дома Коля, мой первый штурман. Прошу любить и жаловать». «Ну так уж сразу и любить?» лукавила девушка. «Время покажет, а пока пошли кушать» отозвался отец на вопрос своей красавицы. Николай сразу же понял, что отказываться в данной ситуации просто нельзя и покорно пошел за стол. Они сидели вместе и ее локоть иногда касался руки Николая, тело при этом прикосновении только играло мелкой, противной дрожью, выдавая или вернее не скрывая чувств. За ужином комбриг очень много рассказывал о новых самолетах, которые они вот-вот начнут эксплуатировать в небе, задавал много вопросов и получая однозначные, умные ответы все больше привыкал к парню и к своему выбору. «Николай, так ты еще к тому, что летную школу до училища закончить успел, ты еще и электрический механик оказывается?» задал вопрос парню комбриг. «Да, я ведь в шахте поработал и меня, как комсомольского руководителя направили на учебу в ФЗО города Луганска, а там была летная школа, я очень сильно мечтал, вот и вышло так» совсем покраснев скромно ответил Николай. Эту красноту его ушей заметил не только командир, но и девушка. Ей нравился этот серьезный, статный, скромный парень с непонятного Донбасса и чувствовала, что чувство это взаимное. Бутылка сладкого, тягучего краснодарского вина быстро опустела, вкусный капустный пирог съеден, чай с лимоном выпит и молодой человек стал прощаться чтобы уйти. «Да время то еще детское, только около 21го часа, до выхода патруля по территории военного городка еще почти два часа, так пошли бы с Розой немного погуляли перед сном, а то она все время сидит дома, то некуда ходить, да и не с кем» вдруг смутив всех присутствующих нежно сказала Софья. «Ты ведь не будешь возражать Севаш Радмирович, а?» и повернулась к нему лицом. «Конечно же я не против, только не выходите за территорию пожалуйста» с хитрой улыбкой произнес он и встав из-за стола вышел в свой кабинет.

На улице было свежо и хорошо. Роза крепко взяла в свою ладошку ладонь Николая и как маленького повела по дорожке к небольшому скверу, где гуляли с колясками молодые мамы, жены летного состава части. Роза всех знала по именам и со всеми здоровалась. На молодую пару сразу же обратили внимание и провожали любопытными взглядами. Коля шел рядом с Розой, нежно держал ее за руку и был на седьмом небе от счастья. Еще сегодня утром он только хотел еще раз на нее взглянуть, а тут и случайная встреча, и не совсем понятное назначение в экипаж комбрига и вечернее чаепитие у самого комбрига в квартире и вот теперь прогулка с той девушкой, о которой утром еще и мечтать то не имел права. «Как ты себя чувствуешь после утреннего тарана акации?» с улыбкой спросила у парня Роза. «Хорошо, я не после акации, а после сильно быстрого развития событий себя чувствую немного не удобно» честно признался Коля. «Ох ты Коля Николай, сиди дома не гуляй» пропела девушка веселый куплет песни и остановившись около большого куста сирени, заглянула парню в глаза. «А Я тебе нравлюсь?» и по веснушчатому лицу пробежал еле уловимый румянец. «Да или нет?», «Что молчишь?» не унималась она. Коля опустил голову и присел на спиленную колоду дерева тут же у куста. Рядом присела и девушка. В горле все пересохло, он держал за руку своего самого милого в мире человека и не мог прямо ответить. Молчание затянулось. «Коля, а расскажи мне о себе пожалуйста, ведь то, что я прочитала в личном деле это лишь сухая формалистика». Парень поглядел прямо в глаза девушке: «Ты читала мое дело? но зачем?». «Как только я тебя в первый раз увидела, со мной что-то такое произошло, я читала твою жизнь и плакала, мы с тобой очень похожи, только мой папа жив, а твой погиб в гражданскую. Ведь это я сделала так, что ты попал к моему отцу в экипаж, я уговорила Софью что бы она тонко намекнула отцу и он тебя сегодня пригласил к нам. Я увидела, как ты стоишь и ждешь меня под окнами и не выходила, потому что ждала прихода отца вместе с тобой. Вот тебе моя правда, теперь я хочу услышать твою.» она все время смотрела, не отрываясь в глаза парню. «Хорошо я тебе расскажу все, что ты только захочешь», но время бежало вперед желая. «Скажи, а ты целовал, когда ни будь девушек?» опустив взгляд спросила Роза. «Что ты у меня никого до тебя в жизни не было, я даже с парнями то мало дружил, а с девчатами то и вообще боялся, и не мог». Роза встала, не выпуская ладони с руки Николая: «что пошли по домам уже скоро патруль по гарнизону, и папа ругается за не соблюдение порядка». Коля встал, и молодая пара пошла назад к ДОСам, чтобы успеть в срок. Прощались не долго. Роза, подойдя к подъезду, вдруг повернулась и помахав рукой сказала: «Завтра вечером буду ждать у куста с сиренью» и скрылась за дверью. Он летел.....Он парил. Он был на такой высоте, что душа отрывалась от тела и ей хотелось просто петь и петь... Он был счастлив первый раз в жизни... Он ЛЮБИЛ....

В общежитии все уже начали укладываться спать. Раздевшись и взяв с собой мыльно—рыльные принадлежности Коля ушел в ванную комнату. Вернувшись он заметил на себе пять пар удивленно вопросительных глаз своих товарищей. Первым не выдержал Моня, да и не удивительно, когда же евреи могли что-то выдержать? им информация мозг ест. «Что тут ми видим в нашем гарнизоне проихсодять переменки что ли? Или нам тикы кажется усе? Ми тут усе глаза висмотрели туды, где ты ходил сейчас. Нам ведь тожеть интэрэс есть куды командование наше пропало?». «Вах Вах» подорвался Ваню, «Зачем так дэлаеш, никто не думал за тебя, командыр, нам вэдь учытса надо, а ты к свадьбе готовишь?», третим свой пятак всунул Вася Пуляк: «А чо девка справна, батька главный, так и задвиня на нас все и будя тута житти, чо мы йому сдалыся.». Семен и Николай молчали и в повестке дня вернее вечера участия старались не принимать, но молчание всегда знак согласия. «Ребята, да нравится она мне, первый раз в жизни понравилась девушка, как только я ее увидел, ну что же мне делать, я ее люблю» оборвал дальнейшее обсуждение своей кандидатуры сержант. Все молчали. «Правильно Коля» вдруг первый раз назвал командира по имени Николай Кожемяка. «Не обращай ни на кого внимания, судить тебя никто не имеет права. Любишь и добивайся своего. Молодец. И вообще

еще раз услышу от кого-то хоть шепот обсуждения командира, набыю нос.» сказал, как отрезал Николай и никто не посмел что то сказать, ибо знали молчун конник не шутит. Но ни завтра, ни после завтра, ни всю последующую неделю увидеть свою Розу Николай не смог. Начали усиленно осваивать новую технику, на аэродроме установили жилые палатки и полевую кухню не только для штурманов, а и для всего летного состава, перевели всех на казарменное положение и началась учеба. Новенькие ТБЗ расчехлили и выгнали на летное поле. Вновь созданные экипажи с начало учились занимать свои места в машине, изучали новые навигационные приборы и приборы управления полетом. Стрелки осваивали свои кабины для ведения огня по самолетам противника. Экипаж состоял из шести человек – два пилота, штурман—это офицеры и два стрелка и радист—стрелок – это сержантский состав. Самолеты были укомплектованы новенькими английскими радиостанциями и внутренней связью между всеми членами экипажа. Кресло, вернее крутящаяся скамейка с небольшой спинкой, штурмана находилось за спиной первого летчика, на новых приборах навигации еще в смазке, Николай пытался разобрать иностранные буквы, чтобы затем перевести точно текст, но в принципе они все были одинаковы с теми, по которым их учили, только немного усовершенствованы. Новенькие шлемофоны с наушниками, теплые лайковые коричневые куртки и штаны и самое главное это унты и меховые перчатки, не рукавицы, а именно перчатки с мягкими, хорошо гнущимися пальцами. Коля представлял себя летящим на боевое задание и именно от него будет зависеть весь полет. Он с пристрастием изучал полетные карты и вечерами в палатке устраивал экзамены своим подчиненным по знанию навигации. Учеба шла, уже были назначены первые пробные полеты. Дело в том, что несколько самолетов ТБЗ, поступивших на вооружение в часть, были с подвеской, на которую подвешивались два самолета И15 или И16ть, а уж на них вешались бомбы. И получалось, что после отцепки «ишачки» с высоты 4000 метров, не тратя своего топлива на подлет, штурмовали позиции противника и улетали, прикрывая от истребителей и тяжелые бомбардировщики. На такой самолет попал служить с команды Николая только Коля Кожемяко с командиром Стадником А. И., остальные просто бомбардировщики.

И вот наступил тот первый, долгожданный, вымученный месяцами тренировок и занятий, самый главный день любого летчика, день полетов. С самого утра настроение у всех было повышенное, каждый ощущал себя героем дня. Утро выдалось как по заказу тихое и безветренное. Летнее небо при восходящем солнце искрилось. На нем не было не то что тучки, даже маленького облачка. В небе пел жаворонок, зовя свою подругу оторваться от птенцов и взлететь хоть на мгновение в эту пьянящую, никем не изученную, голубую высь. После плотного завтрака у полевой кухни и построения на краю взлетного поля были назначены первые полеты. Комбриг сегодня не взлетал, он руководил полетом своих замов со своими экипажами. К самолетам допустили первый экипаж капитана Стадника. Николай завидовал своему тезке, что именно он первым из всей группы штурманов поднимется в небо. Но в армии не рассуждают, придет и его время. Механики не отходили от самолета ни на минуту, все что-то там протирали и высматривали, складывалось впечатление, что они этого никогда до первого полета не выполняли и сейчас стараются наверстать упущенное. Все заняли свои места и механики закрыли стеклянные кабины пилотов лишь только кабины стрелков не закрывались, и они уже крутили турели своих монстров—пулеметов в разные стороны. На сигнальной вышке подняли флаг, разрешающий взлет и хотя в самолетах и были радио станции их пока только пробовали в первый раз, поэтому и пользовались по старинке флажками. Заработали сначала два ближних к фюзеляжу двигателя, за тем закрутились пропеллеры и двух дальних моторов. Звук заглушал слышимость даже на расстоянии, вот моторы набрали полную нагрузку и машина, спокойно вырулив на взлетную полосу начала разбег. В положенном месте произошел плавный отрыв от земли и бомбардировщик начал набирать высоту по большому кругу вокруг аэродрома. Полетное время после набора 2000метров составило для первого раза всего 30минут и посадка. Затем сегодня еще 4ре взлета и посадки для других машин, и экипажей. Николай

лег у края поля в траву и стал жадно наблюдать за первым полетом новой машины. Это было чудо. Он помнил, как первый раз летал на немецком биплане, затем первый раз на любимом У2 утенке, и вот теперь только завтра на настоящем монстре, тяжелом боге войны – бомбардировщике ТБЗ. Тем временем самолет Стадника и Кожемяко уже выполнил первый круг и покачивая крыльями заходил на второй заход. Пол часа пролетело, как мгновение и ТБЗ нежно так коснулся колесами земли, пробежал необходимое расстояние и развернувшись у кромки поля остановился. Его моторы еще немного пошумели и стали, наступила тишина. К самолету уже во всю бежали механики, чтобы открыть колпаки и выпустить летчиков на простор. Поднесли лестницы стремянки, и все пилоты спрыгнули на землю. «Товарищ командир бригады, полет на самолете ТБЗ успешно завершён, выполнено три полных круга над указанным квадратом, все агрегаты и приборы исправны и работают нормально, экипаж готов к выполнению боевых задач.» – гордо доложил капитан Стадник. Севан Радмирович принял рапорт и обнял боевого друга: «Ну как машина то, Леша? как ведет себя в управлении?». «Как во французском экипаже.» ответил Стадник и вместе дружно засмеялись, не обращая внимания на строй следующей смены. Пташинский вытер платком немного мокрые от счастья глаза и дал команду следующему экипажу занять свои места в своем самолете. Летали на уже своих закрепленных самолетах. Николай подбежал к вышедшему со строя Кожемяко и заглядывая в глаза спросил: «Как оно там было, Коля?». Кожемяко потер ладони одна о другую и гордо ответил: «Если бы сейчас в бой, ох и навалили бы мы неприятелю такими машинами, почти 2000 кг бомб берет». И сколько потом ему не задавали вопросов он только тихонько насвистывал новую мелодию «Если завтра война, если завтра в поход...». Так пролетел день первых пяти полетов. Получилось так, что все с Колиной команды отлетали кроме самого командира. Было немного обидно, но ожидание завтрашнего полета перебивало это чувство. Ваню писал письмо тете Манане на грузинском языке, Моня ходил и рассказывал всем о том, что ему показалось, что видел он самого Бога, только просил не рассказывать об этом замполиту. Вася и Сеня спорили о каком то, по их мнению, не правильно показывающем приборе высоты, ибо Пуляк каким то, ему только известным способом определил, что летали не на высоте 2000метров, а 3000. И только Николай, их первый командир, не о чем ни с кем не спорил. Он думал о Розе, как и когда произойдет встреча он не знал, но что она его ждет был уверен. Прибежал дневальный с КПП и спросил Николая Стрельникова. Сержант отозвался. «Там Вас на КПП ожидает старшина» доложил солдат и ретировался по своим делам. Коля прошел на КПП и увидел знакомое лицо Гавриловича. «Привет сержант, ничего не ждешь?» и ухмыльнулся себе в усы. «Вот на тебе почта пришла, прибежала Софья и попросила тебе отнесть» опять ухмыльнулся он. «Правда не сказала от кого, чистый конверт только твоя фамилия и написана» он протянул Николаю обычный конверт только тугой от наполнения и запечатанный. «Спасибо Вам, Гаврилович», «Да ладно чего уж нам старикам, сами небось когда-то были молодыми, помним» и еще раз хитро хмыкнув ушел. Конверт горел в руках парня, хотелось прямо здесь и сейчас его разорвать и прочитать. От нее..., от нее...стучало сердце.

«Ми так понимаем усе що летати Ви уже не так чтобы и хотите, Ваши глазики выдають нам усю прелесть Вашего положения. Или ми чего-то там не рассмотрели с высоты полету? Ви нам не хотите растолковать от кого сиротка получает такие вот толстые произведения?» и взглянув на Кожемяко, Моня вспомнил угрозу и не дав ему подняться с кровати объявил, что идет просвежить свои глаза. Этим он спас свой нос. Николай лег на кровать, до ужина еще уйма времени, он спокойно отрезал ножницами полоску с конверта и достал письмо. «Дорогой мой, Колюшка!» и у него заблестели глаза, он вытер их аккуратно, что бы не заметили товарищи, но было уже поздно: «Вах вах, ти чево плачешь, может что случилось у тэбэ дорогой? скажи мы все сделаем.» грузин стоял уже рядом. «Спасибо Вам друзья, это от счастья.», он продолжил читать: «Ты просто не представляешь, мой дорогой, как я скучаю без тебя, понимаю умом, что ты на службе и что так будет всегда, и что ты совсем рядом, но прийти тебе нельзя. Я буду

ждать столько, сколько надо. Я попросила Софью передать тебе мое письмо через пройдоху Гавриловича, он хороший и ухаживает за нашей Софьей. Как ты там, моя радость, когда же уже закончатся ваши полеты и мы опять будем вместе. Ходила на наше место встречи и знала, что ты в казарме, и все равно сердце так сильно билось. Я не знаю, что со мною происходит, это впервые. Я тебя сильно жду, но пожалуйста не вздумай уйти в самоволку, это только хуже, я дождусь тебя, мой Коленька.

Твоя Роза.» и еще листки со стихами Сергея Есенина. Николай много раз перечитывал и перечитывал дорогие сердцу строки. «Моя, она моя, моя и больше ни чья» билось кровью в висках.

И вот полеты, сегодня ими руководил капитан Стадник А. И. Наш ТБЗ стоял, как и вчера у кромки взлетного поля аэродрома, уже расчехленный и подготовленный механиками к своему первому полету с экипажем. Но чего-то все же не доставало. И тут Николай понял их экипаж на взлетной был один. Все построились в одну шеренгу, и командир машины объявил, что сегодня наша машина проделает 1000километровый испытательный полет с полной загрузкой в бомболюках, только вместо бомб будут ящики с песком, которыми мы и атакуем противника. Так вот в чем смысл полета с комбригом. «По машинам» – скомандовал командир, как будто мы поднимались всей эскадрильей сразу, а не одним самолетом. Механики установили стремянки и помогли каждому занять свое место в самолете. Закрыли фонари у летчиков и штурмана. Николай подключил свой шлемофон к розетке сети связи и тут же услышал: «От винта». Как по команде заработали два мотора ближние, затем два дальних и набрав необходимые обороты самолет плавно выкатил на рулежную дорожку. На башне показался флаг разрешающий взлет и в шлемофоне что-то сильно затрещало и четкий голос Стадника отдал команду на взлет. Самолет разбежался и как-то тихо оторвавшись от земли стал плавно набирать высоту. В наушниках что-то шелкнуло и голос командира сказал: «Штурману вскрыть пакет и подготовить маршрут полета, дать ориентировку на ветер и прогноз погоды на время полета». Николай повернулся на своем креслице к креслу командира и получил пакет. Вскрыв его прочитал маршрут полета и глядя на приборы дал ориентир на движение по азимуту, по барометру высчитал прогноз и в карте нарисовал карандашом курс, все это сразу передал командиру самолета. Немного спустя получил кивок головой, значит все было сделано вовремя и точно. Погода баловала. Поднявшись на высоту 3500 м заняли курс. За бортом было минус 10ть, в самолете так же, а вот стрелкам доводилось хуже всех, их кабины не закрывались. Тут и спасало теплое белье и меховые одежды. По времени 500км в одну сторону должны пролететь за два часа с небольшим, затем атака в лес и поворот на 180градусов еще два с небольшим и того почти пять часов лета. Самолет шел ровно по курсу, моторы работали в нормальном режиме без особых нагрузок. Николай без отрыва следил за своей навигацией, чтобы не дай Бог пропустить что ни будь. Что бы стрелки не замерзали, комбриг систематически подавал им команды на отражение атак мнимых противников то с одной стороны, то с другой и те стреляли губами в переговорное устройство, как настоящие пулеметы. Вторым пилотом был лейтенант Сошенко Сергей Иванович, чуть старше Николая, но уже имевший приличный налет, комнату в общежитии для семейной и молодой жены ожидающую ребенка. Он был не большого роста крепыш с маленькими, как будто наклеенными усиками, кучерявой головой темного цвета и шрамом на правой щеке. Пташинский относился к нему уважительно и называл его в полете только по имени и отчеству. С Николаем он поздоровался на взлетной полосе за руку и познакомился очень просто. Радист—пулеметчик, и два стрелка были служащие срочной службы так как пока еще не было команды брать в штат рядовой состав. Первая половина полета подходила к концу, Николай сделал расчет сброса, в районе по карте это был глубокий лес и вывел время сброса. В назначенное время второй пилот открыл рычаг бомболюков и наши бомбы полетели точно в цель. Второй пилот произвел фотографирование местности атаки и самолет лег на обратный курс. Еще пару раз стрелки отбивали яростные атаки противника на наш облегченный самолет.

Теперь по расчетам Николая мы летели с большей скоростью, так как вес самолета уменьшился и поэтому расход горючего уменьшился, и мы к тому же должны были прилететь на пол часа раньше. Через не полных два часа Николай в полетной карте отметил время и место посадки и самолет пошел на снижение. Колеса спокойно коснулись мягкой почвы аэродрома, полет закончен, мы дома. К нам уже бежали механики, ставили стремянки и помогали всем вылезать с машины. Настроение было приподнятым, но дикая усталость от полета чувствовалась во всем теле. Все построились у самолета. Комбриг снял с себя шлемофон и одевший фуражку пожал каждому крепко руку, а Николаю сказал: «Спасибо тебе, сынок, видно я в тебе не ошибся, молодцом отработал первый свой полет, верю, выйдет с тебя штурман.» и похлопав парня по плечу пошел на встречу бежавшему капитану Стаднику.

Полевая кухня ждала с обедом. На первое наваристые щи, конечно от вкуса борща они отличались, но выбирать не приходилось, на второе был плов и казалось, что рис просто забыли положить одно мясо и морковь с луком, 100 грамм сухого вина и сок виноградный с плиткой шоколада на десерт. Плотно поев и положив шоколад в карман, Николай пошел в палатку немного отдохнуть и привести себя в порядок. Разговаривать ни с кем не хотелось только умыться и немного поспать.

«Командир, ми все свои глаза уже висмотрели в то небо, в которое ви утром полетели без нас» начал было свою бодягу Моня, но сам каким-то задним чувством понял, что парень хочет спать, замолчал. «Сильно устал, командир?» спросил Семен, «Да, Сеня сильно, прости все потом» и завалился на сбитые доски с уложенным на них матрацем. Через минуту он крепко спал. Вся команда вышла с палатки, чтобы не мешать своему другу и командиру. Спал он не больше часа, когда объявили общее построение всего личного состава. Перед строем выступил комбриг и его замполит Стадник, которые поздравили личный состав в первых летных занятиях на новых боевых машинах. После этого была дана команда всем прибыть на места основной дислокации, то есть в часть. Солдаты срочной службы остались разбирать палатки, а летный состав погрузив свои вещи в открытую полуторку строем пошли в часть. Эти семь километров тянулись вечностью. Вечернее солнце уже так не палило, как в полдень, но все равно многие сняли свои головные уборы и несли их в руках. Механики обсуждали полеты, как и какая машина справилась с полетом, летчики обсуждали вечерние дела дома. Курсанты во всю обсуждали первый Колин полет и бомбометание. «Тобе бы тильки по гравейней дорози ходити, а не летати» – спорил Вася с грузином. «У тебе ум то йость или нема?» – возмущался Вася, когда Ваню сказал, что надо было бы боевыми отбомбить. «А йожели там будя хто с народу грибы збирать али охоту весть, що тоди?» и он яростно махал своими длинными ручищами в такт своим ногам – лапам. «А мене так усе в равную, я тутэчки думку мыслив, а и справа бы бахнули бы бомбою и сразу бы показали де и що впало» отредактировав свою с Ваню цитаты, выдал Моня. Ваню строил большую стратегию войны в горах: «Ви только подумайте, а в горах как? там людей мало, только в деревнях, а коли враг, как бомбити?». «Надо будет влесть на самую высокую гору и сбросить с нее бомбу» пошутил Сеня, «Вах!» – поднял Ваню свой указательный палец правой руки вверх: «зачем так говариш, в горах лавины сходят, там даже кричать нельзя сильно, а ты бомбу, вах, не розумный ты абрек, сын шакала» и Ваню по-своему сказал: «отцхели мутели» и возмущенно замолчал. Сеня слышал перевод, но как ни странно не обиделся. Он подошел к грузину и шепотом попросил прощения за разбомбленные горы. Все заулыбались. Все были молоды, а значит добры. Открылись центральные ворота и строй вошел на территорию части. «Разойдись!» и весь строй просто рассыпался, не разобравшись в том, а кто же этот шутник, подавший команду. Но было поздно и ведущий строй офицер только махнул на все рукой, так, как и сам спешил к семье.

Коля через минуту уже плескался в ванной комнате под холодным душем. Не про муссатив лезвие опасной бритвы, Николай порезался при бритье и заклеив наклюявленным кусочком газеты порез, уже бежал одеваться. «Падажди, дарагой, ты ведь к невесте идешь? вах, как

нэ хорошо без духов» и достав пол флакона «Красной Москвы» налил в Колину пригоршню хорошую порцию. Лицо сразу сильно обожгло, но через секунду стало приятно свежо. «Спасибо Кацо» пошутил Николай, но Ваню на сей раз не понял шутки: «Я Ваню». Но спорить уже было некогда и Коля, подмигнув другу, убежал.

Спинным мозгом он знал, что Роза его ждет на их месте. Ходьбы до ДОСов совсем ничего, а лету еще меньше, Коля летел. Ее голубой сарафан он заметил сразу. Девушка сидела на спиленном после бури, дереве и что-то перебирала в руках. Это был носовой платок, для того, чтобы хоть как-то занять свои руки. «Я пришел, я пришел, моя Роза.» парень просто не знал, что делать дальше, то как он себе это представлял, осталось в мечтах. Наяву все совсем по-другому. Их глаза встретились, платок выпал с непокорных, готовых броситься на любимую шею, ладоней и руки сами собой обвили плечи парня. Голову она прижала к его плечу и так они стояли целую вечность, им было просто хорошо вдвоем. «Я так скучал все эти дни без тебя, моя милая.» он произнес эти слова тихо, прямо в ее красивое ушко. «И я очень скучала, мой дорогой.» И больше ничего не хотелось ни знать, ни слышать в этой жизни, только эти слова. Молодые присели на спил и держась за руки смотрели теперь без моргания друг на друга. Вечер пролетел не начавшись.

В общежитии его все ждали, Моня тайком припер со столовки ужин—вареники с картошкой и салат, обернул его полотенцем и поставил на тумбочку командира. Все лежали без света и ждали его прихода с первого свидания. Казалось, что все переживают больше его самого. Скрипнули противно половицы в длинном коридоре и приоткрылась входная дверь. Николай постоял мгновения думая зажигать свет или не надо, не стал и на цыпочках прошел к своей кровати. Вася тихо похрюкивал на втором ярусе, он один не дождался командира и спокойно спал сном великовозрастного ребенка. «Ми що как будто должны долго глаза свои высматривать в твою сторону, командир?» на своем тарабарском языке спросил Моисей. «Вах, вах, вах» сел на своей кровати грузин: «Ми что будем так и молчанкой играть или расскажешь, что било?» «командир, там Моня тебе перекус принес, покушай и рассказывай» голос Сени был настойчивым. «Если надо, то сам все скажет, хотя и нам интересно тоже» под итожил Кожемяко и опять наступила тишина в полумраке. Несколько минут Коля с удовольствием уплетал вареники с салатом. Он был благодарен этим парням, которые таким образом волновались и заботились о нем, он понимал, что постепенно складывается дружный мужской коллектив. «Спасибо ребята, что рассказать, все очень хорошо, просидели молча весь вечер взявшись за руки и говорить не хотелось, так было нам хорошо вдвоем.» «Ото и усе? а поцеловать дивчину у щочку? а хотя бы шоколадку ейной видал би. Не пойнимаю я» и Моня стал что-то шептать себе под нос. Все дружно засмеялись. Все в жизни будет впереди.

Учебные полеты и занятия шли своим чередом, штурманы набивали руки и свой глазомер в учебных полетах, да и полеты становились все продолжительней и интересней. Прошло лето, шла середина осени, листья практически уже опали и начались первые осенние дожди, а с ними пришла и русская распутица. В ноябре намечались контрольные вылеты на полегон с настоящим бомбометанием, затем на месяц в Харьков сдавать экзамены, получить своих младших лейтенантов и боевая работа на всю жизнь. С Розой все было хорошо, Николай часто бывал у них дома и комбриг относился к их отношениям положительно, уже иногда мечтая за столом о двух внуках и внучке. Дома Николай называл его только по имени и отчеству. Роза просто расцвела, она сильно похорошела, постоянно улыбалась и была в хорошем расположении духа. Все готовились к будущей свадьбе. Срок приблизительно на праздник Красной Армии в 1936м году, Николаю как раз 21 марта исполнится 21год. Все зарабатываемые деньги Николай уже отдавал Розе, и она сама регулировала свой бюджет. Собирали деньги на костюм.

День, 3го ноября, канун Великого праздника всего Советского народа, в который намечались учения с настоящим бомбометанием по целям, выдался на славу. Взлетная полоса аэродрома практически просохла и самолеты были полностью подготовлены механиками к полету

на полегон в орловское полесье. Там были выставлены макеты домов, дотов, дзотов, траншей мнимой обороны противника и макеты боевой техники. Под крыльями машины Стадника были подвешены два И15х, на которые подвесили по две 150 кг бомбы. Учения проводились всему личному составу РККА этого округа. Наблюдать за проведением учений и особенно бомба метанием прибудет маршал Тухачевский Михаил Николаевич лично. Многие говорили, что С. Р. Пташинский лично был знаком и даже дружен с начальником Генерального штаба РККА и вроде бы служил под его началом во время польского похода. Самолеты готовили очень тщательно, ударить в грязь лицом на новых советских машинах нельзя было никому, ведь результаты доложат самому товарищу Сталину И. В. Летели все шесть машин, на четыре новые, стоящие зачехленными, машины не было пока ни летного состава, ни штурманов и хотя еще на одной новой машине были подвесы для самолетов, решено было попробовать одной машиной. До этого никто еще этого не делал и рисковать второй машиной не стали. Всех задействованных в учениях построили на кромке у взлетной полосы в полной экипировке, с боевым оружием, даже стрелкам выдали пулеметные ленты. Оружейники подвешивали под каждую машину по две тонны опасного груза разного веса и размеров. Летчики штурмовики—истребители влезли в кабины своих «ишачков» в подвешенном состоянии. Комбриг произнес небольшую речь и пожелав всем удачного полета и хорошей работы дал команду по машинам. Механики усаживали в кабины бомберов летный состав. Николай занял свое место за спиной у Пташинского, Сергей Сошенко сидел в своем кресле с права и крутил настройку наушников, за ним сидел наш новый стрелок—радист сержант Рудяк Назарий с Могилева, еще один нормальный бульбаш. Его и еще несколько таких же парней, прислали с учебной части радиомехаников радистов не за долго перед учениями тем самым укомплектовали кадры. Два стрелка сидели отдельно в открытой кабине, это были срочники солдаты. Прозвучала в наушниках команда «От винта» и все машины вроде бы вздрогнули от огромного шума двадцати четырех работающих моторов. Взлетали тройками. Машина Николая привычно разбежавшись тяжело, но оторвалась от земли. Чувствовался полный боекомплект уже не ящиков с песком или мусором, а настоящего грозного оружия – бомб. Пташинский подал Николаю карту и приказал произвести расчет полета до точки сброса. Через пару минут Николай доложил: «Товарищ комбриг, готово.» и протянул карту. «Хорошо, спасибо» услышал в наушниках сержант в свой адрес. Даже здесь, в полете, в кабине боевой машины, Севаш Радмирович старался показать свое отношение к понравившемуся ему и всей его семье, парню, который вот-вот станет его зятем. Полет проходил нормально, до места сброса еще было время и Николай уставился в стекло фонаря кабины летчика. На небе ни облачка, холодное ноябрьское солнце уже не согревало землю и поэтому даже на высоте 2700м, на которой проходил полет, было минус 35ть. Сергей Сошенко надел очки вроде бы в них было теплее его глазам. И вот минута до подлета и отчетное время сброса самолетов И15ть, затем еще четыре минуты и Сергей Сошенко потянул ручку открытия бомболюков и сбросовых систем подвески. Николай соскользнул с кресла и прижался лицом к нижнему стеклу кабины. Над огромным полигоном лесостепи были настроены разные объекты и на них сверху летели бомбы. Дым, огонь, все перемешалось внизу. Бомбы легли точно в цель, а сброшенные самолеты завершили процесс и влившись в строй к отбомбившимся бомберам стали на их охрану от возможных самолетов противника. Учения прошли. Самолеты возвратились домой и заняли свои места под чехлами временных ангаров. После обычного построения комбриг, явно в духе, объявил всем благодарность и еще много раз хвалил офицеров экипажей за отличную работу. Особую благодарность получил замполит Стадник А. И. со своим экипажем. То, что разрабатывали наши ученые получилось.

На праздновании 18й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции Николай и Роза были вместе в актовом зале части. Им достались не плохие места в 4м ряду. На сцене все руководство части, приглашенные партийные лидеры города Орел, начальники с управления РККА. Поздравительные речи, ответные слова, обращение всего личного состава к

Главному Руководству РККА и лично к товарищу И. В. Сталину. А под конец поздравительных речей и награждение лучших. Первого на сцену пригласили капитана Стадника А. И. и вручили ему шпалы майора авиации под дружеские аплодисменты. Этот, казалось бы, кремень человек, вдруг прослезился и не скрывал этого. Комбригу за умелое руководство и проведение показательных учений был вручен орден Знак Почета. Многих наградили денежными премиями или благодарностями. Награждаемый из начальства ГРРККА прочитал следующую фамилию: «Сержант Стрельников Николай Николаевич выйти для получения правительственной награды». «Коля, это тебя» толкнула опешившего Николая Роза. «Иди бегом там полковой комиссар тебя ждет». Николай поднялся на сцену и четко доложил: «Товарищ полковой комиссар, сержант Стрельников прибыл для получения правительственной награды.» Комиссар держал в руках петлицы младшего лейтенанта авиации. «За проявленную выдержку, отличное знание своих функциональных обязанностей, четкое руководство вверенным ему коллективом первых пилотов штурманов тяжелой Советской авиации приказом Главного Военного Командующего РККА товарища И. В. Сталина присвоить сержанту Стрельникову Н. Н. очередное воинское звание Младший лейтенант авиации!», вручил парню голубые петлицы с маленькими кубиками на каждой. «Служу трудовому народу!», как во сне ответил Николай. Сев на свое кресло, он увидел, что глаза его Розы на мокром месте. «Поздравляю тебя, мой милый, от души, вот и ты офицер уже.» Коля не помнил, как прошел концерт, как поздравляли его офицеры части, в голове висок стучал «я офицер, я офицер» ... После концерта был праздничный ужин, но здесь была уже четкая иерархия. Младший состав и обслуживающий персонал сидели отдельно, а офицеры отдельно. За большим офицерским столом Николай чувствовал себя пока не совсем удобно, его рука постоянно находилась в руке его Розы и этим поддерживала парня. Выступали награжденные, их жены, хвалили партию и Сталина и за это опять пили и так почти три часа. Да... чего–чего, а гулять наш народ мог всегда. Николай практически не пил, только при губил и этим очень радовал Розу. Вышли на свежий, морозный, вечерний воздух. Роза крепко повисла на руке Николая. Шли нога в ногу, молчали и думали каждый о своем. На их месте остановились, Роза еще больше прижалась к парню всем телом и обхватив его шею руками поцеловала в губы. Так он ее еще ни разу не целовал. Это был не просто поцелуй, это было объяснение в любви девушки, которая не может дожидаться этого от любимого парня. «Я тебя сильно, сильно люблю, моя Роза» с трудом произнося каждое слово сказал Николай. «Я не дождусь уже нашей свадьбы, я хочу дышать тобой, жить тобой, любить тебя каждую минутку, любить каждую точку твоего тела». Пауза немного затянулась. «И я тебя сильно люблю, мой родной человек.»

Общежитие ждало своего командира. Три бутылки водки и закуска со столовки в их же тарелках, взятых умным Монею на прокат у дежурной смены. К вошедшему новоиспеченному офицеру подбежали сразу все его друзья и если бы позволяла высота потолков, то и начали бы качать. «Все хватит Вам друзья, хватит, прошу, спасибо Вам за поздравления» отбивался от них Николай. Семен взял кубики для петлиц, положил их в стакан и налил чуть больше половины прозрачной жидкости «Московской». «Давай, командир, за твои первые кубари». Спорить было невозможно, и Николай залпом выпил всю жидкость. Горло обожгло и перехватило дыхание. Монея сунул ему кусочек черного хлеба для занюха. Все дружно засмеялись. Водка закончилась на удивление быстро, и все товарищи начали укладываться спать после сложного праздничного дня. «Я узнавал, что это звание тебе сам Тухачевский у Сталина просил, как награду первому выпуску штурманов» проговорил Конник зевая. «Нам теперь всем дадут после Нового года, а Николаю сразу летеху» продолжал Кожемяко. «Эх скорее бы уже, как охота одеть кубик» и Конник повернулся на бок. Все молчали. Вася уже выставил свои лыжи в проемы кровати, во всю сопел носом готовясь за храпеть. «Уся Одесса-мама, будя знати, що йих Мойша охфицер» «Во жара!!!» и Монея заскрипел, поворачиваясь. Они все мечтали.

Месяц пролетел быстро и перед Новым 1936м выпускным годом курсанты стали паковать свои сидоры для отъезда в Харьков сдавать экзамены. В канцелярии все получили проездные документы, в кассе деньги. Комбриг выделил полуторку, чтобы отвезти ребят на станцию в город Орел. Вчера Николай на семейном ужине у Розы прощался, комбриг на прощанье сказал, что уже отправил просьбу направить Николая и всех остальных служить именно в его часть, что сразу по приезду станут готовиться к свадьбе и жить он будет в их квартире. Роза немного плакала, но жизнь есть жизнь. Пришла машина и все стали занимать свои места на лавках в кузове. Снега еще не было, но мелкая поземка мела во всю. Роза поцеловала, не стесняясь своего будущего мужа в губы и передала испеченный Софьей ему в дорогу капустный пирог в мягкой белой тряпице. Машина тронулась и влюбленные еще долго махали друг другу руками, прощаясь.

Дорога до Харькова с Орла заняла не многим больше суток. Поезд был пассажирским и кланялся всем столбам в пути. Ехали шумно, много смеялись и шутили, вспоминали полеты и бомбометания, вспоминали коллектив, ставший за полгода таким близким и родным. Николай, уже не в форме курсанта, а в форме офицера-летчика с кожаным офицерским ремнем, в сапогах хромовых, подаренных будущему зятю лично комбригом, вспоминал свою Розу и у него навертывалась слеза от того, что чего-то он не доделал, не сказал. Придется все наверстать в письме, так легче и бумага все стерпит.

Харьков встретил друзей снегопадом с метелью. Команда бегом добежала до трамвайной конечной стоянки и выбрав свой номер, вломились в него и сели. На их маршруте до улицы Пушкинская, ходил еще трамвай без дверей. Ехали молча всматриваясь в подзабытые улицы и скверы, в витрины учреждений и магазинов. Людей на улице было еще мало хотя уже почти полдень.

Капитан В Штонга, как всегда был на месте. Построив всех в коридоре админ корпуса, Николай постучал и вошел в кабинет начальника курса

штурманов летного училища. «Товарищ капитан, группа курсантов штурманов прибыла в училище после практики в городе Орел, для сдачи государственных экзаменов. Командир группы серж..... простите младший лейтенант Стрельников» немного осекшись четко доложил Николай о прибытии. «Читал, читал про Ваши выкрутасы и про то, что лично товарищ Тухачевский представление на тебя писал, молодец ты Коля, я в тебе не ошибся» и капитан обнял и крепко прижал к себе парня. «Жить теперь можете уже не в казарме, а в офицерском общежитии за территорией училища», «Пойдем в канцелярию» и подталкивая парня в спину вытолкнул с кабинета в коридор. «А вот и вся бригада штурманов—летчиков, бомбил – налетчиков, что устались, Вы уже все больше меня знаете, я ваш самолет только на макете и видел, а Вы бомбили с него, чему я Вас учить могу? Вы меня уже научите, я не шучу, ребята, устроим написание отчетов о практике в одном зале, и я буду спрашивать, чего не знаю, а Вы писать и мне рассказывать. Хорошо?» и это было в духе В Штонги, честное и откровенное признание. После сдачи в канцелярию всех необходимых документов и постановки на питание в столовую, пошли селиться в общежитие. Конечно по сравнению с Орлом, здесь было на много комфортно, комната на двоих, правда все остальное так же в конце коридора, но факт остается фактом.

Со следующего дня начали подготовку к государственным экзаменам. На вручение званий первому выпуску офицеров летчиков, должны с самой Москвы приехать проверяющие. Готовились серьезно, на все вопросы, которыми будут пользоваться экзаменаторы, ответы писались в специальной тетради, которую затем и заберет себе В Штонга, по которой и будут обучаться следующие курсы. Экзамены были назначены на 22е февраля 1936го года на 18ю годовщину образования РККА, чтобы на 23е число, в торжественной обстановке и вручить первые военные петлицы. Работали очень серьезно, даже Моня и тот на время прекратил пользоваться сленгом Великой Одессы и мучился, выговаривая каждое слово на русском языке.

Больше всех волновался Ваню с его прогрессирующим акцентом горной Грузии, но свое произношение он скрашивал хорошими знаниями материальной части самолета. Николай писал письма своей Розе практически каждый день, утром бросал письмо в ящик на стене магазина возле их общежития и не дожидаясь ответа начинал писать новое. Время шло быстро. Январь выдался ужасно холодным и снежным. Снег шел практически ежедневно, и дворники не успевали чистить закрепленную территорию. Сугробы были больше метра высотой. Трамваи ходили то же не регулярно, так, как и чистильщик колеи буксовал в таком снегу. Но ходить по морозному воздуху было все же очень приятно, когда после много часовых занятий выходишь на свежий воздух, да запустишь в своего товарища парой, тройкой снежков и получишь столько же в ответ, становится весело, все были молоды.

Наступил день экзаменов. С Москвы на кануне приехали представители завода изготовителя самолетов ТБЗ, представитель от командующего ВВС страны и журналист центральной газеты. После утреннего смотра и доклада о готовности всех рассадили в актовом зале училища. Комиссия села в президиуме и вызывая по списку, по одному предлагала брать билет и без какой-либо подготовки давать ответ. Первыми пошли истребители. С 60ти курсантов не сдали экзамен четверо. Настала очередь штурманов: «Стрельников» – услышал Николай свою фамилию. Он встал, поправил ремень гимнастерки, поднялся на подиум и четко доложил: «Младший лейтенант авиации Стрельников для сдачи государственного экзамена прибыл». «А вот ты какой, герой, за которого сам Тухачевский просил Сталина о присвоении звания за отличное бомбометание на новой машине» – вскочив с места произнес какой-то полковник авиации представитель ВВС. Фамилию Коля просто забыл от волнения. «Тяни билет, герой», «какой номер?» «первый» -ответил мл. лейтенант. На вопросы билета и на многие дополнительные вопросы Николай отвечал, четко, а были моменты даже немного спорил с представителем завода, последний со спором согласился. «Присаживайтесь товарищ лейтенант» – произнес председатель комиссии. Как все и думали сложнее всего пришлось Васе Пуляку и Ваню. Грузин все экзамены превратил в спор, который с блеском выиграл, а Вася немного запнулся на мат части, но потом все исправил и показал блеск в навигации. Мойша штурмовал комиссию, как его родич крымский перекоп, но в брод все же атаку довел до победного конца, хотя в самом конце не выдержал и рассказал членам комиссии короткий одесский анекдот, это и решило исход, после долгого хохота все согласились с сдачей экзамена Монеи. Конник все сделал как по уставу, четко, внятно и всем понятно, а вот с Сеней Ивановым произошла заминка, после того, как какой-то член комиссии в штатском не прошептал на ухо председателю какую-то новость. После не большой паузы было решено перенести сдачу экзамена Семеном по отдельному графику без пояснения причины. Это были первые ласточки не понятного, что могло произойти с Семеном, ведь он весь на виду и от товарищей никуда и никогда не отлучался. Экзамены сдали все, кроме одного Семена. На следующий день в торжественной обстановке всем вручили петлицы мл. лейтенантов, а Николаю следующее вне очередного звания лейтенант авиации. Семену было присвоено звание сержанта и его определили во взвод технического обеспечения при авиашколе. По просьбе товарищей Лейтенант обратился с рапортом к руководству училища о том, что курсанта Иванова не правомерно лишили возможности отвечать на экзамене. Тут то и возник капитан НКВД Громов. С улыбкой на лице он вызвал к себе все отделение уже офицеров штурманов и с присущей ему гнилотью рассказал о причине присвоения Семену звания сержант и отправку его на срочную службу. «Вот Вы уже и офицеры, поздравляю» начал он, «хотите знать правду о Вашем сослуживце?». «Да, то он нам не тутечки сослуживец, а и товарищ» выдал Вася. «Товарищ говорите? ну ну, тогда и ты, товарищ, поедешь с ним» начал краснеть Громов. Глаза его налились, веки подрагивали, а нос, его сплюснутый видно кем-то уже не раз битый, нос ходил в разные стороны, как у хорошо обученной собаки, которая уже почуяла свою жертву. «А Вы знаете, что его отец был осужден по статье за пособничество врагам народа?». Теперь все стало на свое место. То письма от отца Сеня получал

регулярно, даже случались и посылки, а то последние четыре месяца ни слуху, ни духу. Семен очень волновался за отца и не понимал, что происходит. «Теперь ему было предложено просто отказаться от отца и сдавать экзамены, но он категорически отказался. Какой же он офицер? Кто ему доверит новую боевую машину? Кто? Ответьте мне? Кто?» – он покраснел еще больше от удовольствия рассказывать нам, будто сам Сеня уже враг народа. «Так чей же он товарищ? Не слышу?» не унимался Громов. Все молчали, все поняли, что Сеня уже раньше все это узнал и прошел и что бы не подставлять своих друзей под удар Громова, промолчал, просто перенес это горе в себе, в своей честной душе, которая не пошла на сговор с подлостью и не отказалась от своего отца. Сеня ушел с честью служить и простым солдатом, но заместитель по политической подготовке предложил присвоить ему сержантское звание, что не противоречило закону. Первая потеря в дружном коллективе, важно, что практически все в беседе между собой сказали, что поступили бы так же. По прощаться друзьям не пришлось, все понимали, что любая ошибка может повернуться против их самих. Громов был настоящим псом НКВД.

В канцелярии их ждала вторая неприятность. Кроме Николая в Орел больше никто не попал, Моня попал в свою Одесскую область, в принципе по его еврейскому лицу было видно, что он даже и рад случаю. Теперь он мог пролететь над Одессой мамой и помахать серебряными крыльями, как когда-то мечтал. Вася распределен в Могилев инструктором—штурманом в летную школу. Николай Кожемяко куда-то за Урал, куда перевели совсем недавно и его отца командовать конной дивизией по личному указанию маршала Ворошилова К. Е. На базе этой дивизии была приданная эскадрилья У2. Ваню Шенгелия был назначен инструктором – штурманом в подмосковный авиаполк в городе Ногинске.

Закрывшись в комнате Стрельникова и Пуляка в свою последнюю общую ночь, друзья вспоминали прошедшее и строили планы на будущее. Угощал Ваню. Перед этим он получил передачи с Грузии от своей тетки Мананы. Бурдюк настоящего вина, мандарины и лимоны все было выставлено на стол друзей. Пили и не пьянели, закусывали мандаринами и лимонами и опять пили, и пили. Прощались утром. «Друзья мои, давайте поклянемся никогда не нарушать нашей дружбы. Пусть судьба нас раскидывает по разным уголкам страны, но нашей честной дружбы она не сможет порвать. Адреса узнаем через Колю Стрельникова так как его полевую почту мы все знаем. Будем жить» – сказал свой последний, прощальный тост Коля Кожемяко их дорогой Конник.

Назад в Орел Коля возвращался один. Он еще не знал, что приказом Глав Кома их дипломы приравняли к дипломам преподавателей и теперь именно они в своих частях будут готовить штурманов, так было дешевле и проще для страны. Николай с почты на ж.д. вокзале отбил телеграмму Розе, что приезжает завтра тем же тихо ходиком пассажирским поездом. Билет теперь он себе позволил в мягком вагоне. В купе с ним оказался то же военный специалист по радио техническому обслуживанию самолетов. «Круглов Борис Борисович» легко представился он. После рукопожатия он предложил Николаю выпить чаю. Проголодавшийся, да еще после бессонной ночи с вином, Коля легко согласился перекусить. Новые знакомые пошли в вагон ресторан. Спиртное пил только Круглов, а Коля налег на горячий бульон с курицей и салат с соленых огурцов. Говорили мало, да и о чем можно было говорить с не знакомым человеком? После сытного ужина Коля понял, что уснет на ходу в купе. Только прикоснувшись к подушке Коля поплыл во мгле прекрасного сна. Ему снились его друзья, его Роза с букетом цветов, затем все испортил капитан Громов, который задавал один и тот же вопрос: «А ты хорошо научился выбирать себе товарищей, а???». Коля приоткрыл глаза, его новый знакомый зачем-то копался в Колином сидоре, выворачивая все на изнанку. Ударом сапога в голову Николай свалил вора на пол, вторым ударом того же сапога в ту же голову, Коля вырубил черта в состояние не стояния. Завернув ему руки, как на тренировке, Коля связал их поясным ремнем вора и открыв купе позвал проводника. Пришедший проводник закрыл купе и шума поднимать не стал, дабы не пугать остальных пассажиров вагона. Пришедший

в себя после жесткого похлопывания ладонью по лицу, сидел с выпуклыми глазами на полу купе и ничего не мог пока понять. «Зараз прыбуде милиция» с явным украинским акцентом сказал проводник. «Я тобі, бис ты довбаний, ще на станції казав, що не норовишся ты мени, пом'ятаеш?» Вор тихо сопел. «Треба же було додуматися лизты до охфицера у сидор, тебе ж у камери опустять довбня за провокацию» и проводник, видно хорошо знающий, что такое провокация против офицеров и как это опускают, рассказал все вору до словно и красочно. На следующей станции вошел наряд милиции и группа с уг.ро. Попросили предоставить документы у Николая. Изучив их и сделав какие-то записи в свой блокнот, прибывший лейтенант по благодарил Николая за оказанную органам помощь, забрав вора удалились. Только потом, когда поезд тронулся Николай понял, что милиция не составила протокола и не потребовала у него ни одной подписи. Все это было как-то странно. Всю оставшуюся дорогу до Орла Коля ехал сам и смог выспаться.

Встреча. Одно только это слово говорит о приближении чего-то большого и радостного, тем более, что ты ее ждешь всем своим сердцем, всем нутром. Поезд подходил к станции. Молодой человек уже чувствовал прикосновение жарких, любимых губ к своим губам, ее нежные руки на своей шее, тепло ее тела даже через толщину зимней одежды. Он стоял у замерзшего на прочь окна, пытался пальцем прогреть в окне хоть не большую дырочку, чтобы увидеть милые черты. Поезд на конец остановился и обдал всех встречающих густым мокрым, но еще теплым, паром. Проводник откинул ступени вагона вниз и протер поручни не совсем чистой салфеткой. «Прощавайте товарищу лейтенанте» сказал проводник и пропустил Николая вперед. Ступив на перрон Коля огляделся. Никого. «Может опоздает немного? Или телеграмма не пришла? Что-то нет никого». «Що немає никого? мабуть спизднылися чуток» – проговорил на последки проводник и закрыл дверь. Да никого не было. Коля закинул свой сидор на плечо и пошел пешком к автобусной остановке. До части было километров с тридцать, может больше. Добирался долго. Автобуса ждал около трех часов, затем пешком от поселка до части. На вахте стоял молодой боец видно осеннего призыва. Отдав честь и представившись, он попросил Николая показать документы и только после этого доложил по телефону дежурному по части. Дежурным оказался знакомый Николаю лейтенант. «С прибытием, о ... ты смотрю полный летеха, хорошо учился видать, поздравляю» и пожал Николаю руку. «Пойдем я тебя провожу к командиру части», «Да я сам дойду и доложусь комбригу» ответил Николай. «О... дружище, да ты ничего то и не знаешь? у нас новый командир, подполковник Петрушко Сергей Степанович, а Пташинского с семьей арестовали, как пособника врага народа». «Какого еще пособника? Как арестовали? А Розу то же арестовали? Ее то за что?» ничего не понял Николай. «Уже почитай, как две недели прошло» ответил лейтенант, подталкивая вперед себя Николая в кабинет Начальника. «Товарищ подполковник, лейтенант Стрельников для прохождения службы штурманом инструктором прибыл» четко доложил Коля. На лейтенанта смотрел с под круглыми очками типа «Аля Берия», хорошо сложенный крепыш среднего роста с орденом «Знак Почета» на груди и тремя шпалами в петлицах. «Проходи, лейтенант, присаживайся, ты с дороги? сейчас я тебя напою чаем, тебе сколько ложек сахара?» и подполковник налил в два стакана крутого кипятка прямо из чайника, стоящего на небольшой электрической печи на подоконнике. «Угощайся, вот печенье» и подвинул к лейтенанту не большую вазочку. Николай сразу же вспомнил эту хрустальную вазочку с квартиры Пташинских, в ней Софья подавала им ее варенье. Но отказываться не стал и севши за длинный стол взял стакан с крепким, ароматным напитком стал ждать продолжения разговора. Петрушко спокойно пил свой чай и рассуждал, двигаясь короткими шагами вдоль окон кабинета: «Так значит это Вы и есть тот курсант, которому присвоили еще до экзаменов офицера?» Коля поднялся и поставил свой стакан на стол. «Так точно товарищ подполковник» четко отчеканил он. «Да ты не вставай, не вставай, пей чай пожалуйста, мне много о Вас рассказывали», Коля напрягся, но ожидаемого подполковником вопроса «От кого?», не последовало. Коля принял игру у начальника и сразу понял,

что уши надо держать остро. «Ты вот приехал, а руководство то сменилось, а я слышал, что ты ухаживал за дочерью Пташинского?» Резкие переходы с Вы на Ты резали слух, но Николай молчал, он не собирался даже с командиром обсуждать свое личное. «Не хочешь говорить не надо. Давай о службе. Вы назначаетесь старшим инструктором по обучению штурманов, которых будут подбирать в войсках наши инспекторы по личному составу. Ваше дело их обучать и ставить все на поток. Государство Вас не зря столько учило, чтобы не иметь отдачи, а обучать таким же образом всех будущих штурманов весьма накладно и не рентабельно с точки зрения нашего руководства.» Он неторопливо отхлебнул несколько глотков чая со своего стакана, из-под очков внимательно посмотрел на стоящего смиренно Николая и продолжил: «Жить будете в офицерском общежитии, там Вам подготовили отдельную комнату. Без моего разрешения покидать территорию части категорически запрещено. Становитесь на все виды учета и довольствия, все получайте и после завтра жду Вас на общем построении в форме и с рабочей тетрадью. Можете идти.» он резко отвернулся, делая вид, что разговор на сегодня закончен. Николай отдал честь и вышел. На улице падал не большой снег, давил слегка на теплые после помещения уши, мороз изо рта шел пар, снег весело хрустел под ногами парня. Ноги сами привели его к ДОСам, вот и их аллея, и спиленное дерево на месте и в окне на втором этаже привычно горит свет, все как тогда, только ее больше нет. «Коля, Коля» услышал парень приглушенный женский голос. Николай оглянулся и возле солдатской столовой увидел знакомые черты женщины. Это же Софья. Николай ускорил шаг и пошел на встречу. Но женщина вдруг вошла в помещение столовой с обратной стороны. Молодой человек вошел туда следом. Софья стояла с заплаканными глазами и вытирала их маленьким платком. «Нам нельзя видеться вот тебе письмо и сразу его сожги все остальное расскажу потом, сейчас уходи» она подтолкнула парня к выходу, а сама поспешила в цех по чистке картофеля. Николай держал в кулаке заветное письмо и не мог никак остаться один, чтобы его прочитать. Остаток дня ушел на все бюрократические проволочки—стал на все виды учетов и довольствия, получил кучу форменной одежды, определился с обедом и ужином и получил место в столовой. На месте Розы сидела молодая особа с шикарной грудью и большим декольте. Окинув оценивающим взглядом лейтенанта, особа проронила, слегка скосив глазки: «Сегодня в клубе танцы для личного состава части, а меня зовут Рита», и протянула Николаю документы, данные которых она записала в толстый амбарный журнал. «скучно здесь очень, не то что в Москве» и Рита посмотрелась в маленькое круглое зеркальце. «так придешь?». Такой резкий переход на ТЫ несколько не смутил девушку, даже на оборот она улыбнулась. Николай заметил правильные ровные, белоснежные зубы и кончик языка, который она бесцеремонно показала офицеру. Николай загадочно улыбнулся и молча вышел с теплого помещения на морозный воздух. Все дела были сделаны и у него завтра был целый свободный день, можно было отоспаться и понять, что происходит вокруг. Николай зашел в столовую, тут кроме наряда солдат еще никого не было. Он попросил его покормить по раньше и извинился за это. Хорошо поев он пошел в комнату. Письмо жгло ладонь. Спокойно переодевшись в трико, он лег на кровать и достал конверт. «Милый мой, родной человек» слезы залили глаза: «не знаю встретимся мы когда-то еще или нет с тобой, но знай, что ты у меня один, а я так и не стала твоей, какая я глупая была. По доносу моего отца забрали в НКВД. Ему вменяют пособничество в убийстве С.М.Кирова еще в 1934м году. Я ничего не могу понять. Мне было предложено немедленно написать отказ от своего отца, но пойти на такое я, по известным причинам, просто не могу, ведь он меня вырастил после гибели мамы и больше не стал жениться из-за меня, он жил мною. Я все это рассказала в НКВД и вот следователь пошел мне на встречу и отпустил ровно на час собрать вещи перед отправкой в тюрьму. Он сказал, что меня вышлют без права переписки так как я еще и работала в канцелярии части. Письмо передам Софьей ее пока не трогают. Вот и вся моя жизнь на этом заканчивается. Очень сильно тебя люблю, мой единственный и желанный человек, мой Коленька. Целую.» Коля много раз прочитал письмо, практически выучил его на память, он улавливал,

как ему казалось, даже незаметный запах ее рук. Понятно, что хранить это послание равноценно самоубийству. Николай вспомнил и Сеню Иванова, его тоже заставляли отказаться от отца, а за что? Только за то, что простой машинист паровоза пожалел молодую женщину с малолетним ребенком, которых тысячами, как скот вывозили в Сибирь на ПМЖ, и не обращая внимания на запрет взял ее в паровоз и вывез до какой-то станции где можно было пересест и уехать обратно. Продал его за это НКВД собственный товарищ кочегар, с которым много лет делил кабину паровоза и кусок хлеба. Что же такое творится в нашей могучей стране победившего социализма? Кто может дать ответ? Скупые мужские слезы текли по щеке Николая, когда он смотрел на пламя, догорающих всех полученных писем от любимой, как будто догорала не только бумага, а и душа. Камень лег на освободившееся место. Теперь он понял, что не успел найти вор в его сидоре в вагоне поезда и почему не составили протокол. Но надо было жить дальше.

Весь следующий день Николай тупо лежал в кровати, поднимаясь только чтобы сходить в столовую. Утром следующего дня, Николай привел себя в порядок, позавтракал и в 9ть часов стоял в новенькой форме на плацу рядом с командиром части и ожидал своего представления. После всего ритуала приветствий С. С. Петрушко вывел Николая вперед и представил: «Товарищи! с сегодняшнего дня у нас в части начинаются курсы штурманов без права управления самолетом. Для обучения личного состава, который будет отобран для этой цели, к нам в часть прибыл лучший специалист – летчик – штурман Стрельников Николай Николаевич, которого некоторые из Вас помнят по практике. Прошу любить и жаловать. С сегодняшнего дня место в общем строю у старшего инструктора будет в роте управления» и повернувшись к Николаю приказал, взяв под козырек «Стать в строй.», «Есть стать в строй» четко отчеканил Николай и классически красивым строевым шагом прошел к своему месту рядом с командиром роты управления. «Здорово Мыкола», чуть толкнув поприветствовал его командир роты, высокий, чуть полноватый капитан Николай Русинко, хохол без вредных привычек. «Помьятаеш мэнэ?». «Да помню конечно, хотел меня спойть на празднике» шепотом отозвался лейтенант. «Разговорчики в строю!» прикрикнул Петрушко: «Потом поболтаете» и начал проводить остаток развода.

В учебном корпусе для занятий штурманов был выделен класс, но самое главное не было ни литературы, ни плакатов никакой то другой базы для обучения, все надо было создать своими руками и в жесткие сроки, да еще и выучить 16ть штурманов. К этому времени полк получил еще шесть новеньких ТБЗ и три из них с подвеской для Ишачков. Солдат набрали практически сразу, летать хотели многие и многие мечтали о офицерских петлицах. Должность штурмана стала старшинской, но чем черт не шутит. По беседовав с каждым из пришедших на занятия, Николай сразу же отсеял четверых с образованием коровник плюс телятник. Люди не то что думать, читать толком не могли. Нормальных было два—три человека и Николай пришел на прием к командиру части. В штабе много изменилось, появилась секретарь референт женщина среднего возраста с крашенными в белый цвет волосами и стройными ногами. Ее красное, как знамя, платье сочеталось с такими же красными до не приличия, губами. «Сегодня не приемный день» резко отрезала она, не дождавшись даже вопроса вошедшего. «А я не на рынок пришел к директору за тормозком, а к командиру части и будьте так любезны не хамите пожалуйста» – так же резко огрызнулся Николай. «Хам» и Николай понял, что у него уже есть враг. «Что тебе надо?» съязвила дама, «Тебе не понять» парировал Николай. «Фу какой» и дама, подняв свой бампер со стула приоткрыла входную дверь в кабинет и пропела: «Сергей Степанович тут к Вам рвется Стрельников, пустить?», «Проходи, зануда» и она опять взгромозилась на свое место, показывая через декольте дышащую грудь. Николай вошел, Петрушко говорил с кем-то по телефону и поэтому показал на стул предлагая сесть. «ну что там у тебя за проблема?» через несколько минутного разговора, спросил командир части. Объяснив все без эмоций, Николай сделал сразу же и предложение, поручить не только учебу, но и отбор всего

личного состава так же ему самому. Петрушко пообещал этот вопрос решить и приказал всех не нужных отправить обратно по частям. Николаю понравился правильный взгляд командира на его предложение, ему понравился и его подход к новому в авиации. Петрушко хоть и сменил на посту дорогого Николаю человека, с которым он летал, но был видно человеком чести и это нравилось.

На следующий день вопрос был действительно решен положительно. Кадры только открестились от такой неприятности, как подбор умных среди дебилов, а Николай получил возможность выходить за территорию части. Начал он с военкоматов и школ, посетил еще две части, стоящие в Орле и к концу первой недели, набрал все вакансии. Ускоренные курсы обучения без летного мастерства составили всего 24е недели, шесть месяцев или полгода кому и как нравилось. Николаю был выделен один самолет для практических индивидуальных занятий с каждым курсантом, то есть Николай брал одного человека и садился с ним в самолет для практического обучения. Дело сдвинулось с мертвой точки. Николай, с присущим ему педантизмом, подходил при обучении к каждому, даже самому малому вопросу. Сами мастерили стенды, рисовали плакаты схем самолетов, строили модели, рисовали и подписывали, учились и работали. Класс стал походить на макет большого самолета. Со склада получили кое-что из навигационных приборов, компасы, высотомеры. Выполнили в оригинале и кабину пилотов и место штурмана с вертящимся креслом, а на занятиях и гудели, как моторы в полете. Дело шло. За всеми этими заботами немного притупились воспоминания, и парень стал немного отходить от пережитого. Прошло пять месяцев, вот и первые полеты. Николаю был выделен У2 не совсем новый, но с хорошим механиком, на котором он проводил первые полеты по маршруту и по ориентированию. Николай соскучился за полетом и поэтому делал в день по три, а то и четыре вылета с курсантами в задней кабине. Коля в кабине пел и плакал, то жалел себя, то наоборот был доволен собой. После двух недель налетов на У2 боевой вылет с полным экипажем на учебное бомбометание на ТБЗ. Это самый ответственный момент в жизни Николая его первый собственный выпуск штурманов бомбил. В воздух поднимались все две эскадрильи ТБЗ с подвеской истребителей на пяти самолетах и полет за 500км в одну сторону и назад. В место бомб бочки с песком.

Утром на разводе, командир части лично зачитал списки штурманов, распределенных по самолетам. В самолете командира летел не плохой парень, а в место стрелка радиста летел, как инструктор на всякий случай сам Николай. Все шестнадцать машин разбежавшись в свою очередь, поднялись в воздух и заняли свои места в огромном строю огромного голубого до боли, неба. Николай слушал все разговоры своих воспитанников с командирами самолетов, где надо немного поправлял, но в основном ошибок не было. Как и в свой первый полет когда то молодой лейтенант волновался. Было холодно даже в августе на высоте 2500метров было минус 20ть. «Внимание, подходим к заданной точке» послышался с головной машины голос штурмана: «Снижаемся на 800метров и заходим на сброс» услышали голос командира первого звена.

Домой летели довольные собой. Сергей Сошенко что-то насвистывал, но командир части даже не делал ему замечаний, его глаза блестели от удовольствия, того, что все прошло хорошо и теперь можно сдавать экзамены гос. комиссии. Через два часа все приземлились. Это была уже победа. Через неделю первый выпуск.

Николай стоял у столовой, когда его не громко позвали. Это была София. После того случая в столовой он ее больше не видел. «Здравствуй, мил человек» – тихо сказала подошедшая женщина. Она уже не пряталась и вела себя спокойно: «Не видать тебя совсем, живешь затворником, вспоминаешь хоть мою девочку? али забыл совсем?». «Я и живу только этим, что помню и желаю встречи» ответил парень немного смутившись. «Вот тут тебе весточка от нее сердешной» и София сунула в руку Николая небольшую бумажку, повернулась и зашагала прочь. Аппетит тут же пропал, и Николай заспешил в общежитие, чтобы прочитать записку.

Лето бушевало, обеденное солнце палило и не большой ветерок только добавлял зноя. В такую погоду хорошо бы в водичке прохладиться, но запрет на выход с части так никто и не отменял. Николай зашел в прохладную комнату, разделся и сходил в ванную принял душ. Сел на стул спиной к двери и аккуратно разрезал ножом конверт. «Милый мой Коля» прочитал он первые, такие родные строки ее письма: «Как я за тобой соскучилась, просто и не знаю. Вот появилась слабая возможность подать тебе за полгода весточку. Я на Амуре, не далеко от китайской границы, и там постоянно стреляют. Постоянно думаю только о тебе, мой родной. Я работаю учителем немецкого языка в деревенской школе, живу на квартире у старушки. Отца расстреляли, ты у меня один остался в этом мире. Писать мне пока нельзя, но участковый обещает снять с меня этот запрет, тогда и дам адрес. Все целую и сильно люблю. Твоя Роза.» Николай прочитал письмо и задумался. От неожиданности он вздрогнул так как на его плечо легла чья-то рука. Коля повернулся и ..... увидел вагонного вора в форме старшего майора НКВД. «Ну вот мы и встретились, лейтенант, что переписку не законную с врагом народа ведешь?» и легко вырвал с рук Николая письмо Розы. «Не хорошо это, молодой человек, не хорошо. Что же мы с тобой будем делать теперь? В тюрьму ведь пойдешь, я тебе твои два удара и мой выбитый зуб вспомню». «В прочем есть один вариант, ты подпишешь мне бумагу о сотрудничестве и будешь раз в неделю описывать все происходящее в части и тогда я может быть и порву это письмо. А к стать, кто тебе его дал?» и хитро улыбнулся. Коля понял, что София завербована, только по этому ее не трогают. «Я подумаю над Вашим предложением, товарищ, или может уже гражданин старший майор НКВД?» «Пока еще товарищ» не скрывая злорадства, сквозь зубы сказал милиционер. «Подумай, подумай, завтра я приеду и побеседуем обо всем, никуда ты не денешься, будешь работать как миленький». Он резко встал и вышел. Николай сидел и не знал, что делать в такой ситуации. Коля одел гражданские брюки и тенниску, парусиновые тапочки и пошел домой к командиру части. Перед этим он немного по петлял на спорт городке, но контроля не было и решившись он вошел в знакомый подъезд, позвонил в знакомую до боли дверь командира части, еще не давно квартиру его Розы. Двери открыла красивая женщина средних лет в огромном до пола, махровом халате белого цвета: «Вам кого, молодой человек?» голосом певицы спросила она. «Мне бы с Сергеем Степановичем поговорить надо, простите пожалуйста, срочно». Женщине понравился культурный молодой человек «Одну минутку» и она прошла в комнату, не закрыв за собой дверь: «Сережа, там какой-то парень стеснительный хочет с тобой срочно поговорить, встретишься с ним?» Заскрипело кресло от поднявшегося с него человека: «Ну раз ты, дорогая считаешь, что скромный, пусть входит». Женщина вернулась в прихожую и попросила Николая обуть домашние тапочки. Коля вошел. «А... это ты Николай Николаевич, проходи пожалуйста, порадовал ты меня, спасибо тебе за помощь и дружбу» как-то по-отечески встретил подчиненного Петрушко. «Давай чайку?», «что там за вопрос?». Коля не знал с чего начать и немного помолчав рассказал командиру все и за семью Пташинских, за свою Розу, за случай в поезде, за письмо от Розы первое и сегодняшнее и за то, что София работает против всех. Он говорил и говорил, а командир сидел в кресле на против своей жены и только суровел с каждым словом Николая. Лейтенант замолчал и вытер трясушимися руками холодный пот со лба. Молчал и командир. Потом он обратился к своей жене: «Что скажешь на это, Марина? А ты эту Софию собралась взять к нам в горничные по рекомендации жены замполита. Все связано, все кругом связано», он подошел к зашторенному окну и осторожно выглянул в окно. «Что же с тобой делать, Николай, тебя надо спасать.» Марина немного подумала и мягким, хорошо поставленным голосом сказала: «Колю отправь завтра в Испанию» и вышла. По части ходили уже слухи, что одно звено У2отбывает в командировку и на завтрашнем построении объявят фамилии летчиков. «Николай, куда вы полетите я не имею права говорить, но рас так иди собирайся тихонько, завтра утром все объявят, получишь документы и в обед улетите, так что он тебя не достанет, на тебя ничего плохого нет, только благодарно-

сти», Петрушко походил по комнате: «Спасибо тебе за правду, увидимся» он обнял парня за плечи и посмотрел прямо в глаза: «Все иди только аккуратно, через площадку».

Не много поколесив по части Николай пришел в свою комнату и прежде всего закрыл за собой двери на ключ. Разделся и лег на кровать на спину подложив руки под голову. А в голове кружилось одно слово—Испания, Испания, Испания. Радовало и то, что летит он не штурманом, а летчиком. Короткая летняя ночь пролетела мгновенно. Коля встал рано, пошел принял душ и начал собирать свой сидор, чемодана он так и не купил. Все новые вещи он повесил в шифоньере, убрал на столе, пожег все бумаги не перебирая. Комната была чистой. Одевшись в форму, он пошел в столовую и плотно покушал. Почистив сапоги, память от Пташинского, до зеркального блеска пошел на построение.

Развод проходил как обычно и никто не говорил о каких-то там командировках, прав был командир, еще никто ничего не знал. «Читаю приказ командующего ВВС СССР» прозвучал голос командира части: «18го июля в Испании началась гражданская война, которую развязал против своего народа Франко и его фашистская клика. Советский Союз принял решение оказать борющейся с мировым империализмом дружественной нам Испании добровольную и гуманитарную помощь. С нашей части сегодня в обед улетает полное звено У2. Полетят—старший лейтенант Степанов Петр Данилович – старший группы, лейтенант Сошенко Сергей Иванович, лейтенант Стрельников Николай Николаевич и лейтенант Романов Александр Ильич.» приказ №223 от 17 августа 1936 года. В строю послышался шепот и смех. «Что за смех? Кому там весело?» взорвался замполит. Со строя послышался ответ шутника: «Товарищ командир просто весь СССР летит в Испанию» и опять смешок. «В каком это смысле?», «Да по заглавным буквам фамилий летчиков получается». Действительно СССР. «Вот и пусть враги знают, что вся страна у нас там в Испании!» провозгласил замполит.

Через час все отбывающие уже стояли на летном поле и получали инструктаж. Лететь на У2 без боекомплекта до Ленинграда, там машины перегонят на Балтику и отправят морем, а все летчики отправятся на корабле. Все инструктажи в Ленинграде на аэродроме Пушкина. И весь СССР взлетев по две машины в паре отправились в свою первую в жизни боевую дорогу. Коля летел в строю последним, ему хорошо были видны все самолеты и отсутствие радиопенсировалось взмахами рук. Теперь старший майор НКВД его уже никогда не достанет, ведь не совсем же он идиот идти против постановления правительства со своими бредовыми идеями. Какой все же молодец его командир, а вот Марина просто умница, сразу сообразила куда спрятать более надежно. Первый раз дозаправлялись на каком-то полевом аэродроме подскока. Час разминались и грелись, попили чай и слегка перекусили галетами с шоколадом. Вторая дозаправка уже в Ленинградской области и с машин не вставали, затем военный аэродром под самим Ленинградом в Пушкино. Сдав машины под роспись военспецу, команда отправилась в общежитие. Столовая была шикарная. Ресторан. Сели за один столик и к нам сразу же подошла милая официантка и протянула меню забрала талоны на питание, которые нам всучил военспец. Коля выбрал солянку и котлеты по-Киевски с жареным картофелем. Ели молча потому, что хоть и служили в одной части общего пока между всеми, ничего не было. Бутылку сухого вина выпили после обеда с десертом. Комната в общежитии была на четыре человека и вполне приличная. Душ с горячей водой после длительного перелета был как раз необходим. Здесь в Ленинграде был организован огромный сборный пункт отправляемых в Испанию. Все хранилось в тайне. Сюда приходила техника в основном это раритеты с гражданской войны такие как броневики, на которых еще Ленин выступал, качественно отремонтированные на одном из Ленинградских ремонтных заводов и покрашенные в серый свет. Вся техника без вооружения. Все это грузилось на сухогрузы, баржи и ждало своей очереди на отправку. Самолетов было много. В основном это У2 и Ишачки. Они плотно стояли на палубе огромной баржи, на растяжках и зачехленные, так что это стоят самолеты можно было рассмотреть только вблизи. Для личного состава готовились трюмы сухогрузов. В них сбивались деревянные нары в два и

три ряда высотой, варились дополнительные баки для воды. Полным ходом шло комплектование гражданскими вещами всего личного состава армии. В форме были только моряки сухогрузов. Перед самой отправкой всем выдали сух. пайки на 12ть суток каждому. В них было по шесть 200г граммовых металлических, все в солидоле, банок говяжьей тушенки, по шесть банок рыбных консервов, по килограмму печенья галетного, по пол. килограмма сахара колотого, по два килограмма сухарей, по две пачки чая грузинского. Офицерам в дополнительном пайке бутылка коньяка, бутылка сухого вина и шесть плиток шоколада. Кормить обещали один раз в сутки и только пустой кашей, так как камбуз не был приспособлен на такое количество людей. Кипяток обещали постоянно.

Весь СССР, они теперь себя и сами так стали звать, занял самый угол у кормы корабля две двойные нары и у них получилось купе. Завесили его одеялом и теперь могли чувствовать себя не в общей казарме, во всяком случае от лишних глаз по дальше. Петр Степанов оказался не только старшим по званию и должности он еще оказался и опытным старшиной. Срочную службу он пахал на финской заставе. Поэтому он сразу собрал у всех все продукты в два больших мешка, подвязал их к крайней нижней наре, и определил, что раз дали на две недели, то идти судно будет месяц не меньше. Поэтому вводится строгая экономия и график дежурств по купе. С сего дня в купе должны постоянно находиться не менее двух человек. Во время будущего плавания всем запретили в светлое время суток выходить на палубу, только ночью и по очереди. Один раз в день они будут получать в общий котелок кашу на четверых и добавлять в нее по одной банке сух. пайка, чай с сухарями, галеты на черный день. Так и постановили. 31го августа 1936го года сухогрузы с баржами были построены в кильватерный строй и вышли по Неве в Финский залив, затем Балтика. Никто не знал, что их ждет дальше...

Ночь... Еще одна бессонная ночь в больничной палате. За окном серело. Холодное сентябрьское утро просыпалось не спеша. Вот и горлица, как всегда прилетела и села на подоконник, по урлюкала пару раз и упорхнула по своим птичьим делам. Дождь опять шел всю ночь, не проливной, а так временами, но холод стал чувствоваться еще больше. На столе у окна стояла полная окурков пол. литровая банка с ужина деда Толи, а в форточку не успевал выветриваться весь смог накура и запах чувствовался во всей палате. В коридоре стучала своими принадлежностями уборщица, готовясь промывать с хлоркой полы. Больница еще спала, но уже не ночным мертвым сном, а полу дремом. Олечка всю ночь просидела, прижавшись всем телом к Егору и парню от этого было очень приятно. Николаевич закончил ночной рассказ и теперь лежал с раскрытыми глазами уставившись в одну точку на потолке, как будто желая просверлить ее глазами. Егору так не хотелось отпускать от себя свою неожиданно возникшую любовь, ночью он случайно положил ладонь ей на грудь. Оля не стала убирать ее, и парень почувствовал упругую, вместившуюся в его огромную ладонь, дрожащую каждой клеточкой, девичью гордость. Он по началу было убрал руку, но Оля сама положила ее назад и нежно поцеловала Егора в подбородок. Такого острого ощущения молодой человек еще не испытывал никогда, да и девичью грудь он держал в руке впервые в жизни. Егору стало не по себе, он вдруг ясно ощутил, что его мужское начало вдруг стало расти и каменеть. Видно это поняла и девушка. Она пристально посмотрела сквозь слабый свет синего светильника палаты в глаза Егору и как будто случайно своим локтем прикоснулась к его плоти. Егор накрыл себя и ее одеялом, ему было не удобно и немного стыдно происходящего, но ладонь его все сильнее сжимала ее грудь. Свось легкий халатик и лифчик угадывался набрякший сосок. Егор запустил свою руку в расстегнутую верхнюю пуговицу и приподняв непонятно кому нужное производство аккуратно коснулся двумя пальцами сосочка груди. Николаевич рассказывал про свою Розу, а в руке Егора была настоящая, живая роза. Парень поцеловал свою красавицу в сладкие губы и решил опустить руку чуть ниже, но тут же получил по рукам. Очень тихо, на самое ушко она ему сказала, что не может так и все. Оля опять прижималась к парню, и они сидели и слушали

рассказ летчика. Ночь... Какое это дивное слово – ночь... Какие только чудеса происходят в это время суток, чего только не услышишь...

Утро началось как обычно – Оля сменилась до послезавтра, прошел обход, и Егор получил следующий список на обследования, потом завтрак, обход по врачам со сдачей анализов, обед и на конец свободное время – сон, потому, что самое интересное было еще впереди. Ждали продолжения и соседи по палате. Дед Толя чудил и придумывал разные выдумки стоя на балконе с папиросой в руке. Опять приход жен ветеранов, опять приход новой девицы со столовой от Раи с тормозком для Егора, опять бурный ужин после ужина в столовой и вот все улеглись, Николаевич положил подушку по выше, запрокинул под голову свою руку и продолжал.....

ИСПАНИЯ Море в это время года в основном спокойное. До выхода в нейтральные воды с нами шли два эсминца Балтийского флота — «Задорный» и «Неустршимый». Потом они ушли и караван остался сам на сам с судьбой. В трюмах было ужасно жарко, не спасали вытяжные вентиляторы, да еще началась морская болезнь. Очень многие просто лежали зеленые цветом и не могли ни есть, ни пить. В составе СССР как ни странно никто не лежал, все переносили практически нормально. Сидели и играли в карты, домино или перечитывали несколько взятых с собою книг. Есть особо не хотелось поэтому, как и сказал их старшина, ели только утром. Кто-то один шел с талончиками и получал на четверых почти полный котелок каши с жидкостью от варки. Затем открывали одну банку тушенки или две рыбы и кидали туда, перемешивали и получалась то уха, то кулеш. Крупа в основном дробь 16ть или овсянка. Николай рассказал своим новым товарищам про свою Розу, которую все знали и не могли понять за что ее сослали. Узнав от Николая, что Пташинского просто расстреляли наступила гнетущая тишина. Николай постарался сменить тему. Первую бутылку коньяка выпили за первую неделю плавания. Все начали вспоминать родных. Сережа Сошенко вспомнил свою семью, ведь он даже не сказал жене, что уехал в длительную командировку. Коля лежал на наре застеленной одним матрацем без постельного белья, подложив руку под подушку, уткнувшись лицом в стену корабля и слышал, как волны, разрезаемые носом с шумом, бьются о клепанное железо, пенятся и остаются где-то позади. За первую неделю прошли Швецию, Латвию и Литву, германский Кенигсберг, польский Гданьск и опять вошли к нейтральным водам Германии, в которой с большой скоростью рождался великий фашизм. Караван шел под своим флагом, его несколько раз сопровождали немецкие миноносцы или неожиданно рядом показывалась верхняя часть субмарины или просто длинный бурун от поднятого из-под воды перископа. Но никто не подходил больше чем на пять кабельтовых к каравану. 13того сентября подошли к Дании и повернули в пролив между Данией и Швецией. Ночью 15го сентября, выйдя подышать свежим морским воздухом стали видны огни по левому борту. Это был огромный город – Копенгаген. 18го сентября, обогнув Данию, вошли в Северное море.

Утром 20го сентября начался первый шторм. Морякам бывалым пять баллов волны это просто маленькая болтанка, а для огромной, не подготовленной толпы, закрытой в трюме это страшный сон. С утра шел сильный дождь, потоки воды с неба и морская вода пятиметровых волн захлестывали судно и проникали потоками в трюм. Началась паника. А что страшнее этого слова в открытом море в закрытом пространстве. Николай прочувствовал на себе состояние тех людей, которых на огромном лайнере Титанике, торпедировал айсберг. Все мечутся, стараются спастись, вырваться с замкнутого пространства и ничего не могут сделать, самое главное все это понимают, но все равно места себе не находят. Матросы установили ручные насосы и все по очереди подходили и работали на ручках, откачивая воду назад в море,

шторм продолжался почти 12ть часов. Уставшие, но победившие стихию люди просто валились от усталости. Опять берега Германии. Караван шел без опозданий в порт назначения Сан Тандер. Прошли Нидерланды и вот уже близок Ла Манш. Франция, Англия и США не поддержали повстанцев и не вмешивались в ситуацию, Германия и Италия стали на сторону

восставшей армии, а Россия поддержала Испанскую республику и решила поставлять оружие, а Коминтерн принял решение послать добровольцев на защиту правительства, избранного народом Испании. Россия посылала в основном летчиков и танкистов. С лева по борту Франция. В Гавре подошли два танкера один с водой, другой с углем. До заправки заняла почти неделю. За это время команда выполнила и мелкие ремонты после шторма. Затем еще в Шербуре взяли провиант и мимо Нормандских островов вошли в Бискайский залив. Это уже Атлантический океан. Еще четыре дня пути и 7го октября караван стал на рейд у порта Сан Тандер. Ночью 9го октября все прибывшие в Испанию сошли на берег и разместились в полевом лагере близ порта. Еще пять дней шла полная разгрузка привезенной с собой техники и установкой на нее необходимого вооружения. 15го октября колонна техники и личный состав отправились своим ходом в пункт прибытия город Теруэль. Все самолеты были собраны, установлены на них пулеметы и сами полетели на этот же адрес на подготовленный там полевой аэродром. 16го октября об этом было объявлено Советским правительством.

СССР в полном составе приземлился на полевой аэродром под городом Теруэль. Огромный яблочный сад, как Рай предназначался для маскировки и стоянки самолетов. Спелые, крупные яблоки висели по всюду. И желтые, и зеленые, и красные, и полосатые, крупные и не очень висели на ветках или лежали на траве под деревьями, и никто их не собирал. Странно. От такого изобилия глаза просто разбегались, а рот вообще не закрывался от проб. К коллективу подъехал небольшой броневик с одной башенкой и пулеметом «Максим» времен гражданской войны. С него лихо выскочил небольшой мужчина в коричневой кожанке и в синей пилотке с двумя бубонами на ней. «Привет камраде» прокричал он, как будто на митинге: «Разрешите вамм представиться» с каким-то больше литовским, чем Испанским акцентом сказал мужичок. «Я командиир мотто стрелковвоого полкаа полковник Чаауш» представился он: «Я из бывших латышских стрелкоов», «мии прибиили сюда не так и ужж давно». СССР полностью отработовали каждый за себя, пожали руки. «Таак, вам выддадут все необходимное в полеттах». «Только свои званния и иммена покка ззабудутте». Это была настоящая, не выдуманная писателями и написанная на бумаге, война. На ней можно было и погибнуть, и стать героем. «Васс будут всехх ззватть оддинакковво илли камраде или просто Ванья». «Все поллетты только ппо ммоей ккомманде». На этом знакомство с командиром закончилось. СССР сразу сообразили, что и полковник Чауш то же выдумка и что зовут этого человека совсем не так, но команды надо выполнять. К коллективу пилотов У2 подошли и познакомились их механики и бомбоукладчики. Коле достался механик Ваня с Казахстана. Маленький крепыш с такими раскосыми глазами, что казалось он ничего и увидеть то не может. Но видел Ваня хорошо и масленку не оставлял нигде даже в столовой клал ее в нагрудный карман комбинезона. Как ни странно, он имел семилетнее образование, службу в танковых войсках, правда в ремонтном батальоне, но все равно танкист. С техникой он был на тебя. Самолет он разбирал и собирал с закрытыми глазами, знал каждый штуцер и каждый винтик. Коля был доволен. Война уже гремела у стен Мадрида и хотя пока правительственные войска и побеждали, силы повстанцев росли с каждым днем. Все ждали первого боевого вылета. От нечего делать СССР собирал спелые огромные яблоки, мыл их и резал на кружочки, затем разлаживал сушить под марлей от назойливых мух. У нас в это время уже холода, а в Испании настоящее бабье лето. А вылетов все не было. Пилоты скучали в палатке, установленной там же в саду, грызли яблоки и смотрели в небо, ходили в такую же полевую столовую и опять спали и скучали. Первый боевой вылет совершил Сергей Сошенко только 1го ноября. Как все ему в тот момент завидовали, но, когда он посадил машину и пришел в палатку все, узнали обратное, что их решено использовать, как почтовую авиацию. Для бомбардировок в Испанию уже шли корабли с СБ2, и использовать У2 как бомбардир нет смысла. Все мечты о боях рухнули и начались будни. Летали в основном по территории занятой войсками республиканцев, возили почту, медикаменты, начальников для проведения совещаний, приказы по строевым частям. Летали в основном по одному, и даже

положенный пулемет не монтировали в турель, да и не брали его, как и парашюты от лишнего веса. Первый раз Коля встретился с Ме—109 в конце ноября. Он выполнял обычный полет с почтой, как на него с тучки выскочил МЕССЕРШМИТТ 109ть с красными молниями на бортах. Первое впечатление было страшным. Но немец покачал крыльями, как будто здоровался с Николаем, и зашел на позицию лобовой атаки, но опять пролетел выше Колиного У2 и опять помахал крыльями. Немец видел, что биплан не вооружен и не пытался его трогать, он играл, он показывал этому русскому силу и мощь германского оружия и как настоящий летчик он был благороден. Зайдя несколько раз в положение атаки, немец выровнял свой самолет и помахал Николаю рукой, Коля ответил таким же взмахом. Тогда немец отдал русскому честь и включив форсаж исчез в облаках. Коля заметил номер 3 на фюзеляже истребителя с такими заметными красными молниями. Это был обер—лейтенант Ганс Фон Кньюппель. Коля перевел дыхание и опустившись чуть ли не до самой земли продолжил свой полет до места. Выгрузив почту и получив документы и дозаправку Николай взлетел и взял курс на свой яблочный аэродром, как ласково прозвали между собой свою командировку члены СССР. Приблизительно в том же месте с облака опять показалась тройка на фюзеляже Ме 109ть с ослепительно—красной молнией. И опять заход на атаку, взмах крыльями, отдача чести и отлет.

Докладывать полковнику Чаушу о таком случае пришлось не медленно. «Ты запомнил в кааком квадрате это было?» спросил полковник. «Так точно в квадрате 47мь перед мостом» четко доложил Коля. «Мост, им нужен именно тотт мостт» то ли думал, то ли рассуждал Чауш сам с собой. «Ладно, завтгря направлю туды звенно И 15ть». Коля почему-то понял, что немец специально не сбил его и не заявил о своей победе, ему надо, что бы туда прилетели наши истребители и получить истинное наслаждение боем, а не сбивать курей в полете. Он даже немного зауважал врага за эти действия. Плохо было одно, что мост этот находился на территории республиканцев и летали там наши самолетики без оружия и сопровождения, а что, если завтра на охоту выйдет не барон, а немецкий плебей, рвущийся к большим погонам, это же горе. Да Чауш прав, надо отогнать немца.

Прошло больше месяца от первого полета. СССР в полном составе так и летал почтарами по всей Испании. Все готовились к встрече Нового года или, как в Испании —Рождества Христова. Готовились к праздникам и на вражеской стороне. Немецкие асы выехали в Германию на каникулы и сразу прекратились полеты и наших истребителей, за то вновь привезенные, но уже по другому маршруту СБ2, начали активно бомбить позиции восставших. Наметился временный успех республиканцев. Новый 1937й год отмечали скромно. Команду СССР пригласили в истребительный авиаполк майора Доронина, который стоял в 40ка км от яблочного сада. Чауш выделил для этих целей полторку с лавками на борту и 16ть человек вместе с командиром части выехали на празднование, получив четкие указания не пить и не упасть лицом в грязь перед интернациональным собранием военных со всего мира. Праздничный стол был накрыт в огромном актовом зале, когда-то здании музея. Столы были составлены вместе в один ряд, в место стульев сбитые скамейки, застеленные шинельной тканью. На столах испанское вино, мясо большими жареными кусками, овощи и фрукты и ни каких вилок, только несколько больших ножей для порезки мяса. Первый тост за Коминтерн, потом за дружбу между народами, за братскую помощь и так далее. После какого-то стакана начали разговаривать про боевые полеты, и Николай услышал, что тогда около моста, его знакомый Ме109ть был атакован шестеркой И15ть и после короткого боя сбил два наших ишачка, а сам ушел. Пилоты, один испанец, другой австриец выпрыгнули с парашютом и остались живы. Неожиданно на плечо Николая кто-то положил тяжелую ладонь. Коля оглянулся и о... чудо это был Василий Пуляк собственной персоной. «Вася!!! Здорово!!! Ты как тут? Давно? На чем летаешь?» засыпал он вопросами своего товарища. Вася не торопливо вытер засаленные, после аппетитного куса, губы и спокойно ответил: «оце ж война таемна» и как обрезал задавать больше вопросы. Друзья вышли на воздух. Снега в Испании нет и морозы случаются редко. На

ночном небе зажглись звезды, совсем не такие яркие и красивые, как дома в России. Друзья сели на скамейку, и Вася закурил папиросу. «Я командир, летаю на СБ2» по привычке назвав Колю командиром, выдал из себя Вася. Слышал, как мы их базу у ж.д. станции разбомбили, техники там погорело уйма сколько, танки и машины разные и люду побили почти тысячу». «А ты то небось на новеньком ТБЗ прилетел?». «Нет, Вася, я на новеньком, только У2 летаю» с иронией ответил Коля: «Почтальоном меня сделали». «Так той же оце никак не справедливо получается, а командир?», «Ты самый первейший штурман, получивши звания от Тухачевского и удруг почтонос, не хорошо оце». Они помолчали, каждый думал о своем. «Знаешь, командир, а уведь мэнэ чуточки не посадили и если бы не мой комеск быв бы я у тюрьми зараз». «Тебя то убогого за что? ты ведь и мухи не обидишь», «Я послы приизду у части сказав замполиту, что он только брехать умее, а литати не навчився». Коля смеялся несколько минут простоте, которая прямо исходила от этого огромного ребенка. «А тутечки приказ на Испанию эту, вот мяне и туранули бегом сюды». «Ой Вася, Вася, и я так же из-за своей любви к Розе сюда попал». Они долго сидели молча, Вася курил, и каждый думал о своем. Друзьям было хорошо и просто в двоим. Утром, помятых и не выпавшихся Чауш грузил в кузов полуторки. За два часа трясулки на свежем воздухе все пришли в себя и к приезду были готовы плотно позавтракать. Комполка объявил выходной и куда-то уехал на своем броневике. Все улеглись. Коля, после выпитого, обговоренного и бессонной ночи, спал, как убитый. С утра все полеты снова возобновились. Говорили, что немцы перебросили в Испанию еще 15ть новых Мессершмиттов и разместили в эскадрилью под командованием обер лейтенанта Г. Люцова в городе Альморохе. Ставилась задача разбомбить аэродром вместе с самолетами, но они успели взлететь и сбили три наших СБ2, судьбы экипажей не известны. У Николая похолодело под лопаткой. «А фамилии экипажей известны?» поинтересовался Николай у полковника. «Зачем тебе это?», «Там мой друг летает штурманом» ответил Коля. «Я постараюсь узнать если получится, сам пойми, это секрет». Потери очень существенные для нашей авиации.

Николай вошел в свою палатку. Весь СССР в полном составе был в сборе. Он обратился к старшему по группе Петру Степанову: «Петя, я как комсорг эскадрильи прошу тебя провести собрание нашего коллектива и написать об этом рапорт на имя командира части», «Собрание? на какую тему?» «Я предлагаю нашему комсомольскому коллективу СССР обратиться к командованию с просьбой перевести нас с должностей почтовых голубей в бомбардировщики. Только мы сможем ночью, не заметно подлететь и уничтожить ж.д. станцию и аэродром противника. Кто за?», все как по команде подняли руки. Петр взял лист бумаги и написал объемный рапорт с деловым предложением о ночном бомбометании. Прочитав его несколько раз, и кое-что исправив и добавив вся группа СССР отправилась к Чаушу.

Полковник сразу оценил задумку комсомольцев—добровольцев. Не рассуждая и что-то бормоча не совсем внятное себе под нос, он сел в свой личный танк с одной башенкой и уехал. Ребята сильно волновались и не переставали друг другу доказывать преимущества ночного бомбометания и с легкого самолета, как будто кто-то был против. Чауш приехал довольно поздно и сразу же всех собрал в своей палатке. «Что я Вамм скажу, елле елле убедил их, нам дали время попробовать. Завтра и полетите, вот так то, сокколы Вы мои» закончил он свою латвийскую тираду. Ночь спали плохо, все думали о завтрашнем дне, вернее ночи. С утра отлетали положенные часы по доставке почты. После обеда вместе с прибывшими механиками и бомбо укладчиками стали готовить все приспособления для подвески бомб. Работы оказалось очень много, ведь некоторые детали были сняты, что бы не мешали, положены где-то и забыты где положены, другие детали не смазывались все это время и их приходилось настраивать заново, но за световой короткий день все же успели и повесили весь разрешенный комплект под крылья, а в кабины набрали обычных гранат. Парашюты не брали, вес и так был максимально допустимый. Самолеты заправили до горлышка, про тавотили все тавотницы и вымыли стекла передних кабинок. Самолеты выстроили парами, убрали все лишнее с рулежки.

«По машинам!» скомандовал Чауш: «от винта» и самолеты, привычно пыхнув маслянистым дымом, заработали своими железными сердцами, поднимая настроение, пилотов и бомбо вес в ночное Испанское небо. Самолеты по очереди разбежались и взмыли. Чауш, перекрестил их полет, а потом вдруг вспомнил, что безбожник и оглянулся вокруг, не увидел ли кто.

Моторы работали привычно ровно. Бомберы установили пулеметы на турели и теперь готовы были не только скинуть бомбы на головы спящего врага, но и открыть пулеметный огонь по любым целям. Патронов взяли по два комплекта. Бомберы так же летели без парашютов. Своего бомбометателя Коля видел всего пару раз, его звали, как и всех Ваня или камрад. Сорок минут полета и все пошли на снижение. Затрудняло отсутствие радио и поэтому пользовались фонариками. Командир подал знак на снижение до 150 метров и вот аэродром повстанцев, вот и четкие фигуры мессершмиттов на поле, первый пошел, второй, третий, четвертый, грохот, пожар, взрывы топливных баков, беготня людей, выезд пожарных машин и пулеметные длинные очереди по засвеченным в огне целям, непрерывные пулеметные очереди, четыре струи смерти с небольшой высоты по головам врагов, получите, получите, получите—отзывался пулемет на станке за спиной Николая. Все уходим. Еще сорок минут полета и все дома. Все дома.

В палатку командира вошли сразу все восемь героев. На тарабарском языке и маша руками, постоянно перебивая, друг друга не обращая внимания на звания и должности, все говорили и говорили о том, что должно было произойти, это победа. Чауш никого не перебивал, на щеке полковника пробивалась, скупая мужицкая слеза, он радовался по-своему, он один понимал, что с завтрашнего дня это все станет просто их работой и такого триумфа, как в первый раз, больше никогда не будет. Будет только работа. Ну а сейчас была радость от первой и большой победы. Петр принес две бутылки н. з. коньяка с сух. пойка и разлил в стаканы. Выпили. Мало. Чауш приказал всем идти в столовую. Выпили спирта, никто не пьянел. Это была просто молодость.....

На утро следующего дня получили сводку. «Во время ночного налета штурмовой авиации республиканской армии на аэродром повстанцев уничтожено пять новых самолетов Me109ть, два Фоке Вульфа, четыре машины заправщика, топливохранилище и около 200 человек обслуги в том числе три летчика. Потерь у наших штурмовиков нет». Прослушав сводку все возмутились, при чем тут штурмовики, почему нас не хвалят? но потом только поняли, что разбомбить немцам их сад—рай раз плюнуть, а пока они на него не обращают внимания, как на боевую единицу, они будут самым грозным штурмовым подразделением в Испании.

Следующей ночью налет повторили и опять большой успех, и опять в сводках штурмовая авиация. Немцы сбились с толку, разыскивая секретный аэродром на расстоянии до 200 км от линии соприкосновения, и им еще долго было не в домек, что это наши кукурузники. В марте 1937 года повстанцы полностью разбомбили аэродром в саду—рай и начала атаковать Мадрид с севера, в основном это был итальянский экспедиционный корпус, в районе Гвадалахары он был полностью уничтожен и нашей группе СССР пришлось перебазироваться на новое место. Это был первый дневной бой. Самолеты У2 с полной подвеской атаковали вместе с советской танковой колонной корпус итальяшек. Никогда не отличавшиеся мужеством военные Муссолини бросали оружие и технику и бежали в разные стороны от танковой колонны, которая тупо расстреливала их из орудий и пулеметов. Самолеты завершали действия танков, бомбы ложились перед отступающими частями, создавая давку и еще большую панику. Лето 1937 года выдалось жарким не только по температурному режиму, войска республиканцев наступали в июле—сентябре в районе Брунете и под Сарагоссой. По их принципу в Испании укомплектовали целый полк У2 и сделали их ночными бомбардировщиками, опять надобность в маленькой группе почтарей просто отпала сама собой. Им поручались опять только почтовые задания и хотя летать приходилось почти с линией соприкосновения, второго пилота—пулеметчика не

брали и сам пулемет старались не устанавливать. С германскими летчиками уже тогда сложились честные отношения, они не трогали гражданские самолеты.

Очередной раз встреча с Ме 109 под №3 с красными молниями, личным знаком Ганса Фон Кньюпеля, произошла в начале декабря 1937го года, когда повстанцы начали большое наступление на Теруэль. Команда СССР уже ждала корабль с ротацией, но полеты никто и никогда не отменял. Коля летел не далеко от линии фронта по своей территории, как неожиданно с тучи вынырнул его знакомый Ме 109ть и зашел на ударную позицию. Николай сам помахал ему крыльями и ушел в сторону. Очереди не последовало. Фон Кньюпель развернул машину и легко догнал У2. Заметив лицо Николая он как-то по-дружески помахал ему рукой и вдруг поднял в своей кабине и показал Коле футбольный мяч. Развернувшись он прошел мимо еще раз и опять догнал Колю и опять показал мяч. Коля вспомнил ту игру в Харькове с германскими летчиками и помахал в ответ рукой. Оба улыбались ведь в этот момент они не были врагами, они простые пацаны только с разных формаций, стран и положений. Ну кому она нужна эта война? Ганс помахал еще раз и пропал в облаках, а Николай выполнил очередной рейс и вернулся на аэродром. Говорить об этом нельзя было даже родному отцу, Николай промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.